

СЕРГЕЙ БОРОВИКОВ

ВЕСЕЛЫЕ ПОМИНКИ

С Е Р Г Е Й
Б О Р О В И К О В
В Е С Е Л Ы Е
П О М И Н К И

Боровиков Сергей Григорьевич

Веселые поминки. – Саратов: Музыка
и быт, 2021. – 208 с.

ISBN 978-5-9758-1690-6

Союз писателей СССР (1934-1991) – тема новой книги писателя. Составившие её тексты в разное время печатались в журналах «Волга», «Знамя». «Новый мир», «Урал».

ISBN 978-5-9758-1690-6

© Боровиков С.Г., 2021

ОТ АВТОРА

Значительная часть моей жизни связана с Союзом советских писателей. Я родился в семье члена СП, и сам состоял в СП с 1977 года.

Я участвовал в сотнях писательских собраний, пленумов, бюро, был делегатом съездов СП СССР и СП РСФСР, знал многих СП-функционеров разных уровней, множество членов СП из Москвы, Питера, и особенно из волжских городов. Я пользовался теми благами, которые давало членство в СП: получил квартиру за литфондовские деньги, брал путевки в дома творчества.

Наконец, я принял участие в разделе СП РСФСР на СРП и СПР, которые быстренько сформировали взамен старого собственные генералитеты, штабы, обросли юркими функционерами, Борьба пошла не за «демократические» или «патриотические» ценности, но за конкретное место под солнцем – Переделкино, Внуково. Все это печальное подтверждает не столько порочность людей во власти, сколько порочность системы «творческих союзов», где все равны, но кто-то всегда равнее.

На местах потише, так как Переделкино нет, вместо одной в областных центрах стало по две писательских организации: как правило более многочисленная и более активная СПР, и малочисленная и инертная СРП. Первая выбивает из местных властей деньги на издания, стипендии, премии, вторая жалуется сама себе на обманутые надежды

90-х. И еще создаются новые СП, об одном таком в Саратове см. «Союзники». Словом, казалось, что некогда волшебной звучащая мелодия «Союз писателей», со всеми ее сладостными обертонами, включая самую красивую в стране членскую книжечку, высмеянную Булгаковым, превратилась в звук пустой, к которому стремятся вовсе уж окаменевшие в собственных сочинениях графоманы с надеждой услышать, как кто-то где-то скажет про него: «Писатель!»»

Однако события последних лет свидетельствуют неизбежную тягу многих пишущих к объединению, притом под государственным крылом, что сулит материальное стимулирование производства духовных ценностей. Своеобразный итог – образование в 2020 году Ассоциации союзов писателей и издателей России. Собранная по инициативе пяти крупнейших объединений: Союза писателей России, Союза российских писателей, Союза писателей Москвы, Союза писателей Санкт-Петербурга, Российского книжного союза, Ассоциация призвана объединить, защитить, и т.д. и т.п. Убежден, что подобно тому, как вся структура Союза советских писателей следовала структуре аппарата КПСС, а сам СП был «верным помощником» партии, новую Ассоциацию ждет полная зависимость от власти. И поэтому я взялся препарировать еще неплохо сохранившийся, может быть тайно забальзамированный, труп Союза советских писателей.

Союза, который давал его членам столько же путевок, квартир, утоления тщеславия, сколько отнимал у них человеческой гордости, профессиональной чести, гражданской совести.

С Ъ Е З Д ПОБЕДИТЕЛЕЙ С Е Б Я

17 августа 1934 года в Москве в Колонном зале Дома Союзов собрались на свой первый съезд советские писатели.

Там были Горький и Пастернак, Ал. Толстой и Пришвин, Бабель и Зощенко, Олеша и Твардовский, Пильняк и Паустовский, Катаев и Федин, Шолохов и Эренбург, Вс. Иванов и Леонов, Вересаев и Шишков, Чапыгин и Тынянов. Была делегация от Саратовского края – В. Бабушкин, С. Дальний, А. Дорогойченко, В. Земной, а также М. Выпустек, И. Бехер от Республики немцев Поволжья, входившей в наш край.

Всего 591 делегат. У выступавших были основания заявлять, что представлена вся советская литература, чье «оружие – слово», чья цель – стоять на страже дела революции–

онной литературы всего мира» (из приветствия делегатов И. Сталину, зачитанного в первый день работы В. Луговским).

Вал приветствий, продолжившийся одой Климу Ворошилову (Вс. Вишневский), подымался воистину, как девятый. Тогда и было положено начало общению с народом, читательским наказам, которые с трибуны зачитывали срывающимися от волнения голосами рабочих и колхозница, учениый и пионерка.

Впрочем, в восторге, с которым люди воспринимали съезд писателей, было куда меньше поздней казенной организованности, обязаловки, цинизма. Раз в стране Советов все самое лучшее и передовое – самыми лучшими и передовыми должны быть и писатели, среди 1500 которых вождь литературы М. Горький наметил «5 гениальных и 45 очень талантливых. Я думаю, для начала хватит и этого количества». Именно под это количество был воздвигнут под Москвой комфортабельный усадебно-лагерного типа поселок Переделкино, началась раздача орденов и вскоре учрежденных Сталинских премий.

Не будем выделять и становящиеся ритуальными здравия Сталину, и обещания верно служить делу партии, вроде того, как Леонид Леонов призвал работать так, чтобы «иметь все основания сказать, что мы достойны быть современниками Сталина», и поиски происков врагов в речах делегатов,

отметим лишь, что среди собравшихся в зале действительно практически всех живших тогда на территории СССР писателей такая атмосфера царила впервые.

Конечно, Пастернак, предостерегающий от литературного благополучия, от опасности сделаться литературными сановниками, не стал бы подобно следом занявшему трибуну «бородатому комсомольцу» Безыменскому доносить на «надевших маски врагов» «юродивого» Заболоцкого и «кулака» Васильева. Конечно, отстаивающий право на ошибку, на молчание, на сомнение Эренбург не стал бы, подобно Панферову восхищаться «простотой и мудростью» наркома Ворошилова. И все же происходило то, что А. Беллинков назвал «сдачей и гибелью русского интеллигента». Он адресовал это определение Юрию Олеше, речь которого на съезде произвела на всех огромное впечатление (ссылались на нее, одобряли, спорили с нею). То была речь-покаяние. «Я не виноват, что моя юность проходила в условиях, когда мир, окружающий нас, был страшен». Он вспоминает о реакции на «Зависть», о том, что его потрясли обвинения в адрес Кавалерова: «ведь Кавалеров смотрел на мир моими глазами». Так «я представил себя нищим». И хотя писатель заявил, что выводит себя из этого состояния, главным стало преклонение перед новым миром. «Во мне хватает гордости сказать, что, несмотря на то, что я родился в старом мире,

во мне, в моей душе, в моем воображении, в моей жизни, в моих мечтах есть много такого, что ставит меня на один уровень и с рабочим, и с комсомольцем».

Михаил Кольцов выступил в балаганном стиле, который позднее принял на вооружение и многократно потешал им различную аудиторию Михаил Шолохов. Кто-то, как наш земляк Федин, обошелся и без покаяний, и без обличений, призывая повышать писательское мастерство. Одним из самых заметных был доклад Николая Бухарина о поэзии – едва ли не самое литературное, что было произнесено на писательском съезде, недаром бдительные литераторы Демьян Бедный, Сурков и др. обвинили партийного босса в аполитичности. Кстати, в этом докладе нет оскорбительных слов о Сергее Есенине, они (столь часто ныне цитируемые) содержатся в другом его выступлении.

На съезде много говорилось о классической литературе, и особой мишенью, обозначенной сразу самим Горьким, был избран Достоевский. Шкловский так и вовсе предложил судить Федора Михайловича. И всё же и жизни, и литературы было побольше, чем прозвучит в речах делегатов собранного лишь в 1954 году Второго съезда.

Внешнее объединение писателей для «практической работы – организации всесоюзной литературы как целого» (М. Горький) произошло. Что не помешало взамен ликви-

рованных постановлением ЦК групп и объединений существованию непримиримых лагерей и их печатных органов. Симонов – Бубеннов, Шолохов – Эренбург, Твардовский – Кочетов, «Юность» – «Молодая гвардия», «Новый мир» – «Октябрь» и т. д. Завоеванием I съезда была демонстрация единства. Непримиримые враги на очередных своих съездах дружно голосовали за предложенные резолюции.

О I съезде писателей долгие годы мы могли судить по слащавым воспоминаниям престарелых участников, да немногим кадрам кинохроники с высоким окающим Горьким, восторженным Пастернаком, улыбками толпы вокруг Колонного зала.

Стенографический же отчет улегся в спецхран. Сейчас это поучительное и удручающее чтение. Ну, вот, подобие викторины: Кто сказал? «Всякая наша идейная оплошность не есть ли по крайней мере неметкий выстрел в ту сторону, куда направлены пристальные взгляды всей страны?» Л. Леонов.

«Мы должны просить правительство разрешить союзу литераторов поставить памятник герою-пионеру Павлу Морозову...» – М. Горький (на съезде провели и сбор средств на памятник отроку).

Одна цитата была сразу же взята на перо и тысячекратно использовалась всеми, кто бы ни держал речь о советской литературе, автор же её, Леонид Соболев, этими ловкими и вовремя сказанными словами обеспечил себе пожизненное су-

ществование в качестве литературного сановника: «Партия и правительство дали советскому писателю решительно всё. Они отняли у него только одно – право писать плохо». И потом никому, даже Шолохову, не удалось перекрыть сей афоризм во многих и многих речах. Если не замечать невольной иронии насчет права писать плохо, отношения сформулированы верно: всё могут дать, а могут и всё, включая жизнь, отнять. Партия поступила в общем-то честно, объявив писателей своими помощниками и стала относиться к ним согласно исполнению этой роли помощников: старательных и верных награждала, нерадивых и ленивых воспитывала, от нежелающих помогать избавлялась.

Спустя годы историки литературы подсчитали, сколько среди делегатов I съезда стали жертвами репрессий, а сколько пали на фронтах войны. Спустя годы мы можем судить, что, несмотря ни на что, литература была, в том числе и освященная партийным знаменем. Мы можем иронизировать и умиляться, сожалеть и негодовать. Лучше всего, конечно, исследовать. Но если книги участников (и не участников) того воистину исторического съезда давно есть предмет исследования, то феномен Союза писателей СССР, основание которому положил его I съезд, еще почти не затронут в литературе.

2014

ЕДИНОМЫШ- ЛЕННИКИ

I

Некогда я был связан с тем общественно-литературным направлением, которое с легкой руки Николая Митрохина¹ именуется «Русской партией».

Ближе других деятелей «русской партии» я общался и переписывался с Олегом Михайловым, Сергеем Семановым и Виктором Чалмаевым (см. роман «Крюк»: Легатов, Кеменов и Курлянжин²). Главными же там были руководители российских журналов и издательств – Михаил Алексеев, Сергей Викулов, Анатолий Иванов, Николай Шундик, Юрий Прокушев, Валентин Сорокин, Николай Сергованцев. Кто-то просто функционер, кто-то, как Алексеев и Иванов, известные писатели, а негласный «набольший» – Юрий Бондарев,

¹ Николай Митрохин. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М.: НЛО, 2003.

² «Знамя», 2002, № 11.

второй после Сергея Михалкова руководитель СП РСФСР. При всех оговорках и уточнениях в основном это были единомышленники, которые сами очень любили употреблять это знаковое для них определение, словно подчеркивая принадлежность к некоему неофициальному ордену, где главной идеей было первенство русского патриотизма при наличии врага в лице евреев.

Но каким образом меня занесло если и не в ряды, то близко к «единомышленникам»?

В 1971 году, двадцати четырех лет, имея диплом преподавателя русского языка и литературы, год после университета прослужив в киностудии секретного технологического НИИ, я маялся без работы, и тут отец, член Союза писателей СССР, предложил порекомендовать меня главному редактору журнала «Волга», где, как он слышал, требовался корректор. Вполне зная литературную среду, я туда не стремился, но и не опасался ее, журнал же не читал, настолько убого выглядел он в сравнении с «Новым миром» и «Юностью», да и никто из моих знакомых его не читал.

Так называемые толстые литературные журналы были тогда двух разрядов. Первый – органы Союза писателей СССР, второй – союзов писателей республик, в нашем случае – РСФСР. Всего российских было одиннадцать: в Москве – «Октябрь», «Москва», «Наш современник», в Ленинграде –

де – «Нева», в провинции – «Волга», «Дон», «Дальний Восток», «Урал», «Сибирские огни», «Север», «Подъем». Были журналы и двойного подчинения: ленинградская «Аврора» – СП РСФСР + ЦК ВЛКСМ, питерский же «Костер» – СП СССР + ЦК ВЛКСМ. Были свои литературные журналы на двух языках в автономиях, в русских областях выходили альманахи. Система, как видим. К чему это я? А к тому, что перед бандой поэтических (прозаических и критических) рвачей и выжиг день и ночь витал главнейший вопрос: где печататься, и они зависели от сотрудников печатных изданий, чья работа считалась престижной.

В «Волге» работали, согласно штатному расписанию, семнадцать человек: главный редактор, заместитель главного, ответственный секретарь, заведующий отделом прозы (плюс два редактора отдела), заведующий отделом очерка и публицистики (плюс редактор отдела), заведующий отделом критики и библиографии (плюс редактор отдела), заведующий отделом поэзии, заведующий редакцией, технический редактор, два корректора, секретарь-машинистка и уборщица. В столичных журналах штат был больше и оклады выше. У нас главный получал 250 рублей, корректор 75, остальные между.

И было тогда в российской словесности два лагеря: либеральный (он же, для патриотов, еврейский) и патриотиче-

ский (он же, для либералов, черносотенный). Не знаю – и думаю, никто точно не знал – процентного соотношения представителей того и другого лагеря среди членов Союза писателей, но Правление СП РСФСР и его печатные органы были по преимуществу «патриотическими». Такова была и «Волга», которую возглавлял Николай Шундик, автор нескольких романов, активнейший участник всевозможных СП-акций.

Достоинство объяснения то, каким образом писатель, не имевший ни малейшего отношения к Волге, стал редактором только что (1965) образованного республиканского журнала «Волга» в Саратове. Был до этого Николай Елисеич, прежде там не живший, ответственным секретарем Рязанской писательской организации, в Рязани с ним случился скандал из-за любовного романа с актрисой местного театра, и город пришлось покинуть. И тогда его назначают руководить «Волгой». Но ведь в зону журнала официально вошли десять областных центров Поволжья, где жила не одна сотня членов Союза писателей, в том числе и, что требовалось, партийных. Почему же не выбрали редактора среди них, а назначили проштрафившегося в Рязани Шундика?

А потому, что он входил в советскую номенклатуру, за редкими исключениями пожизненную, и оставлять но-

менклатурщика без должности было не принято. Так и Николай Елисеевич после «Волги» стал в Москве секретарем СП РСФСР по национальным литературам, а затем директором издательства «Современник».

«Единомышленники» были двух категорий. Первые, прозаики и поэты, как правило, были родом из села, вторые, критики, – преимущественно москвичи. Первые, поклоняясь крестьянскому «ладу», ненавидели не столько власть, сколько город с его культурой, и поэтому не доверяли вторым, подозревая их в ненадежности, а то и в измене. Вторые тоже не любили власть, но любили город. Ими же синхронно двигали расчет (во главе СП и редакций стояли большей частью люди крестьянского происхождения) и искреннее увлечение национализмом, сопряженное с игрой в монархизм. И если первые вторых, не любя, опасались, то вторые первые, не любя, презирали, зло насмешничали. Вот, к примеру, застойный пересказ Чалмаевым романа Анатолия Иванова «Вечный зов»: «Книга первая, глава вторая. Онисим Кривой, воротясь с ерманской, застал жену свою Евдокею с барским приказчиком Кузьмой. Не торопясь, отрубил он Евдокее сиськи и велел принести деток. Покидал их в колодец и тогда взялся за Евдокею основательно. Книга седьмая, глава шестая. Лето тридцать седьмого выдалось ненастное. Зарядили дожди. В лугах стало гнить сено. Подымал голову классовый враг».

Но и первые, и вторые, и те, кто их наверху поддерживал, сознавали, что вторые в конечном счете просто обслуживают первых. Когда меня назначили заведующим отделом критики, я как-то услышал от того же Чалмаева про сложившуюся структуру этих взаимоотношений: «Вот ты, Сережа, уже небезлошадный, ты смолodu уже ларечек получил в пользование. Это мы с Олeжкой пролетарии литературного, так сказать, труда, и должны, действительно, понимаешь, обслуживать имущих, чтобы на кусок хлеба заработать».

Под ларечком понималась моя должность заведующего отделом критики журнала «Волга», а политэкономия существования советских писателей в изложении Виктора Андреевича была крайне проста.

Писатели подразделялись им на неимущих, то есть не служащих и не имеющих чинов, и имущих, среди которых первый ряд занимали, естественно, секретари творческого союза, главные редакторы журналов, киностудий, издательств. Но и мелкие аппаратные или издательские должностишки вроде моей обладали немалым потенциалом: «Ты можешь напечатать рецензию на роман главного редактора другого журнала, а можешь не напечатать. Конечно, тебе и прикажут, но все равно у тебя инициатива. А мы с Олeжкой побегать должны, свои услуги предложить. А главный, понимаешь, редактор помнит и видит, кто его, так сказать,

хвалит или ругает. А еще ты мне можешь заказать, действительно, статью, и я у тебя заработаю, и буду тебе признателен, и если ты выпустишь, так сказать, книгу, почту за долг похвалить ее, а если, к примеру, мне дадут на отзыв рукопись твоей книги из издательства, о котором ты в своем журнале, не будь дурак, и о главном, и о заведующим редакцией уже отозвался, то, так сказать, понимаешь ли...».

«Мы же, братец, – говорил мне в другой раз Олежка – то есть Олег Михайлов, – с Виктором Андреевичем вынуждены ларечника, а тем более лабазника, ласкать. Эх! К тебе сами придут, а мы должны побегать, предложить услуги. А я вот имяреку, болвану бездарному, спинку должен помыть, чтобы он меня при составлении годового плана не забыл, да еще должен результат помывки у тебя, скажем, опубликовать, для чего должен помыть спинку и твоему главному, ну уж а с тобой, – тут он умилился и заблестел очками, – как друзья, просто выпьем!»

Резонно предположить, что раз было некое неформальное объединение идейных единомышленников, оно не могло обойтись без каких-то программ, планов по осуществлению... но осуществлению чего?

Семанов любил давать наставления насчет активизации каких-то действий, энергичного движения, боевитости, но на деле все сводилось к разговорам о поддержке своих и

попрании чужих. При этом сам он говорил, что надо действовать осторожно, и когда распространилось обращение Куняева в ЦК против засилья «сионистов», иронически комментировал: ну что ж, хочет быть героем, мы ему поаплодируем. Вообще близости меж единомышленниками не было. Наособицу был Иванов со своей «Молодой гвардией», близкий комсомольской верхушке. А если к Куняеву мои знакомые относились с усмешкой, то к Кожинovu настороженно, никогда не забывая упомянуть, что тот женат на еврейке. Отчуждение было вокруг Селезнева, чью опасную публичную откровенность объясняли необъяснимой близостью вчерашнего провинциала к сильным мира сего, рассказывая о его вхожести в «салон мадам Цвигун»: жена первого заместителя Председателя КГБ СССР слыла писательницей и меценаткой. И т.д.

В круге Михайлова, Семанова, Чалмаева царил Петр Палиевский. Ему поклонялись как даже не главному, а единственному интеллектуальному центру «русской идеи». На его остроты о своих не обижались, напротив, их тиражировали, как Семанов, с восторгом сообщавший, что «Петюшка» назвал его «бегающим бревном». Я с Палиевским почти не встречался, так как дружба с другими была густо замешана на спиртном, а Петр Васильевич не употреблял. Лишь однажды в Коктебеле я стал объектом его насмешки. В тамошней би-

блиотеке я взял том Акутагавы, слыша восторги, но прежде его не читав. Когда на пляже Петр Васильевич полубопытствовал, что же я читаю, изрек в адрес японца: «Всемирный выпендрей!»

Все то дурное, что я вспоминаю, может создать у читателя впечатление как присущее исключительно «патриотам» и не бывшее у «либералов». И когда мой приятель спросил: побывав у первых и став приверженцем вторых, могу ли я определенно сказать о преобладании дурного у первых и отсутствии его у вторых? И тогда я назвал ему общим для обоих лагерей злом Союз писателей СССР, породивший великое множество вредоносных для литературы и губительных для писателя норм, обыкновений, правил, привычек, ярко показанных в главах о МАССОЛИТе в романе «Мастер и Маргарита». И все же, сказал я товарищу, зная и понимая многое в писательской жизни советской и постсоветской России, я утверждаю: проявлений этого зла я наблюдал больше в лагере «патриотов» и могу это объяснить тем, что у «либералов» не было чего-то сопоставимого с юдофобией у «патриотов».

Конечно, и русофобия – не вовсе выдумка Игоря Шафаревича. Но я полагаю, принципиальная разница определяется тем, что она направлена не против русского человека, как юдофобия против еврея, а против русского государства с его многообразным опытом подавления личности. Не потому ли

современный режим постоянно пропагандистски использует русофобию? И если в наши дни возросла активность иных писателей по воссозданию профессионального сообщества литераторов, то очевидно, литераторам каких воззрений потребна госкрыша.

II

Олега Николаевича Михайлова (1933–2015) редко кто называл по отчеству, все Олег да Олег.

Про его превращение из либерала в патриота в ходу была фраза Палиевского: «Олег, ты повернул штурвал, как пьяный шкипер!» Метафора выдает в Петре Васильевиче человека книжного, но из нее видна неожиданность михайловского превращения.

Вот шуточная биосправка, сочиненная Семановым:

«МИХАЙЛОВ Олег (Алексей) Николаевич, род. в 1933 г. (по паспорту в 1932). Лит. псевдонимы: В. Петелин, Ольга Власенко. Покинул Курское Суворовское училище в знак протеста против культа личности Сталина. Творческий путь сложился под влиянием таких писателей, как Иван Бунин, Семен Шуртаков, Владимир Набоков, Иван Чигринов. В Союз советских писателей вступил по рекомендации К.И. Чуковского, А.Г. Дементьева и Ф.М. Левина. Активный

сотрудник журналов «Юность», «Новый мир» и «Сельская молодежь». Участник петиционной кампании в защиту Галанскова и Гинзбурга. Автор мемуаров «Час разлуки», а также беллетризованных книг, посвященных разоблачению царизма во второй половине XVIII века. Много пишет о творчестве секретарей ССП М. Алексеева, Ю. Бондарева и И. Стаднюка, а также замдиректора Ин-та мировой ли-ры П. Палиевского».

Что здесь требует пояснения? Ольга Власенко, жена отставного генерала Пастухова и сама полковник – в войну директор оборонного завода, которой Олег не только переписывал ее жуткие романы и продвигал их в печать, но и писал на них хвалебные рецензии под разными псевдонимами. Чалмаев утверждал, что это в расчете на генеральскую дачу, и даже пустил сплетню, что бездетные Пастуховы обещали Олега усыновить. А дача была завидная, из тех, что после войны построили генералитету в Архангельском.

Список же якобы повлиявших на Михайлова писателей говорит сам за себя: Олег и в самом деле был способен одновременно писать о Бунине и Шуртакове.

Рекомендатели в СП подлинные, и все в общем-то реально, но если при этом вспомнить, что сам Семанов начинал как заведомо пропаганды Ленинградского райкома комсомола, картина формирования взглядов деятелей «русской

партии» станет выразительнее. А от своей подписи в писательской коллективке в защиту Галанскова и Гинзбурга Михайлов потом отречется в покаянном письме в ЦК (см. Сергей Чупринин, «Оттепель»).

Познакомился я с ним в марте 1975 года на 6-м Всесоюзном совещании молодых писателей. Эти совещания были весьма престижны, означая некую серьезную ступень на пути профессионального признания, и обставлялись помпезно. В утро открытия в вестибюле гостиницы «Юность» я оказался рядом с Женькой Мельниковым из Ульяновска, который вдруг застыл, бормоча: «Братцы, держите меня, живой Леонов!» А криворотый классик, угрюмый и как бы заиндевелый, двигался, ни на кого не глядя, сквозь толпу.

Я сам подошел к Михайлову в перерыве заседаний и представился, так как заочно он знал меня, напечатав в журнале «Наш современник», где заведовал критикой, мою рецензию на воспоминания художника Владимира Милашевского. Неподалеку беседовал с какой-то девицей Евтушенко. Михайлов собрался было к нему подойти, показав при этом почтовый конверт с письмом от отца Иоанна Сан-Францисского, который передавал Е.А. привет, однако передумал. Много спустя он рассказывал о бывлой дружбе и ссоре с поэтом, который, когда Олег припал к национальным, так сказать, истокам, где-то его оскорбил. Я всучил ему свою первую

книжонку, благодаря которой и стал участником совещания молодых. Вскоре было письмо, где он сообщал:

*«Никак не доберусь со своим “Державиным” до конца: то летом болел (сердце), то потом были разные “личные” нелады, там и те-
кучка заела – иждивенцы и проч. Сейчас сижу на трех главах “Кар-
теж” (о том, как Державин играл в Москве в фараон), “На родине”
(о том, как ловил Пугачева и Пугачев ловил Державина под Сарато-
вом) и “Возвышение” (как выиграл 40 тысяч и начал становиться
вельможей и поэтом сразу). Впереди самое интересное, и это все
будет полу-роман (не как “Суворов”, а сочнее), у меня на приме-
те целая глава “Разговоры” – о матушке Екатерине II, ее силах и
слабостях. В общем – хочу доплунуть не до А. Толстого, конечно
(высоко, да и опыта нет), а до Шишкова в его “Пугачеве” (не Бог
ведь какая высота, но все же). Хочу тогда и “Волге” что-то пред-
ложить, авось что-нибудь понравится».*

Прочитав с удовольствием «Державина», я предло-
жил Шундику не отбирать главы, а печатать полностью, и
в 1977 году приехал в Москву, назначенный редактировать
текст. В Правлении СП РСФСР (еще не на Комсомольском про-
спекте, а на Софийской, тогда Мориса Тореза, набережной),

¹ Так в цитируемом тексте.

гостиничку мне определили в неожиданном для постоянного двора месте – высотке на Котельнической набережной, где много лет спустя поселится Михайлов. Там в нескольких комнатах, уставленных койками, было вроде как общежитие. Оставил вещички и поехал к Михайлову, который, узнав про общежитие, тут же предложил перебраться к нему, что я сразу и сделал.

Мы скоро нашли общий язык, и редактора особых проблем не принесла. И тогда же, в 1977 году, «Державина» опубликовали в «Волге». В связи с этим небольшой сюжет. Всю публикацию сопровождали иллюстрации, за которыми в Москве мы с автором ездили в редакцию ЖЗЛ, и в верстке ноябрьского номера окончание романа открывал портрет Екатерины II. И позвонил мне Саша Карелин¹ и сообщил, что Михайлов ходит с этой версткой по редакциям и, указывая на императрицу, кричит: «Полюбуйтесь – мой подарок большевикам к шестидесятилетию Октября!» И я попросил от-всекретаря снять изображение Катеньки.

В том же 1977 году он сообщал, что «почти закончил свое сочинение “Час разлуки”», и я предложил прислать.

¹ А. Карелин, зав. редакцией критики издательства «Современник», мой приятель.

И он прислал автобиографический «Час разлуки». «Я не жду ничего хорошего от Викулова, но ежели не пройдет в Волге, отдам Наровчатову¹. Ничего крамольного в р-не нет».

Роман мне понравился, да и сейчас нравится.

«Милый Сергуня! Даже если начальство завернет хоккейным викуловским приемом² мой опус и мне придется (чего, ей-ей, не очень хочется, несмотря на доброе ко мне сего льва отношение) ползти в город Наровчат, к С.С., и все равно я останусь с добрым чувством – за твое письмо и хорошие слова. <...> Сокращать! То есть, сейчас говорить об этом нечего – пусть прочитает Палькин³. Но ведь и слух о том, что Бондареву р-н нравится, тоже кое-что да значит! Что же касается Смахачева⁴, то его мне, конечно, жалко и по делу: это мелкий бес, дьяволенок, к-й лично и личностно воплощает в себе то гадкое, что есть и в Алексее, и в Алене, и в Человеческом коте, но разбавлено. И в то же время он фигура более яркая, чем они все – гниющий талант. Конечно, если р-н будет принят, если все упрется только в э т о, я подсокращу его. Ибо главное в другом. Как сказал Палиевский (Тимохин), прочитав р-н, все гл. герои совершенно не похожи на своих прототипов, зато подробности таковы, что пронзают тебя, как осколки рас-

¹ Сергей Наровчатов – главный редактор журнала «Новый мир».

² Известный хоккеист был однофамильцем редактора «Нашего современника».

³ Н.Е. Палькин сменил Шундика на должности главного редактора «Волги».

⁴ Персонаж, взятый с Сергея Чудакова.

цепленного атома. А уж это такой зверь, что ему я с содроганием и страхом отдавал читать».

А следующее письмо 1978 года привожу для наглядности олеговских дел и методов.

«Дорогой Серега!

Получил только что твои “Перекрестки”, но прочту через неделю: занят небольшой повестушкой о генерале Гурко для пожарного сборника в “ЖЗЛ”. Не худо бы только тебе иметь по сле сле в и е, чтобы не обрывать на Вертинском, придерется если не Прок¹, то Байгушевский².

Коновалов прислал мне очень доброе и хорошее письмо, где, кстати, сказал, что “ЧР”, по словам Н.Е., читается “благоприятственно”. Что сие значит?

Теперь о Корнюшоне³.

Я поговорил с Сорокиным, который, если будет что серьезное, пристегнет Ненашева (зама Тяжелникова!). А “Лит. Обоз” сказал он, ерунда. Но я поговорил с Гейдекой⁴, приятелем Лавлинского⁵.

¹ Юрий Прокушев – директор издательства «Современник».

² Александр Байгушев – его заместитель.

³ Леонид Корнюшин, писатель.

⁴ Валерий Гейдеко – критик.

⁵ Леонард Лавлинский – главный редактор журнала «Литературное обозрение».

И тот сказал, что Лавлинский снимет ругательную рецензию в “ЛО”, если таковая там есть.

Наконец: В понедельник, по договоренности с Высоцким¹ (замом Софронова) несу три страницы, воспевающих Корнюшона, в “Огонек”. Дадут в конце января!

Читал ли ты и волжане “Путь к прозе” – статью, где А. Ушаков много и полезно хвалит “Державина” в Лит. России от 2 декабря?».

Начинает с дел адресата. «Получил» означает, что в издательстве «Современник» ему дали на внутреннее рецензирование мой сборник статей «Перекресток традиций», откуда статейку о Вертинском уже выкинул Карелин, не дожидаясь реакции директора или его зама.

«Благоприятственное» чтение романа «Час разлуки» означало, что Палькин давал читать верстку опасного текста приятелю – секретарю саратовского обкома по идеологии Родионову, а главное – начальнику саратовского ГБ генералу Смолину, описанному в бытность того в Москве в повести В. Войновича «Иванькиада». Палькин был поражен, когда Смолин в разговоре с ним показал хорошее знание жизни Михайлова вплоть до его местожительства.

¹ Сергей Высоцкий – заместитель главного редактора журнала «Огонек» Анатолия Софронова.

О «Корнюшоне» Олег сообщает мне совершенно напрасно, так как я был категорически против публикации чудовищного во всех отношениях романа Л. Корнюшина «Прозрения и надежды», но интересна масса усилий, которые Олег прилагает, чтобы по просьбе Палькина остановить негативные отклики на роман.

А вот письмо примерно 1979 года.

«...быстренько долбаю Куприна (есть 7 листов из 15). Но вот что меня смущало: 1) “Огонек” хотел дать несколько отрывков – не повредит ли вам? 2) беллетризованная глава у меня сменяется “отступлением” на 5–10 стр. – критического характера. Они, наверно журналу ни к чему, но без них может показаться голо.

Впрочем, решайте и в целом, и в частностях. Издать бы Гаврилу хоть в 81 году у вас – чудо. “Суворова” все хотят переиздать, а “Державина” пока никто, хоть и “Д” написан лучше. Если это не отговорка – нажми на парня в смысле плана, а? Тогда я не буду колотиться и устаривать где-то еще.

Я приехал с невестой, Карелиным, машиной, Петелиным, Лихоносовым энд генералами, которым ничего не говорю о том, что написал мне об их, вернее, ее романе Ник. Ег. Кстати, скажи ему, вместе с приветом, что поэму мне прислали на рецензию и я, т.е. рецензию, напишу здесь и отошлю в “Соввр-к”. Юбилей Суворова ре-

шено отмечать широко в 1980 году, дабы не сталкивать друг друга генералиссимусов. Так сказал мне генерал Рябов (Воениздат)».

«Куприна» мы не напечатали, и саратовского переиздания «Державина», какое обещал Олегу Палькин, не было.

Наконец, он женился. Письмо апреля 1980 года:

«Мой миленький дружок!

Да, судьба моя решена и т.д. Лихоносов, которому очень нравится своим существом моя Тина, уже не раз присылал мне многозначительные письма в конверте, на котором были выведены сии слова и их произносящий: официант в бачках из ресторана Якорь на углу Б. Грузинской и Тверской.

Свадьба была в день Сов. Армии, вернее свадьбы не было, а была Ольга Воронец и генерал Рябов¹ (свидетели) – какая истинно русская свадьба без генерала, да еще хорошего, настоящего, из генеральского теста выпеченного? Отсель отравились мы сразу в Пе-

¹ Певица Ольга Воронец была сводной сестрой Михайлова по матери, а генерал Рябов – начальником Воениздата, а насчет его «настоящего» генеральства читаем: «Встретив Великую Отечественную войну на Дальнем Востоке в должности секретаря политотдела 107-го укрепрайона, Василий Сергеевич закончил свой боевой путь старшим инструктором политотдела 25-й армии по комсомольской работе».

ределкино, где не устаю огорчать Тину переделками-выпивками, которые настигают и там, вытягивают в Москву и т.д.

Недавно, готовясь к балансовой комиссии по “Совр.”, еще раз перечитал твою критич. книжку¹ и еще раз порадовался твоему светлому письму, легкости, интеллигентности и блеску. Снова подумал: как же без Вертинского (о чем хотел бы сказать на комиссии перед Свиридовым², но “Совр.”, от которого остались одни руины, не смог собраться на комиссию: Шундик³ болен серьезно, Сорокин – несерьезно, но тоже болен, Марченко просто болен, а здорового Панкратова⁴ не хотели приглашать. Гибнет хорошее изд-во русское! Вот внутривидовая борьба – она злее межвидовой! А не попробовать ли тебе занять там постище! Вот бы славно! Саратов тебе уже противопоказан...»

О второй жене Олега (с первой он разошелся до нашего знакомства) хорошего не знаю. Привел ее к Михайлову, небесплатно, как и многих предыдущих «невест», Сергей Чудаков, вызволив из милиции на Рижском вокзале, где ее задержали за проституцию.

¹ Отзывчивость. – М.: Современник, 1981.

² Н.В. Свиридов – председатель Роскомиздата.

³ Н. Шундик сменил на посту директора «Современника» Ю. Прокушева.

⁴ Не помню, какую должность занимал в «Современнике» поэт Юрий Панкратов.

К началу нашего знакомства Олег жил в двухкомнатной кооперативной квартире у метро «Аэропорт». Женившись, следуя неумным аппетитам молодой супруги, он перебирается в трехкомнатное жилище в знаменитом писательском доме в Лаврушинском переулке. Общались мы к тому времени очень редко, и был я там у него лишь однажды. И, наконец, путем немислимых доплатных обменов оказался в четырех комнатах высотки на Котельнической окнами на Ивана Велюкого. То есть налаживалась как бы нормальная семейная жизнь, он яростно издавался, Тина скупала мебель и посуду, они даже выезжали раз-другой в Германию по приглашению. Но тут наступили девяностые, и была прямо-таки метафизическая связь разгорающихся потребностей уроженки Малороссии с экономическим исхуданием страны. Не тот человек была Тина, чтобы терпеть, а к ее прежним запросам прибавились новые: из подрастающей дочери было замыслено сделать теннисную звезду с миллионными гонорарами. На тренеров и амуницию требовались масштабные средства, их находчивая женщина находила сначала в ссуде, а затем и в продаже котельнических хором за валюту японцам. На последних письмах Олега адрес – ул. Маршала Новикова, а перебравшись в Переделкино, где так страшно окончил дни, он мне уж не писал, но однажды я у него побывал, подивив-

шись его неиссякаемой плотоядности. Тина с ним разошлась много раньше, дочь, кажется, уехала в Штаты.

А вот важное во многих отношениях письмо 1982 года, где он объясняет свой суровый внутренний отзыв на первый вариант моей книги об Алексее Н.Толстом в «Современнике»:

«Вдруг (именно вдруг, как это бывает, верно, лишь у русских людей) вспомнил тебя, вспомнил некоторые “были” в нашем московском житии, вспомнил, как ты у меня говорил: “Я его боюсь!” и бегал от Коробова¹, который потом уполз в кухню и доедал обьедки индейки со всех тарелок. Вспомнил, как мы встретились с Товмасыном², пили пиво и портвейн, пиво – в детском садике напротив его дома. Вспомнил, как ты любил жареную колбасу с маргарином. И еще раз решил, что моя жестокость в отношении твоего “Алехана» оправдана. Напиши, братец, достойное твоего дарования. Я пишу много и разное. Ты – пишешь не по многу, а следовательно и спрос жестче. Да и нужна книга о Толстом звонкая. Не бойся пошlostей! Учись у А.Н. тому, как пошlostь превращать в искусство. Это ведь был маг, искусник, колдун пошlostи. Из пошlostи, как из сахарной косточки, он и высасывал мозг, а кость кидал в кувшин, откуда Буратино завывал: “Открой тай-

¹ О В. Коробове см. «Пустая полка» («Волга», 2018, № 7/8).

² Приятель Олега, известный джазовый музыкант.

ну, несчастный!» Каждый из нас имеет кроме Страны Дураков и волшебное царство, от которого золотой ключик потерян. Кто находит его – не всегда счастлив. Напротив, путь к бессмертию – путь гибели и разрушения. Ведь Моцарт или Лермонтов – это конечно не люди, это какие-то ангелы, случайно оказавшиеся на нашей грешной земле. И затем писавшие себе реквиемы, странно и неопровержимо доказывающие собой, что этого мира н е т. Из вещества, похожего на сон, мы созданы. И жизнь на сон похожа. И наша жизнь вся сном окружена. Еще не зная этих шекспировских строк, я все время влекся к тайне сна, бессонницы, сновидений. Это форточка куда-то, вроде того, придуманного мною сюжета, когда герой в московском районе Ясенево вдруг обнаруживает, что окно из кухни в отличие от прочих выходит прямо на парижские Елисейские поля, куда он тайком воровато выбегает по ночам, как мартовский кот, и обнимает шоколадных мулаток, сбывая им московитские товары, пользующиеся диким успехом из-за их ра-ритетной глупости».

(Любопытно, что фильм Юрия Мамина «Окно в Париж» выйдет через одиннадцать лет.) А отношение Олега к «третьему Толстому» было очень личным, он явно хотел хоть в малом походить на беспутного и бессовестного советского графа как в любви к деньгам и всяческим безобразиям, так и в преданности русскому слову.

Письмо о следующем его персонаже и нашем общем любимце – Куприне:

«Вчера (под банкой) написал тебе длинное письмо. Но главного не сказал. Ты верно отметил слабости книги. И заслуживаешь самых высоких слов за то, что расшифровал место с купринским письмом Батюшкову, теперь оно легализовано¹. В книге его разгромили (так же как и эмигрантские главы).

Неудачна лишь, на мой взгляд, фраза о моей бесстрастности того, каким изображается отъезд Куприна. Какую страсть надлежало мне проявить? Ты поверил Ксении², будто Куприн заранее знал, что его внесли в список для расстрела. Она лжет. Я редактировал ее сочинение и говорил с ней об этом. Сам К. описал все в рассказе “Шестое чувство” (у нас не изданном, но щедро использованном мною в истории с его отъездом). К-ну сообщили об этом факте после прихода белых – так, как я это показал. И далее. За время господства б-ков он насмотрелся с женой т а к о г о, что

¹ Цитируя в своей рецензии на его «Куприна» в ЖЗЛ («Волга», 1982, № 9) письмо Александра Ивановича Батюшкову, ни о какой его легализации я, конечно, не думал, поскольку взял текст из самой книги, да и вообще был далек от подобных хитростей.

² Дочь писателя, автор книги «Куприн – мой отец».

Елиз. Морицевна¹ (по словам той же разоткровенничавшейся Ксении), боясь б-в, спала до Берлина, не раздеваясь на ночь.

Для меня эта книга, понятно, проходная. И я видел свою задачу, чтобы растаяли замороженные звуки и заговорила эпоха. Кой чорт, если бы я нафантазировал? Есть магнитофонные записи (М.К. Вержб., Ксения, Асти, Седых, переписка К-на с Батюшковым, Шмелевым, Буниным и т.д.) Портреты заговорили – Раевский² нашел удачное выражение. Читателю ведь неважно, что я думаю по тому или иному поводу (когда все лгут). Ему гораздо важнее, что было на самом деле...

Потихоньку пишу большой роман – не знаю, что получится. А, кстати, я написал рассказ о Ксении Куприной – “Дочь писателя”. Там много объяснено (не называя, понятно, их иными именами)». (Моя помета: «октябрь 82».)

Вот письмо того же времени.

«По неизъяснимости в тот день, когда я получил твое письмо, заканчивал – тебе, а теперь переписываю, ибо многое уже отвечено. Я уже твердо уговорил В.Л.³ ехать в Саратов, как вдруг подвернулся в Краснодаре начальник управления тюрем и лагерей Стовба, с которым я зверски напился. На военном совете В.Л. и Тина кате-

¹ Вторая жена Куприна.

² Пушкинист, автор книги «Портреты заговорили».

³ Писатель Виктор Лихоносов.

горически воспротивились ехать в Саратов ввиду обязательного повторения, утروения, учетверения и т.д. происшедшего. Ке фер? Фер-то ке? К тому же прибавились экономические мотивы. За три срока, кои я провел в Коктебеле, меня подзабыли все мои издатели – глухо. Софронов вот второй (!) раз потерял первый экз. Куприна, за который уплатил перед отъездом по 40 коп ввиду срочности – короче, сотню. В “ЖЗЛ” Юра¹ в ожидании переиздания “Суворова” не двигал рукопись “Куприна”, и одобрения мне не последовало. В “Совр.” книжку мою, готовую еще в марте к сдаче в набор, передвинули на 82 год! Вот как надолго удаляться с глаз долой. Правда, я написал 16 листов “Ермолова”, которого придется очень крепко сокращать, чтобы мне не превратиться в одного нашего общезнакового и по герою твоего конкурента. Я еще на Березине, а уже за 16 листов. А впереди еще заграничные походы и – главное – Кавказ. <...> Там есть следы того, что живешь под гильотиной спешки и необеспеченности проклятой. Я ведь и до Москвы доехал из Краснодара, взяв у Лихоносова 50 руб., а позавчера получил первый гонорар с начала апреля – (!) – вдруг все провалилось, и жил в долг. Я написал Н.Е. письмо, где сообщил, как и почему не поехал. Хотя соблазн был в е л и ч а й ш и й. Грибов² просит меня написать портрет Палькина – поясной или ростовой. Я согласен. Еще бы! По-

¹ Юрий Селезнев – заведующий редакцией ЖЗЛ.

² Юрий Грибов – гл. редактор газеты «Литературная Россия».

мимо всего прочего просто люблю его, Н.Е., песни. Теперь вот что еще. Я написал Палькину и о том, что высылаю тебе часть рукописи для ознакомления и буде она в принципе интересна для “Волги” прошу его заключить со мной договор. <...> Рецензия на Дедюхина лежит без движения. И Софронов снова затребовал экз. “Куприна” и читает его в больнице, а я боюсь не спугнуть чем! Это меня спасло бы окончательно. Интересно, что ты пишешь о Ел. Мор¹. Но ведь в России сейчас Киса, к-я уж наверное все вытянула для своей не очень-то важной книжки, которую я слегка правил некогда. Да, Куприн слабее А.Н., но у него есть такие вещи, к-м мог завидовать Бунин, как завидовал он, бесспорно, и А.Н. У Куприна был звериный инстинктивный талант – со срывами и провалами – “ямами”».

Здесь у Олега начинаются жалобы на безденежье. Это уже Тина, начинавшая входить во вкус жены богатого писателя.

«Спасибо за книгу – буду читать. Хотя по-прежнему стою на том, что у Бунина (в отличие от скажем, А.Толстого) юмора не было, а был желчный сарказм. Недобрый он был человек, а такие к юмору не склонны. Ведь если у Бунина есть юмор, то вообще нет писателей без юмора (Сартаков не в счёт).

¹ Елизавета Морицевна Куприна в дни ленинградской блокады жила в подвале Эрмитажа, как и жена моего дяди художника Ф. Заборовского.

<...> не работаю, и даже Леонов с грустью вотще ожидает меня.

Сегодня получил по почте на новый адрес (!) пасквиль о “Державине” с издевкой и угрозами. А тут еще Скоп¹ публично перед мафией обгадил “Час разлуки”, да еще потом прислал письмо, где обижается, что я “сучусь” и “рассказываю” об этом выступлении. Чудеса!

Выслал я конец “Ермолова”. Может быть, напечатаете?

Я задумал давно документально-художественное повествование “Встречи” (условно) с перцем и собачьим сердцем – там будут Твардовский, Чуковский, жена Бунина, дочь Куприна и др. – с их письмами и моими широкими портретами их. Не хотите ли для журнала? Обещаю веселое чтиво, которое можно резать, как колбасу, отделяя малoproходимое от того, что можно печатать и в “Волге”. Там я хочу кое-что восстановить из своей либеральной юности – как обманывали русскую молодежь, которой некуда было деваться на развилке: культура (Сион) или догматизм... <...> Хочу высказаться влать о своей либеральной юности, кое-кого не называя. Почему бы не быть и русскому Катаеву? Даже если не пойдет, буду писать».

¹ Юрий Скоп – писатель, некогда снявшись у Шукшина в фильме «Ваш сын и брат», сделал воспоминания о Макарыче ремеслом.

«Ермолова» мы в «Волге» не печатали, а вот на чем интересно задержаться: «Даже Леонов...»

В начале восьмидесятых расползся слух о выдвижении Леонова на Нобелевскую премию, чему якобы свидетельством стал срочный выпуск нового десяти томного собрания сочинений. Номинировали Леонова или нет, я так и не выяснил. В одних списках номинантов его имя отсутствует, а в некоторых статьях о Нобелевке возникает, но в связи с выдвижением его еще в 1949–1950 годах финским славистом Валентином Кипарским.

И вот главным комментатором этого собрания назначается Олег Михайлов, никогда прежде Леоновым не занимавшийся. Почему? Ведь были здравствующие авторы монографий о Леонове: Е. Старикова, В. Ковалев, Е. Сурков, М. Лобанов. К тому же требовалось добро не только инстанций, но и автора, и комментатор должен был понравиться престарелому классику. Как-то я спросил его о встречах с Леоновым и услышал, как тот рассказывал о совместных походах с Есениным к проституткам. Уверен, что на такую тему навел старика сам Олег.

Но каким образом в своей всегдашней закрутке писания критики и прозы, пьянства и смены «невест» он ухитрился откомментировать каждый из десяти томов? Для ответа на этот интересный вопрос достаточно сравнить общий объем

комментариев с текстом в нем самого комментатора, который составляет примерно одну пятую – остальное цитаты. И трудно понять, почему к этой престижной и денежной работе привлекли человека с очень небезупречной, в том числе и политически, репутацией, чему способствовали его публичные выходки, которыми он не только тешил натуру, но и наработывал себе имидж непутевого анархиста.

То з закричит на Красной площади у Мавзолея, гуляя в перерыв с делегатами съезда писателей: «Скоро мы это говно отсюда выкинем и устроим усыпальницу русских императоров!». То вышлют его из Польши после того, как в ресторане предложит выпить за память великого Суворова, умирившего варшавское восстание.

Озорвал он и в Саратове, когда прилетал в связи с публикацией «Державина». Едва вышли на смотровую площадку посмотреть на город, затянул «Боже, царя храни», к восторгу бывшего со мной родственника, который подобных людей не встречал. Потом, в обкоме, куда мне велел с ним сходить Палькин, шокировал завотделом культуры, когда на ее вопрос, как дела, воскликнул со слезой: «Какие к черту дела! Жена бросила, с проститутками связался, с горя пью!» Олег, разумеется, не мог знать, что саратовская партчиновница была незамужней, переведенной из Аткарского райкома к себе поближе председателем облисполкома, но нутром

почувствовал ее, как бы сказать, моральную неустойчивость. Потом мы навещали Григория Коновалова в больнице, где Олег вдруг прикинулся каким-то Лелем и, прикинув к плечу Григория Ивановича, забормотал: «К тебе, к тебе, беркут степной, приникаю, припадаю к твоей мудрости», что тронуло старого притворщика, который и сам был артист не из последних.

А книгу воспоминаний он издал лишь в 2008 году, на что в «Литературной России» раздраженной рецензией откликнулся Семанов: *«тепло упомянуты в воспоминаниях и прочие, гораздо более известные поэты и прозаики – Е. Евтушенко, В. Аksenov, А. Гладили и весь кружок давних авторов «Юности», где в те далекие времена успешно и весело сотрудничал сам О. Михайлов. <...> Критика тех давних лет тоже не обойдена вниманием: тепло вспоминается А. Дементьев, сурово клеймивший «русопятов» в печати (Олега тогда почему-то не помянул), а особенно – З. Паперный («Зяма»), даже его самодетельные стишки приводятся по памяти (как видно, не только поэзию Бунина, Чудакова и Евтушенко автор воспоминаний ценит)».*

И последнее письмо:

«Посылаю тебе – прочитай – мой роман, который я писал в Кельне четыре года назад. Это отдельное сочинение, но и продолжение “Часа разлуки”, который печатался у вас. Я дал текст в

патриотические журналы, но его отвергли за “разврат”, как некогда Викулов отверг “ЧР”, назвав его “еврейским романом”. Изд-во “Гея” будет печатать его летом. В журнале “Новая Россия” (бывш. “Огонек”) берут, как рекламный ролик три листа. Погляди. Если не “покажется”, отошли его на адрес ИМЛИ».

Роман «Пляска на помойке» мы напечатали в №№ 5 и 6 за 1999 год. Очень против публикации была мой заместитель Наталья Шульпина, сказав, что теперь понимает, почему погибло русское дело.

Меня с Михайловым роднили не столько зеркальные перемещения – он из либералов в патриоты, я обратно, сколько их мнимость. Как я никогда не был ни либералом, ни патриотом, так и Олег, несмотря на репутацию охранителя-черносотенца, оставался инфантильным анархистом-шестидесятником. Вот его важное признание в письме ко мне: «Пишу. Помимо всякой ерунды, роман о человеке, которого все обкрадывают, который сам – халтурщик и лицедей. А эпиграфом я взял старинную детскую песенку: “Танцевала рыба с раком, // А петрушка с пастернаком, // А морковка не хотела, // Потому что не умела...” Не хочет герой танцевать, как все...» А в книге воспоминаний «Вещая мелодия судьбы» (2008) он прямо заключает: «Оглядываясь в прошлое, я и сам вижу, что в обоих лагерях не чувствовал себя “своим”». Думаю, им нередко и не столько расчет двигал,

сколько удовольствие от самой игры, особенно с привкусом и ароматом гнильцы. Он играл и заигрывался и в литературе, и в жизни.

III

Вспоминая Сергея Николаевича Семанова (1934–2011), я лучше понял злокачественность юдофобии. Превращаясь в антисемита, человек все более зависит от своей приверженности. Люди подсаживаются на антисемитизм, как на наркотик, к тому же юдофобия заразна. Не один год общаясь с «единомышленниками», я стал ловить себя на вопросе о ком-то: он еврей? Или на том, что мысленно отмечаю в каком-то списке еврейские фамилии. Пусть все это мимоходом, вскользь, но при своей привычке к рефлексии я стал тяготиться навыками, неизбежно приобретаемыми в среде «единомышленников», где удручало назойливое преобладание еврейской темы в любом разговоре. Известный стишок «Если в кране нет воды...» в этом смысле – нисколько не преувеличение. Тот же Семанов чуть ли не погоду ухитрялся связать с евреями.

Понимая, почему в возглавляемой им редакции ЖЗЛ переиздавалась книга о Насере, я не ведал причин его авторского обращения к фигуре генерала Брусилова, пока в «Заметках из дневника» М. Горького не прочитал: «Профессор З.,

бактериолог, рассказал мне: “Однажды, в присутствии генерала Б., я сказал, что хорошо бы иметь обезьян для некоторых моих опытов. Генерал серьезно спросил: «– А – жида не годятся? Тут у меня жида есть, шпионы, я их все равно повешу, берите жидов!»”» Б. – это Брусилов, и оказалось, что в своем антисемитизме прославленный генерал был последователен. Во втором томе мемуаров, опубликованном через много десятилетий после смерти, он прямо рассматривал русскую революцию как часть всемирного еврейского заговора, план которого изложен в «Протоколах сионских мудрецов».

В 1970-е годы негласная подмена еврея сионистом была крайне удобным прикрытием антисемитизма потому, что «борьба с сионизмом» проводилась гласно, публично, даже шумно и никак не могла быть подвергнута сомнению. Все это плюс то, что советские люди понятия не имели о реальном сионизме, привело к тому, что даже слово «еврей» сделалось несколько неудобным. Никто в здравом уме не осмелился бы заявить, что борется с евреями, тогда как бороться с сионистами означало бороться с врагами СССР. Здесь прочной основой было и то, что Советский Союз, первый признавший государство Израиль в 1948 году (о чем уже мало кто помнил), в 1967 году разорвал с ним дипломатические отношения.

Познакомил меня с Семансоном (автор прозвища Иван Шевцов) Карелин, и по дороге на ВДНХ, где тот жил в однуш-

ке в доме ЦК ВЛКСМ, наставлял, чего можно говорить и чего нельзя.

Мало что помню из тогдашнего вечера, разве что удивительную меткость, с которой хозяин забросил принесенную нами бутылку на кухонные антресоли, и его неудовольствие, когда я употребил модное слово «альтернатива»: «Это вы что же, Юлиана начитались?» Под таким названием вышла тогда сага про Штрилица.

Письма Семанова (их 69), поначалу дружелюбные, потом дружеские, потом, по мере разочарования во мне как в единомышленнике, все более агрессивные, полные обвинений поначалу в трусости, потом в отступничестве.

Дел у нас общих фактически не было. Если Михайлов печатался в «Волге» с первых лет моего там присутствия («Державин») и до последнего номера, где я еще был редактором («Пляска на помойке»), то Семанов раз или два мелькнул с малозначащими публикациями, которых сейчас я не могу вспомнить и не нашел их следа в письмах. Правда, сохранился его ответ на мое предложение написать к 50-летию начала публикации «Тихого Дона»:

«10 сент. 1977 г.

*Да, я охотно принимаю Ваше предложение. По “ТД” я продол-
жаю работать. Углубляя тему, недавно был в Вешенской и дважды*

встречался с М.А.¹, впечатление сильное. Как известно, 1-я книга романа была опубликована в №№ 1–4 за 1928 г. Видимо, надо планировать юбилей (ох и надоели эти юбилеи!..) на апрель. Итак, я сделаю Вам требуемое, объем – лист, договоритесь с начальством и поставьте срок.

Жаль, что мы разминулись в Москве. С Вешенской я привез полную казачью форму, в ней я похож на ординарца при генеральском мундире, Вам этот спектакль очень понравится».

Публикации почему-то не было, но хорошо помню, как отказал ему в двух случаях.

Когда он предложил жизнеописание адмирала Макарова, ранее уже выходившее книгой, но, по его уверению, коренным образом переработанное, я взял жэзээловское издание и увидел сплошь буквальные совпадения. На что он рассчитывал, ведь не был поглощен заработком, как Михайлов или Чалмаев? А потом были «Веселые ребята», где автор разоблачал злокозненность авторов, предпочитавших сына турецко-подданного (сообщалось, кто в России использует это название) русским священнику и дворянину. Пришлось в отказе указать на недопустимые передержки, ответ его не сохранился, помню, что там впервые мне указано на робость.

¹ Шолохов.

Что же касается моего участия в журнале «Человек и закон», то я не принял его предложения: «В восторге (говоря совершенно искренне) от Вашей статьи в “Нашем”¹. Официально заказываю вам подобный же материал на тему семьи, брака и понятно чьих попыток разрушить эту охраняемую советским законом форму общежития. Я серьезно!» (Открытка конца декабря 1979 года).

В той статье я наезжал на так называемую женскую прозу Инны Гофф, Аглаиды Лой, Аллы Драбкиной, на кинофильм «Сладкая женщина» по повести Ирины Велембовской. Подбор имен говорит сам за себя, но я и сейчас подпишусь под теми оценками. Ведь можно было и не кривить душой, выбрав худшее из публикаций либерального лагеря. Однако требовалось вовсе утратить совесть, чтобы, как Сева Сахаров в «Литературной газете», наброситься на великие повести Юрия Трифонова; Сева считался в русском лагере правильным евреем.

Спустя какое-то время Семанов спросил, как я отношусь к братьям Вайнерам, и, узнав, что я их не читал, с присущим ему напором взял с меня слово братьев все-таки почитать, и если я увижу там предмет для критики, написать рецензию. Я написал и, признавая мастерство авторов, пенял им

¹ Мы только знакомы // Наш современник. 1979. № 12.

на некую «нравственную глухоту», с какой они подходят к исследованию причин преступности. И опять не кривил душой, меня и впрямь возмутило объяснение истоков криминала социальным происхождением преступников, скажем, о воре из семьи церковнослужителя чекист-резонер замечает: «Там, где было болото, беспрерывно вода вновь натечет...». Статью под названием «Гонки за милосердием» я сотворил, но тут Семанова сняли с должности¹, и текст я отдал в родную «Волгу», где Б. Дедюхин² заменил мой заголовок на жуткое «Без любви к человеку», и если мне стыдно, то не за текст, а за такое название в моей библиографии.

Снятие с должности и даже обыск дома у Семанова возбудили среди «наших» большую панику. Сужу об этом по срочному звонку Машовца³, сказавшего примерно так: «Слышал про Сергея Николаевича? Ты с ним переписывался активно – так что сделай выводы».

¹ С должности главного редактора журнала «Человек и закон» уволен по распоряжению ЦК КПСС, чему предшествовала секретная записка Андропова в Политбюро «Об антисоветской деятельности Иванова А.М. и Семанова С.Н.», в которой речь шла и о Семанове как «русском и антисоветском элементе» (Википедия).

² Б. Дедюхин – заместитель главного редактора «Волги».

³ Мой земляк Николай Машовец был законченный «единомышленник» и прославился статьей, где уличал в безродности Чебурашку. Был главным редактором издательства «Молодая гвардия».

Но тот продолжал снабжать меня столичными историями.

<<23 июля 1983

Центральная новость в Москве – недавний юбилей Олега. 6 июля он устроил “вечер” в доме с истинно российским названием ЦДРИ. Все было “как у людей”. Выступили литературные кумиры: Леонид Ленч, Г. Степанов (Краснодар) и Евг. Осетров (“Мне часто пьиходится бывать на азных юбееях. Но никогда не было такого юбеея, как у Оега Михайлова...”), зачитывали телеграмму от Доризо. Ольга Воронец спела песню про некую девушку, которая “девичью совесть вином залила...”. Вел вечер переводчик с братских народов Томашевский. Три второстепенных актера зачитали отрывки из произведений юбиляра. Засим последовал скромный банкет в ресторане дома, здесь речей уже к счастью нельзя было услышать из-за шума соседних столиков. Тина пила шампанское и угостила меня. Виктор Андреевич долго гудел, что Олег не дождался трех дней до приезда трех ближайших друзей: Викваса¹, Петюшки² и его...>

<<29 нояб. 1983

А теперь с удовольствием развлекаю свежей столичной сплетней. В начале ноября взят под стражу Спесивцев: растение ма-

¹ Петелин.

² Палиевский.

полетных в особо извращенных формах. Гению 15-летние казались уже старухами, он, естественно, перешел к 12-летним. К сожалеению, тонкости его натуры не оценили. А ведь помнят тут, как некие саратовцы многодетные восторгались или держали нейтралитет...»¹

Он коллекционировал старинное оружие, ордена, монеты, книги. Как-то прислал письмо на реальном древнем бланке газеты 1912 года «Русская молва»: «*Hic tamen racis! Mens sana in racis! Memento racis, Serggeus!*»² А полковничий мундир царской армии с эполетами был непременно предметом застолий, когда под известным градусом гость в него обряжался. О Семанове рассказывали, как в пролетающем у Краснодара самолете, вскочив, он закричал: «Пролетаем над местом гибели Лавра Георгиевича Корнилова!»

Но вся эта атрибутика с исполнением «Боже, царя храни» из-за постоянной иронии хозяина явно пародировала увлечение белогвардейством в среде «русской партии», а со временем я заметил, что у Сергея Николаевича все чаще стало проскальзывать восхищение Сталиным. И в силу ставших уже короткими отношений прямо его об этом спросил. Он, однако, о Сталине ничего не сказал, но стал зло высмеивать

¹ Машовец дружил со Спесивцевым.

² Раков он любил фанатично и все просил прислать ему волжских, что я так и не исполнил.

недалекость вождей белого движения и его историческую бесперспективность.

«Лето 1984

Письмо Ваше получил с огромным опозданием (живем на два дома, ездил с сыном в Ленинград и т.д.), думаю, что о похоронах С.¹ Вам уже рассказал наш общий друг². А вот что мне поведал незабвенный Виктор Андреевич: “Дима Лось³, так сказать, решил отбить сочувственную телеграмму о смерти С., предложил мне, значит, отписаться; зачем, говорю, тут и так длинно⁴, но настаивает, я и подписал и еще кто-то третий”. Спрашиваю: а что же Боровиков?⁵ Отвечает: “Дима Лось сказал, что рано ему, значит, с нами ставить подпись, молод еще, так сказать...”

В Москве сейчас очень тихо во всех смыслах.

Олег страшно жалуется на безденежье, занимается у разных людей по сотне по две, потом перезанимает, всему свету плачет, что телевизор и холодильник старые, испортились, а на

¹ Юрий Селезнев.

² А. Карелин.

³ Дм. Анат. Жуков, писатель.

⁴ «В.А. очень бережлив» (примечание Семанова).

⁵ Дело было в Коктебеле.

покупку новых денег тоже нет и т.п. А суровый В.А. обличает Тину за содержание высокооплачиваемой служанки».

Поздравил меня с назначением главным редактором «Волги»:

«13 декабря 1984

Я Вас искренне поздравляю! Решение принято. Значит, надо браться за дело решительно и хватко, Вы это сможете. Думаю, что нет работы для гуманитария интереснее, чем Ваша.

Вам следует обязательно приехать в Москву, и не на один день. Осмотритесь тут, поговорите с людьми.

У меня существенных перемен нет, потихоньку оттаиваю. Настроение бодрое.

Олега вижу редко и мельком, он, простите, немножко поглупел за последнее время, даже заговаривается иногда. Но не сомневайтесь: скоро Вы от него получите письмо, даже бандероль: нетрудно догадаться, что там будет.

Поначалу не делайте резких движений!>

Вскоре начал комментировать мое новое положение и по-прежнему сплетничал:

«11 июня 1985

Видел Вас во “Времени” в обществе С.В. Михалкова, Валерки Дементьева¹ и Гены Гусева² (Гена держал в руках букет, очень неловко, его руки привыкли к совсем иным предметам), мелькнул там и Ваш б. начальник Шундик.

Это – новости о Вас (не из Ваших писем). Московские же новости могу сообщить следующие, именно они возмущают гуманитарную общественность.

Олег уехал на два срока в Коктебель, а я неожиданно стал встречаться с его супругой – она сдала трехлетнюю девочку в круглосуточные ясли, причем (в отличие от нас) на полную неделю, а теперь отправила ее на три месяца в загородные ясли. Мне она объяснила, что некогда, готовится к экзаменам на поступление в институт, а бабушка ее заниматься правнучкой не хочет... В.А. же, со ссылкой на дочь (она на год младше Тины), сообщил, что супругу О.Н. обильно оперирует чеками и изделиями, покупаемыми на них в Москве; якобы говорит при этом: мне скоро 25, должна же я себе сделать подарок...»

¹ Валерий Дементьев. Критик, секретарь Правления СП РСФСР. О нем я написал (Как я не стал москвичом // Урал. – 2019. – № 1).

² Бывший инструктор ЦК Г. Гусев после Шундика возглавил «Современник».

В силу вынужденного безделья он принялся читать «Волгу» и вскоре стал порицать уклон в краеведение.

«...критика – робкая и сугубо провинциальная. Не становитесь краеведческим альманахом! Вы обязаны дать тут нечто боевое и острое... Не упустите время!» (18 сентября 1985 года)

Его призывы были напрасны, а из следующего его письма ясно, что я стал избегать встреч: *«Да, только что узнал нечто ужасное: оказывается, Вы были в Москве, но пренебрегли?!»* (23 октября 1985 года).

По-прежнему в его посланиях наставления перемежаются важной, на его взгляд, информацией: *«В Москве множество новостей: на отчетном собрании СП по секции прозы, на партгруппе (!!) открытым голосованием вывели из списка делегатов на Московскую конференцию Поволяева¹. И еще: летом Окуджаву задержали на таможне с литературой в олегмихайловском духе; он очень перепугался и два месяца отлеживался в отдельных больничных апартаментах; недавно по его поводу состоялся партком, он получил взыскание: на вид поставили...»* (29 октября 1985 года)

И вразумлял:

¹ Валерий Поволяев – секретарь правления Союза писателей РСФСР, курировавший Литфонд.

<<17 дек. 1985

Даже в опавшей “Молодой” в последних номерах появились сильные материалы В. Белова и Лобанова (№№ 10 и 11). Они, как я слышал, вызвали широкие и сильные отклики. Не говорю уж о “Нашем”, где в каждом (каждом! это очень трудно сделать) есть мат-лы, имеющие острейший общественный интерес. Ничего похожего не наблюдается пока в Вашем краеведческом альманахе».

Но вскоре подозрения сменились обвинениями.

<<02 мая 86

“Волгу” хвалит “Огонек”.

Ишь какой Боровичок!>>

<<3 дек. 1986

Хотел бы получить сообщение о Вашей современности – деловой, я имею в виду. Какие боевые вопросы ставите, кого из видных литераторов собираетесь прославлять или порицать? Некоторое оживление в журналистике заметно. Даже занюханная некогда “Кубань” дала недавно потрясающий материал о замоте провинциальной жизни в наше время. Появляются острые публикации и в других местных изданиях. Итак?>>

В нескольких письмах он не раз нападает на то, что в «Волге» публикуется умеренный советский правозащитник Рой Медведев, чего я не понимал тогда и не понимаю сейчас, так как в том не было никакого «либерализма-сионизма».

*«Недаром “Волгу” встретив,
Сошлись под общий кров
Друзья Сергей Медведев
И Рой Боровиков».* (б.д.)

Было смешно, что с былой важностью он судит о политической составляющей моей работы: понятия не имея о вполне созвучной ему позиции саратовского губернатора, делал вывод: «Понимаю, что в царстве Аяцкого Вы надеялись что-то заработать: мы смело бьем столичных черносотенцев». И все чаще стал опускаться до оскорблений, а я порой не выдерживал – отвечал:

*«Был историком, а стал –
Проскурена пьедестал»¹.*

*В гробу возвращается Брусилов:
“Ужель биограф Репетилов?”*

¹ Петр Проскурин взял его своим замом в Фонд культуры.

Макаров встал, угрюм, невесел:
“Тебя бы, братец, я повесил”».

Он отвечал:

«Да, Ваши шпильки островаты
(Брусилов и Макаров с ним),
Считаю, что могли когда-то
Вы стать редактором лихим.
А в заключение не скрою:
Проскурин все же лучше Роя».

А письмо от 21 июня 1997 года как бы подводило черту в отношениях:

«Недавно тут были ходоки из Саратова, с одним, очень интеллигентным, поговорил, примерно, он Ваш ровесник. Спросил его, почему – вопреки Писанию Вы сделали из Павла Савлом? – Как, разве вы не знаете? – спросил он, а далее, как писали в старинных романах, поведал тайну Вашего рождения. Ну, что я могу сказать? Только пожалеть, что невольно задевал Вас, жаль, но и Вам скрывать было не надобно, дело ведь не в составе крови, хоть это важно, а в духе, а он всегда был у Вас нетверд, вот суть. К тому же, опять сошлюсь на Писание, не того тайного, то и т.д.»

Заметно облегчение, с каким он объяснил измену русскому делу моим якобы еврейским происхождением. И подводил итог моей литературной жизни: «А жаль. Твердо скажу на склоне лет своих многогрешных, что Вы были самым одаренным и образованным литератором среди ровесников. О саратовских выходах даже вспоминать не хочу, но Сахаров, Бондаренко и Чупринин гораздо слабее Вас, хотя и оказались удачливее».

И еще было письмо, когда он узнал, что «Волга» публикует новый роман Михайлова:

«Олег обещает скоро дать свое сочинение. О нем пока знаю лишь по сказкам дворового человека Виктора Андреевича, известного своей правдивостью. “Олег, значит, отдал рукопись в «Москву»¹, там прочли, пришли, действительно, в ужас, призвали отца Дмитрия Дудко и отслужили, так сказать, молебен от осквернения – свят, свят! Тогда отнес Олег в «Наш», там, значит, тоже пришли в ужас, вызвали т. Зюганова и провели, так сказать, собрание о большевистской бдительности. Олег и кинулся, действительно, в еврейские столичные журналы, не взяли, и он, значит, отправил в еврейский провинциальный журнал, только вот не знаю какой».

Прочту, старой дружбы ради. Если интересуетесь, могу сообщить свое мнение. Та его повесть мне нравилась, будь Олег (тогда!)

¹ Журнал «Москва» при редакторстве Владимира Крупина сделался ультра-православным.

иных воззрений, ее растиражировали бы в кино и по тел. вплоть до балета в Большом театре включительно. Помогите ему в этом теперь через дядюшку Сороса».

Но вижу, что почти не сказал о Семанове-человеке. Когда недавно в воспоминаниях его студента он предстал надмен-но-сумрачным, я был немало удивлен. Или он так изменился со времен наших общений, или столь разным представал по обстановке, но я знал Сергея Николаевича веселым и общительным. Приехав по приглашению Палькина в Саратов на конференцию по «Волге», он сбежал от него ко мне поздно вечером с беременной женой, рассказав, что Николай Егорович поил его «шампанским, наверное, из обкомовских подвалов», и повторял стишок хозяина «где “брют”, там и пьют». Или как-то в Москве, в редакции своего журнала, опять-таки давясь от смеха, поведал о вчерашнем знакомстве в Селезневских банях с шофером, возившим какого-то туза, на вопрос которого «чем занимаешься?» представился водителем главного редактора журнала «Человек и закон», и тот повел собрата подглядывать в женское отделение. Да в письмах его бывало достаточно веселого без злобы. И чванлив не был. Но все хорошее бесследно исчезало, лишь возникал «главный вопрос»: только что был человек как человек, но прозвучало слово «еврей» – и являлся оголтелый и сразу похожий на всех «единомышленников» не вполне вменяемый субъект.

2020

СОВЕТСКИЙ ПОЭТ

1.

Когда мы сблизились, мне было сорок, а ему за шестьдесят, но знал я саратовского поэта Исаю Григорьевича Тобольского с детства.

Первое воспоминание относится к августу 1955 года, когда отмечали 50 лет моему отцу. Было торжественное собрание общественности в Доме ученых с речами и подарками, главный из которых от художников – чернильный прибор из раскрашенного гипса, изображавший Иванушку в оранжевых лаптях, с зеленой шукой и туеском-чернильницей, стоял на письменном столе до 1966 года, когда моя супруга разбила щучье веление, стирая с него пыль.

Но собрание собранием, а застолье отец устроил дома, где на три комнаты приходилось 34 кв. метра. Было очень тесно, меня за стол конечно не сажали, и я шнырял туда-сюда, из дома во двор и обратно. Помню, на дворе было уже темно. Может быть потому, что гости, мужчины по преимуществу, были в белых штанах, а в палисаднике под нашими окнами белели табачки. Тёплая темнота, в которой я часто отлучаюсь

на улицу, любопытствуя на то, как гости перемещаются туда-сюда, покурить-поболтать и пописать.

Явление Тобольского было шумным и подготовленным – отодвинули стулья для выступавшего с комическим номером поэта. Он исполнил стишок «У попа жила собака» как драматический чтец, затем как эстрадный тенор, и наконец как опереточный куплетист, что привело меня в восторг, настолько ловко он бил чечетку, хлопая себя по коленям.

А спустя какое-то время вижу, как он с непостижимой быстротой рвёт на себе белую рубашу. Слышу голоса: «Гене, Гене звоните!» И опять в темноте я хожу на улицу и обратно и вот вижу, как к рыдающему поэту подводят смущенную коротенькую женщину, которую я знал, когда, гуляя с родителями на набережной, останавливались у газировочной тележки, где стояла она в белом переднике и чепце – Геня, Евгения Генриховна Тобольская.

Следующие, уже регулярные, общения начинаются с весны 1961 года, когда мы въехали в новые квартиры в новом доме на набережной Волги, которую еще не называли именем космонавтов. Долгожданному переселению предшествовала долгая борьба за большие квартиры, в счет долевого строительства на средства Литфонда, на которые претендовали и Боровиков с Тобольским. Но получили тогда в центре (набережная еще не считалась центром) не они, а Григорий Коно-

валов, Екатерина Рязанова и некто Лозгачев, которого надо объяснить.

Википедия: «Георгий Яковлевич Лозгачёв-Елизаров (1906–1970). Родился в семье саратовского железнодорожного обходчика (по другим данным дворника) Якова Ивановича Лозгачёва и его жены Февронии Игнатьевны. Был вундеркиндом (*источник не указан*). В 1912 году усыновлён Марком Тимофеевичем Елизаровым и Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой (сестрой В.И. Ленина). Проживал в Санкт-Петербурге с новыми родителями, где учился в коммерческом училище.<...> В 1950-х гг. начал писать книги. В 1959 году была выпущена книга его воспоминаний “Незабываемое”, где автор вводит в научный оборот материалы из своего личного архива, неизвестные ранее фотографии». Википедии¹ неведом источник, но я видел в дореволюционном журнале статейку «Мальчик-вундеркинд», с фотографией трехлетнего Горы с саратовской гармошкой, который уже умел читать.

После книги «Незабываемое» офицер стал специализироваться на воспоминаниях о Ленине, выступая на многочисленных встречах.

¹К достоверности Википедии: в Саратове никогда не было Коммунистической улицы, на которой якобы жил Лозгачев, была Коммунарная, она же Соборная.

«С гордостью показал я свою красную комсомольскую книжечку Владимир Ильичу. Из частых бесед со мной, когда я навещал его в рабочем кабинете, он был прекрасно осведомлен о нашем детско-молодежном движении. Во время своих прогулок по Кремлю он всегда останавливался возле нас и, окруженный постоянно стайкой ребят, с интересом расспрашивал о жизни “Кружка детей Кремля”.

– Ну, что же, поздравляю, Гора, – сказал Владимир Ильич, полюбовавшись моим комсомольским билетом, – становишься теперь старше и умом и учишься хорошенько, товарищ комсомолец и будущий большевик! Впрочем, ты ведь давно уж большевик, – с лукавой улыбкой заключил Владимир Ильич». И т.д.

Насколько правдивы воспоминания взрослого Горы, судить не могу, но ведь есть кадры кинохроники, где он рядом с вождем, а главное, что ИМЭЛ (институт изучения Маркса – Энгельса – Ленина), бывший цензором всех публикаций о Ленине, книгу Лозгачева к печати допустил. В городе его за глаза называли сыном Ленина, хотя все и знали, что у вождя детей не было. В Союз писателей однако не приняли. Был он дядька неприятный, хромой, сильно пьющий и агрессивный.

Еще в дом на Коммунарной попала творческая элита: балерина, народная артистка Вера Дубровина, автор балета «Девушка и смерть» композитор Ковалев, ректор консерватории Христиансен, актер театра драмы Юрий Каюров, сыгравший в кино молодого Ленина.

Мы же получили трехкомнатные квартиры на набережной, дом 5, Тобольский на 3-м, мы такую же на 4-м этаже. Ему лучше этаж, но на пятерых, тогда как нас было трое. Я бродил по просторным комнатам, глядя на Волгу, когда с лестницы донеслись удары и крики «топор!»». Когда мы с мамой выскочили, на площадке увидели у двери его квартиры Тобольского, который колотил в запертую дверь, крича «Топор где, дайте топор?!», и в ужасе отходящую соседку Светлану Бах, декана филфака университета, где ещё предстояло учиться мне и Левке Тобольскому. Попозже Исай поднялся к нам: «Маша, прости! – Да что я – перед Бах извиняйся». Причиной гнева был испортившийся замок, который Исай намеревался взломать топором – ждать он не любил.

И начали мы соседствовать до 1974 года, когда разменяли наши квартиры.

У нас дома праздники не отмечали. Внизу же 7 ноября, 23 февраля или 8 марта с раннего утра было шумно, брэнчало пианино, хозяин пел песенки на свои слова. В 1965-м, в первый год совместного ученья на филфаке, нам с Левкой предстояло идти на октябрьскую демонстрацию, и рано утром я зашел за ним. С криками хозяин усадил за накрытый стол и налил нам по большой рюмке водки. Был он принаряжен и возбужден: праздник!

Вообще с ним мне было интереснее и легче, чем с отцом. Ведь я рос в очень чопорной семье. Крика не помню, но и душевности тоже. Все отношения были словно под водой. К примеру, не слышал, чтобы родители повздорили. Все это и неплохо выглядит, особенно для тех, кто живет в скандале и крике, что и у нас недолго было, когда старший брат женился, стал пить и поколачивать жену. А на набережной враз воцарилась тишина. Полная невозможность откровенности не просто воспитала, но, как я сейчас понимаю, и навсегда меня испортила. А чопорность, чтобы представить... ну вот, мать с кем-то разговаривает и вдруг, глядя на меня, запинаясь и, вздохнув, говорит: «Ладно, ты уже большой, при тебе можно».

Какое же слово ее остановило? Беременная!

А то, что мне на Яблочкова велели выходить из комнаты, если по телевизору, как казалось родителям, было для ребенка недопустимое... Какие же непристойные фильмы могли тогда показывать? Не забуду, как меня удаляли с «Тихого Дона», «Грозы», «Петра Первого», и я по звуку за стеной пытался вообразить то, что на экране происходило... нет, не хочу множить примеры и прикасаться к тому, что возникало тогда в моей душе.

И вот сосед Тобольский, который между прочим мог мне рассказать, как мать Мария Самуиловна выпорола его, когда

застала в группе онанирующих мальчишек. И здесь подчеркну, что он вовсе не был похабником. Матершинник зато был отменный, а у нас дома под запретом было даже «говно».

То, что в этом тексте я иногда называю его по имени без отчества, как то делали все коллеги, говоря о нем в третьем лице, разумеется не означает, что и я так делал даже в годы дружбы.

2.

Итак, в 1985 году мы подружились. Почему я точно помню год? Потому что началась дружба с недолгого, но крайне тягостного для меня пребывания в жениховском статусе, когда из ничего вдруг возникло, что меня собираются назначить главным редактором журнала «Волга», откуда годом ранее я ушел с должности зав. отделом прозы (см. «Третий», Волга, 2020, №1-2). Да и сам я, никогда прежде о том не помышляя, как-то очень реально понял, что назначат именно меня. Тягостным было не столько ожидание, сколько сопровождавшие его звонки, особенно часто Тобольского. Разговор начинался с вопроса, был ли я уже в обкоме, а продолжался уверениями в точности информации о моем назначении. Естественно увидеть за этим своекорыстный расчет, но какой? На будущие публикации? Но «Волга» и так его печатала, за исклю-

чением поэмы «Исповедь», это тема отдельная, к тому же писал он мало и в общем-то куда качественнее, чем раньше, и препятствий с публикациями не могло быть.

Его активность стала понятна в первое же время моего, так сказать, пребывания у власти, когда он возникал в редакции ежедневно, с очень деловым видом, как бы демонстрируя, что его здесь ждут. Он уже назначил себя на роль гуру при молодом редакторе, продолжая старинную традицию умного еврея при губернаторе.

Увы, я не доставил ему этой радости. На попытки чрезмерного внедрения в редакцию ответил чётким разделением между общением на службе и за выпивкой. И однажды за стаканом объяснил, что должен быть предельно (его любимое словечко) осторожен в общении. Заговорил я об этом, когда зашла речь о новом составе редколлегии, куда он не вошел, но, думаю, рассчитывал.

Не раз наблюдал его трусость. Вот шумно наезжает на собрании на Коновалова, уличая того во всяческом своекорыстии, на что тот лишь отмахивается, а по окончании первым подскакивает к нему поближе, убедительно напоминая: «Ты ведь меня знаешь...»

Вот сидим мы рядом на заключительном заседании съезда писателей России, когда зачитывают список членов правления, и он подпрыгивает в кресле, бормоча мне на ухо: «Сей-

час тебя назовут!» Не скажу, что мне было вовсе безразлично, но и волнения тоже не помню. И вот меня уже не называли, а он продолжает подпрыгивать, уже с явной радостью в глазах, но бормоча: «Пойду и выступлю!» Сидящая с другого бока от него зав. отделом культуры обкома Зоя Ларионова спокойно бросает: «Я тебе пойду, сиди!» И он сидит, бормоча: «Сейчас выступлю!» Потом я узнаю, кому именно я обязан избранием: Марьяна Зубавина из аппарата Правления рассказала, что Ларионова побывала у них на Комсомольском, 13 и именем обкома убедила вычеркнуть меня как пока ненадёжного. «Но я тебя хоть в Ревкомиссию засунула, а то неприлично – ведь главный редактор».

И что, меня хоть в малой мере задел тот цирк? Ольга Авдеева когда-то сказала, что я напоминаю ей стихи Евтушенко: «Я делаю себе карьеру тем, что не делаю ее!» Но сейчас, на закате жизни, думаю, что надо было бы так относиться к личной жизни.

Еще помню, как нисколько не обиделся, когда мне рассказали, как на партийном собрании он сообщил, ему больно видеть меня, возвращающегося с работы в нетрезвом виде. Смешно, что днем раньше и я видел его в том же подъезде в куда более пьяном, чем я, виде. А на собрании обсуждали за пьянство зам. гл. редактора «Волги» Дедюхина, а Толбоський и выступил для обвинения того еще и в спаивании

младшего товарища. Вообще, тогда было в обычае на этих обсуждениях-судах то, что коллеги меняются ролями.

Особенно он бывал находчив, когда требовалось что-то добыть. Как-то и мне и ему понадобились книжные полки и холодильники, и мы знали, какие именно: чешские полки и московский холодильник ЗИЛ. И был его мастер-класс. Везде нас принимали заведующие, миловидные полноватые женщины лет сорока.

– Здравствуйте, надеюсь, наши имена вам знакомы. Разрешите представиться, я – поэт Исай Тобольский...

И улыбка хозяйки подтверждала – знает, слышала...

– ...а это главный редактор...

И мне доставалась вежливая улыбка.

– Нам необходимы два холодильника марки «ЗИЛ».

– Видите ли, сейчас мы можем предложить лишь «Орск».

На лице Исае волшебным образом улыбка внимания сменялась саркастической улыбкой недоверия.

– Вы, видимо, не расслышали, – ласково, как ребёнку, пояснял он. – Я сказал: «ЗИЛ», а не «Орск».

А где-то еще, где был предложен уже «Минск», большой, как ЗИЛ, но не столь дефицитный, он варьировал:

– Нет, вы отказываетесь понимать: к вам пришли не просители с улицы, а известные далеко за пределом Саратова представители писательской общественности.

Словно бы мы зашли не с улицы и не были просителями! Но закончилось двумя ЗИлами. И еще он потребовал бесплатной доставки, и потом мне рассказал, что был крайне разозлен на дочь, когда узнал, что доставщики взяли с неё четвертной.

Полки мы получили где-то на базе за Энгельсом, ехали с ними в кузове открытого грузовика, я и сейчас вижу его счастливое лицо с дымящей на ходу сигаретой, и мне становится весело.

Насколько его оборотистость проявлялась в делах? Ведь не от хорошей жизни его жена пошла в газировщицы. Он был, по определению авторов «Двенадцати стульев», кипучий лентяй. Если собрать всё, им написанное и, соответственно, опубликованное, то от силы наберется книга среднего формата страниц максимум на триста.

Если же обозреть его общественно-политическую деятельность, то при мне он дважды был на относительно важных должностях: заведующим отделом поэзии журнала «Волга», где он продержался года полтора, и уполномоченным литфонда по Саратовской области.

Должность уполномоченного Литфонда требует пояснения. Я уже сказал, что квартиры писателям город строил за счет долевого участия средств Литфонда, в чьей собственности было примерно 15 так называемых домов творчества

писателей, которые для творчества предпочитали в зимнее время подмосковные Переделкино, Малеевку и Голицыно, ленинградское Комарово и рижские Дубулты, а для летнего отдыха с семьёй Гагры, Пицунду, Коктебель. Любопытно, что Тобольский и его семья никогда в домах творчества не бывали, лишь однажды уже стариком он долго жил в Переделкино, пока в Москве лечили внука.

Сам Литфонд находился в Москве, а на местах были его уполномоченные. Понятно, чем они занимались.

Нет, упаси Бог, не тем, о чем может подумать развращенный криминальной информацией современник, они старались как могли добыть денег на жилье, удовлетворить заявки на дома творчества, и хоть на них хронически обижались, но старались дружить. К тому же уполномоченный получал хоть и меньшую, чем ответсек, но сравнительно по тем временам приличную зарплату. Естественно, что за должность боролись. В основном Тобольский с Рязановой, в процессе борьбы ставшие врагами, но она победила, когда его сняли за любовный скандал, которого я еще коснусь.

Была ещё кормушка в виде руководства объединениями или студиями начинающих литераторов. Кто-то вспоминает и о руководстве Тобольского какой-то литературной студией, но я был свидетелем лишь того, как однажды, когда Тобольский недолго был литконсультантом при СП, на собра-

нии молодых он довел до истерики Яшу Удина шуткой про большие носы. У него огромный нос был главной портретной принадлежностью лица, а у Яши был обычный кавказский размер, но карабахский парень, удин по национальности, обладал повышенной мнительностью и еврейского юмора не принял. Есть и еще свидетели его наставничества. Журналист Борис Плохотенко: «А я вспоминаю, как познакомился с Тобольским. 11 апреля 1981 года был последним днём семинара молодых поэтов Нижней Волги (из Саратова, Волгограда, Астрахани). Действие происходило во Дворце пионеров. Я был зрителем-слушателем в группе, в которой участвовал Николай Кононов. Сначала читал свои наработки молодой инженер с Астраханского рыбокомбината. Жюри из трёх членов Союза писателей, представлявших каждый из трёх городов Нижнего Поволжья, послушав, стало вяло высказываться, когда появился жданный гость – Исай Григорич. Он сел на стул перед столом президиума. И тогда предоставили слово Кононову. Коля удивил, прочитав не заявленные ранее стихи, а новые тексты, чем ввёл жюри в некоторый ступор. Представляете? Членам СП надо было срочно встраивать в свои критические речи примеры из вновь услышанного. И слово взял Исай Григорич. Афористичное слово: “В то время как советская молодёжь активно участвует в строительстве коммунизма, едет на всесоюзные ударные стройки комму-

низма, лирический герой Кононова едет на лошади по кругу. Куда, почему? Разве ради такой молодёжи мы победили фашистов?!...” Тут я, четверокурсник филфака, позволил себе бестактность и заявил, что подобный вульгарно-социологический подход к поэзии недопустим. Возникла полемика, на пике которой Исай Григорич достал из кармана пиджака толстое портмоне. Трясущимися руками достал и стал извлекать из него то ли ветеранскую, то ли инвалидскую книжку: “Я инвалид (ветеран) войны! Я сюда из госпиталя специально приехал!” По-моему, мне хватило ума не съязвить по поводу необходимости приезда. Но не спросить, причём тут инвалидность, когда речь о поэзии, я не мог. В общем, разнервничался Исай Григорич, как-то всё скомкалось, показательной порки не получилось» (ФБ.18.01.21).

Но продолжаю о возможностях заработать. Редко бывало, когда, сделавшись членом СП, человек продолжал трудиться по бывшей специальности. На моей памяти, не считая профессоров-филологов, таких и не было. Но когда появилась оплачиваемая ставка синекурной должности литконсультанта при отделении СП, вокруг неё тоже закипели страсти. Примечательно, что на редакционную – в газетах, двух журналах, двух издательствах, телерадио – не очень охотно брали так называемых писателей. Вкратце могу объяснить это тем, что принятые в члены Союза писателей обычно очень

быстро отвыкали от необходимости принудительного труда, одновременно резко повышая в собственных глазах социальный статус, что главные редакторы отлично знали. На моей памяти в «Волге» было только три-четыре «члена», в Приволжском книжном издательстве постоянно лишь один, в журнале «Степные просторы» и на телерадио – ни одного. Их не было ни в театрах, ни на студии кинохроники. И хотя в члены СП как правило попадали журналисты, было какое-то негласное (а в нетрезвом виде и очень гласное) противостояние, когда одни других презирали и за то, что было, и за то, что есть.

Еще подкормиться помогало общество «Знание», которое наряду с учеными привлекало и писателей. Но для платной лекции требовалась не выразительная читка своих стихов, а какая-никакая, но связно изложенная информация.

И учреждение Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы в конце шестидесятых¹, с отделениями при областных писательских организациях было нешуточным подарком тем, кто желал не служить, а творить, но тво-

¹К сожалению, не сумел найти точную дату. Бюро при «патриотическом» СПР существует и сейчас, но в своих многочисленных печатных интервью его многолетняя шефиня Алла Панкова ни словом не вспоминает о советском предшественнике, хотя и начинала там.

рил настолько или плохо или мало, а точнее и плохо и мало, что на жизнь даже скудную не хватало.

Если у прозаиков случались затруднения со сценическим исполнением своих сочинений, то у поэтов, тем более такого артистического темперамента, как наш герой, их быть не могло, если ему чего-то на публичном выступлении и не хватало, так это только времени. И вот за одну встречу стало возможно получить 15 рублей (из них 5 отдать в бюро). Бюро выдавало путевку, на которой принимающая сторона оставляла оценку выступлению гостя и штамп своей организации. Тут Тобольский и развернулся. Сужу об этом по отчетам на собраниях заведующего бюро пропаганды. Помню на этих должностях двух бывших актеров, тюзовца Гусева и Смирнова из драмы. Последний однажды оконфузил нашего Николая Елисеевича Шундика, устроив о нем вечер. В отделение СП, недавно переехавшее из одной комнаты в «Волге» в помещение, составленное из трех квартир, Смирнов привел не меньше десятка своих списанных коллег, которые, конфузясь, переоделись в комматужке бухгалтера, и когда постановщик включил магнитофон с песнями на слова Есенина, ветераны сцены в сарафанах и расшитых рубахах стали кружиться вокруг красного как рак Шундика, вынужденного встать в центр хоровода. Тогда впервые я его пожалел. Так вот из того, что мы слышали в отчетах, выходило, что первое

место по числу платных выступлений всегда держит Тобольский. Информация вызывала кривые улыбки и возмущенные комменты коллег. Начинались долгие некрасивые препирательства, где фигурировало не только число выступлений и, соответственно, заработка, но и место, где выступал коллега, в городе или на селе, а если на селе, то далеко ли от города. Звучали и обвинения в приписках, здесь обычно разоблачителем выступал тот же Тобольский, упирая на широкую дружбу второго по числу выступлений Ивана Малохаткина с руководителями хозяйств, основанную на совместном распитии спиртных напитков.

Рекордсменом Исай Григорьевич был еще в одной области, и это опять-таки озвучивалось на собраниях.

В том, что пишущие стремились стать членами Союза писателей, играло большую роль то, что пребывание там социально приравнивало к труженикам любых профессий, шел трудовой стаж, оформлялась пенсия, и – внимание – оплачивалась временная нетрудоспособность, словно болея гриппом было невозможно писать поэму.

Больничный лист оплачивался из расчета ежемесячного заработка 120 рублей не дольше двух месяцев подряд и не больше четырех месяцев в году. И товарищи по перу знали, что до дня в СП использует этот срок один из них.

В советское время писатели Саратова лечились не в обычных лечебных учреждениях, а были прикреплены к больнице, которую в городе по старинке называли партактивской. Там работала моя вторая жена, и я узнал, что Тобольский со всеми сдружился прямо-таки по-родственному, за глаза его называли только Исай, а он, помимо общений и болтовни, радовал и больных и медиков своими выступлениями, где сам был и конференсье и исполнитель.

С возрастом он нисколько не утомился. Молодой исполнил «У попа жила собака», а вот вспоминаю так называемые творческие семинары брежневской эпохи. Для единения с народом художников, писателей, актеров собирали в горкоме партии и, после неустойчивой официальной части, везли автобусами в недалекие хозяйства или на предприятия, где после экскурсии гости давали концерт, после которого хозяева гостей кормили, а главное, поили. Тобольский был центром, приобретая даже свои штампы: перед выступлением просил водички и, взяв в руку стакан, спрашивал: «Не разбавленная?» Живо вижу, как крупная, полная актриса драматического театра Людмила Муратова, раскачиваясь от непрерывного смеха, отпихивает от себя Тобольского, вскрикивая: «Хулиган! Хулиган!»

Да, в жизни он был интереснее своих стихов.

3.

Мой друг Алексей Голицын навёл меня на публикацию работницы Саратовского архива Надежды Гусевой (oldsaratov.ru/forum/poety-i-pisateli#comment-20317).

«Встретила метрическую запись о рождении поэта: ГАСО Р3755.2.11.

*4-й район г. Саратова Актовые записи ЗАГС о рождении за 1921 год
26 августа родился Исаак Тобольский
отец Григорий Тобольский, извозчик, 31 год
мать Мария Тобольская, 21 год
место рождения и проживания родителей Цыганская улица,
дом № 2
второй ребенок
за неграмотного Григория Тобольского расписался...»
Я и сам вот что обнаружил:*

«Встретила запись о браке 5 августа 1918 году Тобольско-го Герша Ицковича, гражданина Скидельска Гродненской губернии с девицей Барам¹. (ГАСО, ф. 637, оп. 2, д. 37776). Предполагаю, что это родители Исаия Григорьевича» (<https://oldsaratov.ru/forum/poety-i-pisateli>).

¹Вспомнил, как в каком-то споре о фамилиях он сказал: «фамилии ерунда, моя мать в детстве была Машей Барановой».

Значит, он родился в двух шагах от синагоги на ул. Гоголя, и, вероятно, раввин после обрезания подал, как положено, эти сведения в ЗАГС Волжского района, который тогда назывался 4-м.

Что отца-извозчика он называл рабочим, вполне в духе времени. Удивительна же неграмотность тридцатилетнего еврея в 21-м году в большом городе – неужели и бабелевские извозчики не могли расписаться? Я никогда не слышал от Тобольского про отца, а мать Марию Самуиловну, конечно, хорошо знал. Из прозы деревенщиков мы узнавали про русских старух, а это была сильная еврейская старуха, которую знаменитый сын побаивался. Говорила она с заметным акцентом, но не столь сильным, как у ее снохи, родившейся и выросшей в Польше. Вот, попытаюсь воспроизвести ее возмущение, когда кто-то сказал, что ее внук пьет: «Лёва пёт! Лёва в рот не берет. Зачем говорят? Исай выпил, домой пришел, я его ту, ту! он спит». С ней любила беседовать моя мама. Как-то с удивлением передала её слова о живущем в соседнем подъезде зубном враче, здоровенном мужике, примерном семьянине и хозяине: «Наш жидок!» В мамином представлении это слово, да еще в устах еврейки, немыслимое.

Брат Исая Давид тоже был фронтовик, потерял ногу и жил, кажется, в Астрахани. О другом брате, точнее муже дво-

юродной сестры, израильтянина Натане мы впервые узнали из поэмы «Исповедь», о которой я еще выскажусь.

Про бабушку я рассказал, а Евгению Генриховну еще вспомню. С Левого в 1965 году мы оба поступили на филфак СГУ с той разницей, что я сразу после школы, а он курс или два отучился в медицинском. Я бы много мог вспомнить о скончавшемся в 2005 году Льве Тобольском, но тема этого очерка его отец.

4.

С благодарностью к Алексею Голицыну использую для своего текста обнаруженный им протокол закрытого партийного собрания с повесткой дня «Персональное дело И.Г. Тобольского», выдержки из которого необходимо процитировать.

«Б.В. Дедюхин рассказывает о сути дела. 5 июля И.Г. Тобольский оскорбил в рабочее время в журнале М.Г. Носкову. Учитывая, что М.Г. Носкова не подала заявление, бюро партийное решило ограничиться обсуждением.

Но Тобольский повел себя неправильно. Не дал партийной оценки своей позиции, бюро дало ему выговор.

И.Г. Тобольский. Сейчас трудно выяснить все причины, истинность того, что произошло тогда. Я не нахожу возмож-

ности оправдываться. И не буду. Я заслуживаю сурового ответа. Усложняется это тем, что я не могу представить ни одного оправдательного мотива, т.к. я мужчина. Но я не ударил Носкову. Я замахнулся, но не ударил.

А.П. Давыдов. В чем дело? Из-за чего вышел спор?

Н.Е. Палькин. Рассказывает о сути дела. Приехал Стрыгин¹. Носкова спросила: он (Стрыгин) молодой или старый. Тобольский начал ее обзывать.

Г. Лозгачев-Елизаров. Меня поступок Тобольского не удивляет. Все, кто в парт. собрании 10 лет, знают, что за фигура Тобольский. Мы либеральны, либерален обком, райком. Мы знаем Носкову, как хорошего работника. Я ее не обвиняю, а с Тобольским возились много. Меня всегда удивляло его двоеженство, непартийное отношение.

М.В. Чернышевская. Сколько я в партийной организации, я всегда слышу: Тобольскому строгий выговор. Сколько же можно? Носкова – хороший человек. Я считаю, что бюро слишком мягко обходится с Тобольским.

Г.Ф. Боровиков. У меня вопрос: что бы сделал Тобольский, если бы отец двух детей соблазнил его дочь. Обещал жениться и не сдержал слова?

¹Стрыгин Александр Васильевич (14. VIII. 1920, д. Беломестная Криуша Тамбовского у. – 16. IV. 1999, г. Краснодар) – прозаик, драматург.

Г.И. Коновалов. Тобольский несколько лет раздевает себя догола. Мы же пили за Носкову, как за жену Тобольского.

И.Г. Тобольский. У нас была хорошая дружба с Носковой. Она – благородный человек и сама не хотела, чтобы у нас распалась семья. 22 года я честно заботился о каждом из вас, будучи уполномоченным Литфонда. Бухгалтером была Носкова. У нас были хорошие отношения. 11 лет я был членом бюро. Я понимаю, что заслужил самого высокого наказания, но я прошу вас, моих товарищей, учесть всю нелепость ситуации. Я год в журнале, мне это удастся, руководство журнала довольно мной. Я прошу вас учесть, что я еще не утвержден на должности заведующего отделом. Я прошу смягчить мне приговор. Я никогда не дам повода, чтобы еще раз обо мне где-то зашла речь».

На этом протоколе оборвана последняя страница, но дату примерно можно установить по словам Тобольского: в «Волге» он работал в 1969–70 году. Тогда отделение СП (ответсек Палькин и бухгалтер Носкова) находилось в общем с журналом помещении. Прочитав протокол, я хоть и был в теме, впервые услышал о вроде бы женитьбе Тобольского на Носковой, но от себя кое-что дополню.

Марию Григорьевну Носкову я знал с детства, когда ходил к отцу в отделение СП сначала в Доме ученых, а потом в

Когиз, как с тридцатых годов называли саратовцы здание на углу пр. Кирова и Вольской, где на первом этаже был самый большой книжный магазин, а верхние этажи занимали облуправление полиграфии, облкниготорг, Саробллит (цензура). Была М.Г. славянски пригожа, статна и румяна.

И мы с мамой стали свидетелями того, как Исай Григорьевич уходил. Подобной сцены я не видел и уж конечно не увижу. Вышли мы тогда на шум с нижней площадки, естественно с голосом Исая, но главное, и женскими голосами. Мать и жена стояли в раскрытых дверях, он уже сходил на лестницу. Мария Самуиловна что-то выкрикивала, думаю, на идише, а Евгения Генриховна вслед ему хлопала в ладоши. Полвека прошло, но они стоят перед глазами.

Не знаю, как долго И.Г. прожил у Носковой, вероятно месяц-другой, и вернулся. Даже тогда я вполне оценил комизм его объяснения, которое все цитировали: вернулся, узнав, что сноха Ольга уехала учиться, значит Левка в её отсутствие так изблаждается, что его семья рухнет. К тому же времени относится противный эпизод с участием поэта Малохаткина. Выглянув в окно, я увидел его внизу и стоявших на балконе маму и жену Тобольского. Малохаткин их поприветствовал и спросил, где хозяин, а когда они с готовностью сообщили, что ушел, тот, гадко ослабившись, громко сказал: «Понимаю, к Маше пошел».

Сложный роман поэта и бухгалтера продолжался еще долго, обрастая новыми яркими деталями, из которых помню какое-то, уже при моем участии, большое писателей, редакции и обкомовцев застолье в малом зале ресторана «Волга», когда Носкова убежала от каких-то его ревнивых домыслов. И меня, как самого молодого, послали её вернуть, и уже на лестнице обогнал на бегу надевавший пальто Тобольский. Была зима, шел снег, он кричал: «Маша, вернись, а то меня из партии исключат!» И вдруг словно бы ринулся с тротуара под проходивший троллейбус, демонстрируя готовность к суициду.

Адресовал он ей стихи, где даже каясь, собой любовался:

*Даже разум –
Сердцу не указка,
Всякое бывает в долгий век...
Женщину,
Хорошую, как сказка,
Полюбил женатый человек.*

*Но ушел он от своей удачи,
Чуть не задыхаясь от тоски...*

Верно всё...

*И всё-таки иначе
Сильный поступает по-мужски!..*

Конфликты и скандалы всегда сопровождали Тобольского, что нельзя объяснить лишь его повышенной возбудимостью. Ну, вот.

До самого выхода на пенсию, редактором в отделе прозы «Волги» работала В.А. Коркина, которой я уделил немало страниц в своем мемуаре «Пика, трефа, бубна, черва», напечатанным в моей книге «Пустая полка» (Саратов. 2018).

Редакция, рабочий день, и вдруг из кабинета Шундика словно волокут что-то. Выскочив в коридор, я вижу, что он пуст, однако тут же у выхода возникает пунцовый Николай Елисеевич, оборачивается и кричит: «А сейчас руки пойду мыть!» И я видел, как из его кабинета вышмыгнула красная до синевы Коркина. Можно предположить, что разборке положило начало упоминание Людмилы Алехнович, подруги Коркиной и сердечной привязанности Шундика. А Исаю Григорьевичу, увы, было присуще словно бы прилипать ко всему, что скрывалось, и вытаскивать это на свет божий. И очень вспыльчивый Шундик схватил, судя по финальной реплике, с некоторым мордобитием, говоруна и выкинул из редакции. Потом долго его не прощал. И бывало, вечером Дедюхин и я

могли наблюдать, как тот скребся с улицы в огромные стекла кабинета, а Шундик махал туда рукой, дескать изыди, но в конце концов они помирились.

Однажды он выкинул номер, какого и от него не ждали.

Я лежал в той самой больнице с подозрением на инфаркт, когда однажды рано утром мне в палату позвонил Тобольский и закричал, что сейчас покончит с собой из-за польской курвы. Я не поверил, но он действительно наглотался снотворного и вскоре очутился в той же больнице, что и я. И поведал, что приревновал свою старенькую жену к событиям полувековой давности, когда польские евреи, спасаясь от Гитлера, бежали в СССР, и по дороге у юной Гени случился эпизод с молоденьким парнем, о чем она вдруг вспомнила и зачем-то рассказала супругу. И он наглотался каких-то таблеток и оказался в той же больнице, где и сообщил в деталях о случившемся. Впрочем, серьезные отравления лечили не там.

5.

Журналистское прошлое Исаея Григорьевича прошло много раньше наших общений, и я пользовался тем, что нашел в книгах и в Сети.

Информация порой противоречивая.

Вот газетные за 13 и 18 апреля 1941 года вырезки публикаций его стихотворных текстов «Весна», «Коварство и любовь», где под первой обозначено «член литературного объединения при редакции газеты “Молодой сталинец”», под второй – «Завод имени Ленина». Но все биографические источники сообщают, что в 1940 году он был призван в армию. Как же в 41-м он мог трудиться на саратовском метизном предприятии?

Или сообщается о том, что после войны он был редактором многотиражки Саратовского мединститута, чему подтверждения я не нашел.

А вот. «Он много работал в печати, был редактором районной газеты». Здесь я сошлюсь на информацию от своего отца Г.Ф. Боровикова, который не отличался выдумкой и не склонен был к фантазиям и сплетням. И он мне рассказывал, что после войны ему как начальнику управления полиграфии пришлось возглавлять комиссию по расследованию информации о том, что редактор газеты Ворошиловского (ныне Саратовский) района поэт Николай Корольков и литсотрудник той же газеты поэт Исай Тобольский пьянствуют и разбазаривают редакционное имущество. Выяснилось, что часть мебели они продали, часть растащили по домам, а главное, лишили редакцию транспортного средства – лошади с повозкой. Мебель озорники вернули, но лошадь, по

их признанию, была продана знакомым татарам, живущим в Глебучевом овраге и занимавшимся скорняжеством и торговлей кониной. Как-то я решился, поскольку мы стояли за добрым стаканом в подвальном шинке на Московской улице, спросить Исаю Григорьевича, конечно не о мебели и лошадке, но о работе в пригородной районке, и он подтвердил рассказ «Гриши» и признался, что не понимает, почему тогда не спился, как Николай Корольков.

Бесспорным было его участие во фронтовой печати, правда, вряд ли это была служба в штате редакции, как иногда сообщают сайты: «Почти четыре года он колесил по военным дорогам в качестве корреспондента фронтовых газет».

Думаю, вернее так: «...не только рядовым красноармейцем, но и в качестве внештатного корреспондента газеты». О внештатном его участии в армейской печати свидетельствуют и те командировочные, а не редакционные удостоверения от редакций «Сталинское Знамя» 1943 года и «Вперёд за Родину» 1944, которые передала краеведческому музею дочь Тобольского. Сотрудничать не значит быть корреспондентом.

Сам он не любил распространяться на эту тему, и в справочнике «Писатели Саратова», вышедшем при жизни поэта, сообщается лишь о годе призыва в армию.

Видя разноречивую информацию о военном пути Исаи Григорьевича, я обратился к сайтам Министерства обороны РФ

«Память народа» и «Подвиг народа», где содержится наиболее точная документальная информация о месте и роде службы ветерана, названиях частей и месте их дислокаций, а также указание, когда и за что он был представлен к правительственной награде.

Оказывается, в боевых действиях Исай Тобольский принимал участие с 01.02.1943 по 05.11.1944 и всегда в 166-м гвардейском стрелковом полку 55-й гвардейской стрелковой дивизии, которая вела боевые действия в Краснодарском крае, с ноября 1943 года принимала участие в боях на Керченском полуострове до апреля 1944 года, затем была и Белоруссия, и Пруссия, что в точности отмечено и на карте ратного маршрута Тобольского в разделе «Боевой путь».

А представлен к награждению медалью «За боевые заслуги» он в качестве стрелка комендантского взвода за то, что «в боях за социалистическую родину имеет 3 ранения и все приказания командования выполняет добросовестно и аккуратно» приказом от 03.04.1944.

На том же сайте есть информация и о второй награде фронтовика, Ордене Отечественной войны 1 степени, которым награждали ветеранов ВОВ в связи 40-летием Победы, его 06.04.1985.

И если факт тяжелого ранения, как сообщается в явно недостоверной информации саратовской журналистки из

«Земского обозрения» Любви Чирковой, никак не подтверждается, то контузия была, и ее последствия навсегда сохранились в характерных тиках лица. Говорят, что он страдал и нарушениями речи, я этого не помню, но слышал от подруги моей мамы, Лидии Михайловны Худобиной. Дружили они с войны, когда мама была стенографисткой в областной газете «Коммунист», а муж Лидии Михайловны главным инженером или технологом издательства «Коммунист». Лидия Михайловна любила и умела рассказывать, делая это в лицах, и одним из её персонажей был, как она его называла, Исайка. В некоторой пренебрежительности сказывалось, думаю, её пролетарское отношение к несерьёзному занятию Тобольского. При этом вспоминала, как встретила его на улице вскоре после Победы, и оказалось, что он перестал заикаться, объяснив: «От радости, Лидия Михайловна, от радости!»

6.

Саратовские читатели знали, что начинал Тобольский с детских стихов, и конечно пытался имитировать тройку Маршак-Барто-Михалков: их размеры и ритмы, темы и рифмы.

Природа:

*Весна! Весна! Звонят ручьи.
И снег – сплошное месиво.
Вода бежит, вода журчит,
Поет – и сердцу весело.*

Труд:

*Помолчал старик немного,
А потом добавил строго: –
Вот сюда взгляните, внуки,
Вот на эти руки... –
На мозолистые руки
Молча смотрят внуки.*

Пример для подражания:

*Гриша. Нина, я и Света
Провели в колхозе лето,
И работой, как могли,
Мы колхозу помогли.*

Восемь таких стихотворений составили первую, и до поэмы «Исповедь» (1970) единственную московскую книгу Толбольского «Дедушкин секрет» (1959). А по мере разгорания

холодной войны пришли новые темы. В стихотворном рассказе «О мальчике Томе», поэт поведал о маленьком негринке на пароходе, плывущем из Америки.

*Усталые птицы –
За волнами вслед,
Как будто им места
В Америке нет.*

Бедного мальчика видит капитан, конечно с сигарой во рту, как рисовал врагов в «Крокодиле» Бор. Ефимов.

*– Убрать, чтоб не видел
Цветного щенка! –
И нервно
Подрагивает щека.*

*Вдруг Том покачнулся
И – вниз головой.
И, даже не вскрикнув,*

Пропал под водой.
(Альманах «Огоньки», Саратов, 1950)

Социальная экзотика и в последующем привлекала поэта. В 1964-м году в ленинградском журнале «Костер» появляется его поэма «Джуба», где в первых строках автор трогательно предупреждает читателя:

*Я сразу скажу,
Приступая к рассказу,
Что в солнечной Африке
Не был ни разу.*

.....

*А этот правдивый и грустный рассказ
От верного друга я слышал не раз.*

Поэма разоблачает натовскую военщину.

*По сумрачным джунглям,
По травам примятым
Шагали, шагали,
Шагали солдаты.
Чужие солдаты
Из дальней страны,
Не только от зноя –
От злобы черны.*

И они калечат героиню, которую не видел, но ярко изобразил поэт: «У маленькой Джубы / Кудряшки-черняшки / И белые зубы. / Глаза как маслины». Натовцы лишают маленькую африканку зрения, устроив пьяную стрельбу, которую для книги автор почему-то заменил на неверный запуск ракеты. В журнале поэма была проиллюстрирована: крохотная негритянка у ног великана в военной форме. На сайте с «Джубой» воспроизводится несколько отзывов старушек о том, как плакали в 1964 году, читая поэму, которой поэт гордился, включая во «взрослые» сборники.

Но долго главной была тема минувшей войны. Жаль, что здесь с годами поэт уходил от конкретики в пафосную выспренность.

*Великая Печаль
Всегда проста.
Высокая Трагедия –
Безмолвна.
И тишина
Почти громоподобна,
Когда у Скорби
Сомкнуты уста.
Я был четыре года на войне.
Я знаю цену этой тишине.*

А вот как писал в 1942–м:

*На синем, с кровью смешанном снегу,
Где восемь суток бой сменялся боем, —
Лицом вперед, как рухнул на бегу,
Раскинув руки, умирает воин.
Последний луч в глазах его погас,
Застыла струйка крови возле уха.
А на руке размеренно и глухо
Стучат часы, встречая новый час.*

С годами поэт часто видит себя наставником читателя.

*Ищите радость!
Отправляйтесь в рощи,
Шагайте в горы,
Шествуйте в поля,
.....
Единственный совет тебе подам.
Возьми его, как хлеб берут в дорогу:
Нельзя молиться сразу двум богам,
Когда ни одному не веришь богу.*

*.....
До самой смерти
Помни два совета:*

*Ты так гляди
На звонкий луч рассвета...*

Стихотворное наследие Исае Григорьевича разнообразно. Он постоянно писал о любви, рассказывал в стихе о колхозных буднях, не чурался и исторических тем, написав о декабристах и Лермонтове. Обостренная социальная чуткость направляла поэта и к совсем новой проблематике. Так, длинная поэма «Ограда» рассказывает о ветеране войны, поглощенном приумножением материальных благ. В те хрущевские времена, когда обложили налогом каждую яблоньку, в печати развернулась борьба с обуржуазиванием в его садово-дачном изводе. И саратовские писатели не могли остаться в стороне. Например, Григорий Боровиков напечатал в газете «Коммунист» рассказ об отставном полковнике, который на дачном участке выращивает на продажу яблоки; его рассказ даже угодил в «Записку Г.К. Жукова в ЦК КПСС о жалобах генералов и офицеров-отставников на их отрицательное изображение в печати» (31 июля 1956 г.).

А в поэме Тобольского ветеран войны –

*Николай Петрович Хватов,
Ты сегодня рад:*

*Принесёт доход богатый
Ранний виноград
Кто – больному,
Кто – детишкам,
Так и разберут.
И глядишь,
По мелочишке
Сотни набегут.*

Но поэт не ограничивается приговором нравственному падению героя, в поэме разворачивается сюжет вокруг того, как от Хватова отвернулись и фронтовой друг, и сын, и даже соседи «Хватовых признали за буржуев, ты прочти-ка стенгазету во дворе».

Поэт ищет не только в темах. Он долго нащупывает собственную поэтическую мелодию, переходя от по-твардовски деловитой скороговорки к традиционной песенной задушевности, иногда до удивления напоминавшей песни Николая Палькина: «Для другой сбереги свои речи, / И зачем ты пришел – не пойму. / Ни к чему нам теперь эти встречи, / Разговоры теперь ни к чему. / Не звала, не гнала тебя силой, / Сам ушел и сто лет пропадал... / Что ж так долго ты думал, мой милый, / Что ж так долго ты, милый, гадал? / Прежний путь навсегда запорошен, / И ничем

не могу я помочь... / Ты всего опоздал, мой хороший, / На одну-разъ-единую ночь».

Вообще он очень органично переключался с современниками: «Уплыли твои пароходы, Умчались твои поезда». Кажется, это написано до Рубцова. А «душе моей покоя нет» это под впечатлением переводов Маршаком Бернса.

Однако с другими саратовскими поэтами Тобольского роднила лишь советско-патриотическая риторика. И в поисках ему аналога я вспомнил сибирского поэта, с которым некогда общался по общей любви к А.Н. Вертинскому.

Казимир Лисовский (1919–1980) родился на Украине в семье бухгалтера, с 1933 года жил в Красноярске, работал там в газетах «Сталинские внучата», «Большевик Енисея». На фронт его не взяли по причине костного туберкулеза. Первая книга стихов «Клятва» вышла в Красноярске в 1944 году. В 1945 году стал членом Союза писателей СССР.

Сближают годы рождения, провинциальное происхождение, время начала поэтической работы и выхода первых книг, и некая тематическая монохромность: Волга – Сибирь. И пили оба по-настоящему.

Различают происхождение: извозчик и бухгалтер, еврей и поляк, здоровье: Казимир был задыхавшийся инвалид-горбун, а Тобольский если и болел, так для больничного листа.

И еще сибиряк, хоть и не имел такого звездного часа, как саратовец с «Исповедью», издательски был гораздо благополучнее. Стихи о Сталине писали все, в т.ч. и саратовцы, но в распоряжении красной армия был Клондайк по имени Курейка, где в одной со Сталиным избе находился в ссылке еще и Яков Свердлов, о котором бойкий Казимир тоже еще в 1947 году издал книгу «В Туруханском крае»¹.

Оба любили подчеркнуть свое гражданское поэтическое кредо.

Тобольский:

*Я бы тоже отмолчаться мог
И о чем-нибудь
Трезвонить bravo.
Но в такое время, видит бог,
Я на это не имею права!
Это право совесть отняла.
Вот опять тревожная газета.
Снова неотложные дела
Требуют вмешательства поэта.*

¹ «Слышал я и еще много о Сталине всяких побасенок, но все они отдают дурным сочинительством, типа трескучих стихов и строчек, стихи сигающих со страниц сборников, писанных одичавшим от пьянства Казимиром Лисовским» (Виктор Астафьев).

Лисовский:

*И если я строчкой свою
Хоть в тысячной доле помог
Обжить берега Енисея,
Прокладывать рельсы дорог,*

*Воздвигнуть завода громаду
В полярной, глухой стороне,
Мне лучшей награды не надо,
И этой достаточно мне!*

И я понял, что Казимир Лисовский возник в моей голове рядом с Тобольским по причине их беспримесной советскости, которая у большинства совписцев отклонялась в самые разные стороны, чего у Исаю и Казимира и близко не могло быть.

7.

Итак, поэма «Исповедь» (1970). Прочитую себя, чтобы вновь не искать слов.

«Был пленум творческих работников в зале саратовской Высшей партийной школы. Я сидел рядом с Тобольским, неподалеку –

актеры драмтеатра, рассказывающие друг другу байки. У Тобольского в руках журнал “Огонек”, где напечатана его поэма. Актер Александр Михайлов попросил: “Разрешите журнал?” Тобольский протянул. Через какое-то время раздался его громкий крик: “Хамство! Хамство!” Я и не заметил, как Тобольский вскочил и кричал на актеров, тыча пальцем в последнюю страницу журнала, где они начали заполнять кроссворд. Михайлов, покраснев и извиняясь, протянул ему журнал. “Зачем он мне теперь?! – так же громко закричал Тобольский. – Вы его испортили, понимаете?! Испоганили!” Из президиума секретарь горкома партии Н.Б. Еремин, инвалид войны с протезом вместо правой руки, постучал, как обычно, искусственной черной кожаной ладонью по столу и громко попросил: “Исай Григорьевич, сядь пожалуйста!” Но Тобольский не сел, а забегал в проходе вдоль рядов, причитая уже потише: “Так оскорбить поэта, так оскорбить!”

После выхода “антисионистской” поэмы “Исповедь” саратовский поэт долгое время пребывал в непрерывном, как в буквальном, так и переносном смысле, опьянении. Он бесконечно рассказывал, как принес поэму в редакцию “Волги”, где главный редактор Шундик мгновенно прочел, обнял, поздравил и сказал: “Исай! „Волга” не то место, твоей поэме нужен международный резонанс!” И самостоятельно отправил “Исповедь” в журнал “Огонек” с рекомендательным письмом Анатолию Софронову. Это первая часть его устной трилогии.

Вторая – та, что буквально через неделю сам Софронов звонит саратовскому поэту и приглашает в столицу за счет журнала. При встрече Софронов, как и Шундик, обнимает его и поздравляет. Особое место во второй части занимал эпизод с бумажником Софронова. “Исай! – сказал тот младшему коллеге. – Пока вам бухгалтерия выплатит гонорар, возьмите у меня”. И при этих словах автор “Стряпухи” доставал бумажник, объемом подобный его чреву. “Никогда бы не поверил, что у человека может быть при себе столько денег”, – делился впечатлением саратовец.

В третьей части звучала уже трагическая нота. Все чаще Ися Григорьевича можно было видеть в кафе “Юность” (располагавшемся в одном здании с редакцией “Волги”) сильно выпившим и в минорном настроении. Перед ним на столе, кроме графинчика с коньяком, лежал номер газеты “Литературная Россия”, где какие-то хулиганы напечатали восторженную рецензию на “Исповедь”, которая начиналась примерно так: “Имя автора поэмы „Исповедь”, мужественного советского поэта Исяя Тобольского, занесено сионистскими боевиками в черные списки по обе стороны океана”. Тобольский поднимал на собеседника страдальческий взор, качал лысой головой и вслух повторяя эти страшные строки, на долго припадал к фужеру»¹.

¹Новый мир. 2011. №3.

В «Исповеди» ставится знак равенства между фашистами, убивающими еврейских детей, и «израильскими агрессорами», стреляющими в арабских детей. Это написано в разгар т.н. антиссионистской пропаганды, в которой поэту-гражданину захотелось поучаствовать.

*Вот он – тель-авивский дипломат,
Мастер закулисных махинаций.
Он сидит – как дома не сидят –
За столом Объединённых Наций!
То медовым голосом журчит,
То рычит, от злости багровея,
Ржавые библейские ключи
Тыча в душу каждого еврея.*

Вряд ли правомерно и нагнетание однообразно тяжелых слов: «Волосы рвёт, обезумев старуха», «болью клокочет», «криками ужаса», «жгутами плетей», «матери гложнут от крика детей», «замертво падает мать на песок», «а из соска два ручейка: крови и теплого молока», «в судьи беру Справедливость и Честь...», но не стану судить поэму с точки зрения литературной, так как она получила премию софоновского журнала отнюдь не за поэтические достижения.

Куда более неожиданным было появление в том же «Огоньке» в 1978 году поэмы «Монолог».

В кармане виза.
Связаны манатки
И пасквилей бумажная гора.
Ты столько лет
Играл с Россией в прятки...
Подбит итог.
Окончена игра.
<...>
К любой норе,
К любой чужой берлоге
Приладится
Безродная душа,
Умеющая
Плакаться о боге,
А верить
Только богу барыша.
<...>
Я суд вершу!
Мой правый гнев
Не стынет.
Ещё не всё

Сказал я о тебе –
О беглеце,
Не знающем святыни,
О подлеце,
Которому отныне,
Как смертный грех
Зачислится победа!..
<...>
Ты тешил душу
В киснувшем болоте,
В трухлявой сплетне
На чужой волне,
В трусливеньком
Приблудном анекдоте,
Заморского пошиба
Болтовне.
В бессильной злобе
Истину пиная,
Страшась людей,
Искал болотный брод...

Все-таки никто не заставлял его писать про гору бумажных пасквилей, которую зачем-то пакует в чемодан уезжающий советский еврей, про трухлявую сплетню на заморской

волне, которую сам поэт конечно не слушал, но более всего меня поразил словарь послевоенной «Правды», с омерзительным определением «безродный», которое запустил в пропагандистский оборот по его признанию тот самый Анатолий Софронов, в журнале которого нашел приют этот «Монолог».

8.

Я начал очерк с нашего сближения, и в 90-е мы ещё встречались за выпивкой, чаще в подвальчике на Московской, к чему никак не могли привыкнуть после ужасов сурового закона. Я любил слушать его рассказы, видеть, как он преобразается, заново переживая былое. Как-то вспомнил он и исторический случай, когда исчез из дома на неделю, о чем встревоженная супруга сообщила в СП, и его нашли в Вольске, в сарае у какой-то дамы. Но как он рассказывал... «Получил гонорар (похлопывание по пиджаку), иду конечно в речной вокзал. Сижу, как положено, а душа поёт... Слышу, колокол, сейчас “Грибоедов” отчалит. Я туда, раз и уже в ресторане. Деньги-то (похлопывание по пиджаку) есть, рюмку ко рту поднёс, и – глаза! Нет, говорю, Исай, ты сегодня не напьешься! Это твоя женщина».

Иногда печатали его новые стихи:

*Я ни о чем не спрашивал
В том времени ином,
Захлебывался маршами
И ложью и вином,
Слепой слуга безглазого
Покорного пера.
Но это нынче сказано...
А где ты был вчера?*

Но и назвав себя «другими лгунами обманутый лгун», Исай Григорьевич, когда СП РСФСР раскололся, и мы, т.е. Арбитман, Слаповский, Кекова, мой отец и я, вошли в Союз российских писателей, не расстался со старой «патриотической» компанией.

Потом он перенес операцию на горле, в результате чего лишился речи, ходил с трубкой в горле. Таким я его и видел в последний раз на похоронах моего отца, где он прикидал к маме, хрипя, размахивал руками.

Я его не хоронил, даже не знал о смерти, да и зная, вряд ли бы пошел прощаться в отделение СПР на Советской улице.

2020

ЗАМЕТКИ ПРО СП

*Из многолетнего цикла «В русском жанре»
выбраны фрагменты, относящиеся к Союзу со-
ветских писателей. Оговариваю: не вообще про
писателей советской эпохи и их произведения,
а именно о ССП.*

Удивительная – и уходящая – фигура редактор. В советском варианте это и руководитель крупнейшего издательства, и мелкий клерк, сидящий на письмах, все они, как в армии от маршала до рядового солдаты, – редакторы!

Пишущий был беспредельно зависим от редактора. Но и власть зависела от редактора, потому что, несмотря на цензуру, КГБ, доноительство и непременную партийную ответственность главного редактора, он мог-таки завернуть одно и, пусть с потерями и сложностями, напечатать другое. Какими бы замечательными редакторами ни были Некрасов, Катков, Краевский, Суворин, Горький, Аверченко, – подобие зависимости литератора от них, как от Твардовского, немыс-

лимо! Ведь шестидесятники вспоминают о Твардовском-редакторе как полубоге. Они знали, что если он не напечатает, не напечатает никто. Можно ли представить себе Тургенева, Чехова, Бунина, даже писателей первых советских лет, в роли всецело зависящих от воли редактора Яшина, Трифонова, Шукшина! Выйти из этой зависимости мог лишь тот, кто начинал печатать за границей нецензурные сочинения, но то уже был переход в иную плоскость существования.

И напрасно в своих жалобах-воспоминаниях советские писатели, прошедшие через редактуру, сводят правку к идеологической, политической, цензурной. Я знал опытных редакторов, которым вид чистой, направленной авторской страницы был нестерпим, чем более было исправлений, тем лучше поработал редактор. Они заменяли «двигался» на «направлялся», «лень» на «праздность», казалось бы, бессмысленно и бескорыстно. Нет в редакторстве была своя поэзия, а главное, что содержались большие возможности для самоутверждения, недаром большинство редакторов принадлежали к сочинителям. За годы практики возник некий гомункул, писатель и редактор в одном лице. Причем, что вполне ответственно утверждаю, человек мог писать то, что не пропустил бы как редактор.

В годы «перестройки» на ответственные должности, в т.ч. и главных редакторов стали путем выборов попадать,

минуя долгую служебную лестницу восхождения, люди достойные, но без малейшего административного опыта. Помню, как известного писателя Пьецуха выбрали главным редактором журнала «Дружба народов». Тогда, в начале 90-х, уже угасала эйфория печатной свободы, тираж «толстяков» стремительно снижался, к тому самое название «ДН» звучало глумливо. Но Пьецуху должность попервоначально пришлась к лицу. И его редакторство стало любимой темой для пересудов.

То с особым поворотом тела усаживается в служебное авто, то какую-то странную редколлегию проведёт, с приглашением со стороны как бы воспитателей для авторов и сотрудников, но главное, что режет и рубит рукописи товарищей по неестественным для них причинам. Озlobляются на него товарищи, а он всё более мрачнеет, жалуется на тяжкую редакторскую долю. Объясняют товарищи перемены тщеславными чертами его характера, но во всём поведении Славы я видел его стремление быть настоящим редактором. А понятие настоящего редактора сформировалось у нас под впечатлением редакторских фигур, которые с царских ещё пор, а уж про советские и говорить нечего, брали на себя груз ответственности, что-то пробивали, спасали, имели выход в сферы, безчиновному литератору недоступные, причастны были тайнам высшего порядка. Редакторская фигура была

тяжеловесной, само это сочетание конечного определения и сугубого подлежащего: главный редактор, даже и вне литературного мира заставляло людей настораживаться и вчуже уважать.

И вот всё враз рухнуло. «Жаль мне редактора бедного! Долго он будет грустить, Что направления вредного Негде ему проводить» (Н.А. Некрасов).

Не надо ехать в цензуру – или, как говаривалось в московских редакциях: «наш отправился на Китайский...», т.е. в Главлит в Китайском проезде. А то и на Старую площадь. Он делал то, что мог сделать (или не сделать) только он и никто другой. Его могли снять («освободить») с работы, но пока он сидел на своём месте, при всём «тоталитаризме» всё-таки решать печатать или не печатать и ставить заветную резолюцию на рукописи мог только он. А теперь?

А теперь ни Китайского, ни Старой, ни обкомов, ни зависимости твоей и от тебя. Несколько мальчишек, сумевших раздобыть денюжат, могут в день-другой открыть новый журнал и печатать там, чего желают. Фокус литературной ответственности переместился неизвестно куда, куда-то в безответственные писательские головы. Редактору надо лишь читать рукописи со товарищи да решать: да – нет. Скучно, вяло и тускло. И, думаю, замечательный писатель Пьецух, сохранивший в воображении нетленным образ главного

редактора минувшей эпохи, создавал условия для собственной деятельности, с каковой целью выдумывал препятствия для публикаций, ссылаясь на политические причины, несвоевременность появления энной вещи в печати и т.– всё то, что и приводило в изумление его товарищей.

Хорошо бы написать книжку типологических портретов членов Союза писателей СССР, ведь большинство шли по какому-то разряду, обладая внутри писательской, более узкой специализацией. Например: один – романтик, другой – чекист, третий – местный Толстой, четвёртый – человек из народа, пятый – честный советский еврей; надо было лишь вовремя организовать в кулачок происхождение, биографию, обстоятельства вхождения в литературу, политическую обстановку, ну и конечно, что Бог по части литспособностей послал, и – вперёд. Те, кто сызначалу о специализации не позаботились, как правило, не преуспевали.

Расскажу об одном саратовском литераторе. Владимир Чекменев по профессии был писатель из народа. Он сочинял

бессмысленно-безмятежные, не без проблесков некоего коровьего юмора рассказы и повести про деревенских чудаков, само собою, подражая и безумно завидуя Шукшину, успех которого породил в семидесятые годы толпу подражателей, полагавших, что и они так могут, потому как из народной жизни произошли.

Естественно, что этот Чекменев крепко употреблял. Но он еще и хулиганил. Так, напившись и предварительно выяснив, что редактора прозы, т.е. меня, нет на работе (ни разу не застал), явиться в редакцию журнала и, притворяясь более пьяным, чем есть, кричать на бледнеющих сотрудниц: «Где он, бля, порежу суку, жидам проданся, а русских печатать не хочет, бля!». Покуражась для безопасности не более десяти минут, он смывался. Когда при встрече с ним, трезвым, на собраниях в СП я пытался ему пенять, он, коротенький, с дурно пахнущим сырым лицом, потирая руки, бормотал, что ничего не помнит, и скверно улыбался.

Чекменев разнообразил тусклое течение дней Саратовской писательской организации. То соседка его, очень почтенная старая дева, даже не она сама по застенчивости, а мать ее, сообщит в организацию, что писатель предложил ее дочери: «Заходи – впендюрю, чего целкой ходить!» То уже целая группа соседей напишет жалобу, где описывается, как писатель мочился во двор с балкона, крича при этом: «Я пи-

сатель, на вас хотел ссать и ссу!» То директорша книжного магазина звонит ответсекретарю и умоляет увести из ее магазина Чалмаева, требующего продать ему его книгу, о которой директорша даже не слышала. Выясняется, что книга лишь запланирована в местном издательстве, но прозаик народной жизни, уводимый ответсеком из магазина, все равно кричал директорше, размахивая красной членской книжкой: «Продай, бля, пожалеешь!»

Мало что ему все сходило с рук, насчет чего имелись известные подозрения среди коллег, он еще сам любил писать на них жалобы и ходить на прием в высокие кабинеты. Он мог неделями просиживать в приемной с утра до вечера, трясясь с похмелья, но как бы от уважения и страха, и, попав-таки в кабинет, первым делом заявлял, что пишет о народной жизни. Наконец его зарезали собутыльники. Это было еще при советской власти.

Прошло с того несколько лет, и свободная пресса России стала раскапывать и рассказывать истории о давнем и недавнем прошлом, злодеяниях и преступлениях проклятого режима. Местные писатели начали выпускать газетку, к которой стишками и рассказами не удавалось привлечь читателя. И тогда ответсек, столько претерпевший от покойника, и без видимых страданий воспринявший его кончину, начитавшись новой прессы, вдруг печатает в газетке статью под

названием «Кто убил писателя Чекменева?», где с нажимом на то, что зарезанный был именно русским, а никаким иным литератором, предположил, что некие темные сатанинские силы, погубившие Гумилева и Есенина, убили и саратовца.

Особым родом чтения у провинциальных писателей был информационный бюллетень Союза писателей. Ах, бюллетень, бюллетень, лучше бы тебя не издавали. Или не присылали. Траурным пеплом подёргивались взоры и лики бедолаг, читающих про обладателей таких же членских книжек, как и у них, но... Вот Дни литературы в Дагестане, прибыла делегация. Звучат кавказские мелодии, зеленеет тёплая каспийская волна, а барашек-шашлык, а коньяк дербентский? А уважение окружающих? а вереница чёрных «волг», направляющихся в прохладную долину, где уж курятся дымки ...

Слотнёт табачную слюну член Союза, перелистнёт страницу, а там итоги конкурса на лучшее произведение о... ну, скажем. о работниках милиции, а наш читатель Бюллетеня не один очерк наваял о гаишниках с тех пор, как купил «Запорожец», но не бывать ему лауреатом, нет! А сердце бьётся сильнее, потому что приближается самый горестный раздел – о поездках членов СП за рубеж. В мае за рубежом побывав-

ли: мать моя мамочка, Михалков, раз, два, три, три раза, и не просто в ГДР, а «с заездом в Западный Берлин» – так он ради этого заезда и выехал! А Евтушенко!!! Штаты, Англия, опять Штаты, и цель – творческие вечера. Или – по приглашению издательства такого-то. Пальцы загиваются, их на руках уже не хватает, так что подсчёт невольно продолжается и в ботинках, и получается, что Михалков с Бондаревым или Евтушенко с Рождественским вовсе из-за бугра не вылезают! Да что Евтушенко! Ещё обиднее, когда свой же парень, море водки выпили, и поэт-то никому неизвестный, а вот в столицу перебрался, жил по углам, женился-переженился, но влез то ли в приёмную комиссию, то ли в партбюро секции, и гляди: в составе делегации, хоть в Того, хоть в Конго, но мелькает.

Вспомнит наш герой, как в позапрошлом году накопил деньжат на Болгарию, как не хотели с женой вдвоём выпустать, пришлось в обкоме лбом о пол стучать, как красные червонцы в трусах сверх положенного провозили, как баба в софийском универмаге одеревенела, как копейки их поганой, стотинки, на кафе жалела, вспомнит всё это, получит деньги за выступления на полевом стане колхоза имени 19 партсъезда и прямым ходом в ресторан «Европа» на второй этаж, где и водку и пиво в графинах подают, и – до упора, не то что на партсъездовские, но и в долг, а то и вплоть до

личного дела по поводу бумаги из милиции. Вот вам и «Информационный бюллетень»!

Значительную часть жизни я провел в среде провинциальных литераторов, тяжелые знания об этой среде я вынес. Но вот заметки столичного литератора: «Их объединяет не организация и не общая идеология... а нечто более сильное и глубокое – бездарность. К чему удивляться их круговой поруке, их спаянности, их организованности, их настойчивости? бездарность – великая цепь, великий тайный орден, франкмасонский знак, который они узнают друг на друге моментально и который сближает. как старообрядческое двуперстие – раскольников. Бездарность – огромная сила в нашем мире. Они сильны потому, что едины, а едины из чувства самосохранения, ибо каждый из них в глубине знает, что в одиночку он нуль». (так писал Эм. Казакевич 14.XI.61) (цит. по книге В. Огнева. Амнистия таланту. М. Слово, 2001, с. 358).

Была такая член СП И. Гуро. Написала повесть «В добрый путь, Кумриниса»: «Кумриниса сначала работает учетчицей,

потом переходит в бригаду, становится известной звеньевой и вскоре добивается рекордного урожая сахарной свеклы. (...) Во второй половине в повести автор сообщает читателю о еще более важных событиях в жизни Кумринисы. Она получает высокое звание Героя Социалистического Труда, вступает в члены партии и становится депутатом Верховного Совета республики. Какие это значительные вехи в жизни девушки!»

Зачем И. Гуро писала повесть об узбекской колхознице? С большой долей уверенности можно утверждать, что ей не была интересна звеньевая-узбечка, как не были интересны и первые забайкальские Советы, Емельян Ярославский и Анри Барбюс, о которых она написала свои книги.

Нынче ушло и забывается то состояние профессиональной литературы, когда полторы-две тысячи людей с семьями жили на публикацию романов, рассказов, стихов, поэм, драм, комедий, статей. Кого-то из этих тысяч переставали печатать, что становилось трагедией прежде всего в элементарном жизненном пропитательном смысле. Кого-то и сажали, и расстреливали. Но тот, кто печатался, ставился, экранизировался, имел заработок куда больший, чем у большинства категорий населения. На этот счет немало можно встретить в разных мемуарах советских писателей, но почему-то мне хочется вспомнить роман Светланы Шенбрунн «Розы и хризантемы». Помните, отец героини. сочиняющий роман о

войне комнате коммуналки рядом со сварливой женой, дочерью – школьницей и сумасшедшей тещей. Лишь только роман опубликовал «Новый мир», он начинает жить широко: добавляется к неработающей жене и теще еще и домработница, он записывается на приобретение «Москвич», дарит дочке итальянский велосипед, ходит обедать ЦДЛ, заводит трубку с «Золотым руном»? И – пребывает в постоянном страхе, как бы не промахнуться, не лишиться начинающегося успеха и благорасположения самого Симонова, переименовавшего его без спроса и предупреждения для публикации в журнале из Штейнберга в Шатилова и т.д.

Существование советских литераторов – оставим в данном случае в покое таланты и прочие воздушности – обещивалось стабильностью гонорара. Оставим опять-таки неравенство в их распределении, подчеркнем другое – стабильность. То есть, затевая роман, скажем, в двадцать авторских листов, писатель знал, что в журнале он получит за него 6 тысяч рублей, а за отдельное издание 10. Опять-таки роман могли не напечатать, но в случае публикации были гарантированы именно такие суммы.

И здесь, надо сказать, советский писатель был законным наследником русского писателя. Ну, представьте, что Антон Павлович Чехов, вступая на стезю сочинителя, не рассчитывает ни на какие гонорары, т.е. на определенные гонорары,

подобно нашему современнику. Без гонораров – Достоевский? Горький?! Куприн?!!

Блок на золотое, как небо, аи зарабатывал критикой. (Мать сокрушалась: «Саше так трудно деньги достаются, а он их пропивает!».)

Рост гонорара говорил о росте признания.

У современного литератора отнят сильнейший стимул к сочинительству. Но литература не умирает, и уж не знаю, стоит ли об этом сокрушаться.

Нормальная деятельность областной организации с многосотенным (!) литературным активом и молодежной студией, где на постоянной основе в двух возрастных группах занимается более 50 человек». Юрий Орлов, ответственный секретарь Ивановской писательской организации, ЛГ, №41, окт. 2003 года.

Справка о поэте Н. Исаеве, председателе Тульского СПР: «автор текстов известных песен: «Песнь славянским народам», «Песнь воинам Победы», «Песнь Гагарину», «Песнь

«афганцам», «Песнь о земле тульской», «Женщине России» и других. Участник творческого коллектива Тульской области, выступавшего на авиабазе в Сирийской Арабской республике перед воинами Российской Армии, награждён медалью «Участник военной операции в Сирии». Автор стихов, посвящённых государственным и политическим деятелям – Путину В.В., Дональду Трампу, Матвиенко В.И., Жириновскому В.В., Шойгу С.К., Чилингарову А.Н., Беглову А.Д., Дюмину А.Г., Кадырову Р.А.; классикам и современным деятелям культуры, спорта и искусства – Пушкину А.С., Толстому Л.Н., Есенину С.А., Гагарину Ю.А., Марку Шагалу, Говорухину С.С., Антоновой И.А., Карпову А.Е., Церетели З.К., Мединскому В.Р., Алле Суриковой, Фёдору Конюхову, Алле Пугачёвой, Андрею Малахову, Григорию Лепсу, Филиппу Киркорову, Стасу Михайлову и другим».

С О Ю З Н И К И

Оказывается, в нашем городе кроме известных мне филиалов СПР, СРП образовался еще филиал неведомого РСРП.

Поясню: некогда Союз писателей РСФСР раскололся на два – Союз писателей России и Союз Российских писателей, у которых отпочковались и местные отделения. В Саратове СПР многочислен, и пользуется поддержкой социально близкой ему власти, которая финансирует ему журнал «Волга 21 век», а пролиберальный СРП изначально был хил, и журнал «Волга» издаётся группой профессионалов-энтузиастов на собственные средства.

А ещё, в бытность у нас губернатором Павла Ипатова по прозвищу Павлин, несколько отколовшихся от СПР литераторов образовали Ассоциацию Саратовских Писателей, которую опекала и финансировала тогдашняя супруга губера. Её подопечные много шумели, ездили в Москву и даже судились с Романом Арбитманом, но Павлин тем временем поменял Саратов на Москву, старую жену на новую, и литературные дети Павлинихи тихо увяли.

Но вот появилось местное отделение некоего РСРП и о себе сообщает:

«Саратовское региональное отделение Российского союза писателей активно начало работать в 2017 году.

Председателем отделения был выбран Феликс Маляренко, детский писатель, начавший свою литературную деятельность ещё в 1970-х годах. В данный момент Ф. Маляренко входит в десятку самых продаваемых детских писателей в нашей стране. Общий тираж его книг, вышедших в 2016 году, составил более 150000 экземпляров».

Маляренко так Маляренко.

«В Саратове, где живет литератор, его имя хорошо известно подрастающему поколению», – утверждает сайт PEN-ZAINFORM а он сам на другом делится сокровенным: «Задумал "Биробиджанскую азбуку" в подарок городу. Кое-что у меня уже есть, с "еврейским оттенком". Вот стишок на букву "С": Летят, летят снежинки, И нет прекрасней вида: Как весточки Израиля, Как звездочки Давида. (<https://eaomedia.ru/news/505981>) (А я почему-то полагал, что евреев в Биробиджане еще меньше, чем в Саратове, и для национального просвещения детей малочисленной титульной нации там бы надо дарить не русскую азбуку, а еврейскую).

Но главное в творчестве Маляренко – это детские стихи. Купить (520 рублей) его «Сказки о свинках» мне не по карману, посмотрю читательские отзывы.

«Когда вижу на прилавках алфавит в стихах, то не могу удержаться от приобретения. Только после покупки этих карточек, я стала еще и проверять стихи с картинками на адекватность. Даже в голову не могло прийти, что из 33 карточек, нормальными окажутся всего несколько штук.

*И
Весёлая избушка
Гуляла по опушке
В припрыжку по дорожке
На длинных курьих ножках.
И шли за ней по травке
И прыгали по кочкам
Клевали всех козявок
Шесть маленьких комочков
Пищали и шумели
Весёлые ребята.
И кто на самом деле?
Конечно же «избята»!
ИЗБЯТА!*

Да я просто в ступоре была, когда увидела эту карточку с буквой И. Конечно же, эти карточки я не рекомендую покупать».

Может читательница несправедлива к автору избят, но как быть, если он предлагает варить мышей?

*Воин Кот не шелохнется
Мастер он штыка и пули
Враг Мышаня не прорвётся
Путь его прямой – в кастрюлю.*

Ладно, может кому мыши и по вкусу, едят же лягушек и тараканов, но тяжеловато придется Маляренко в Саратове, ведь у нас уже есть Михаил Муллин, вот его стих «Устройство барана», видимо, иллюстрирующий схему разделки туши:

*А баран устроен проще,
Чем обычный человек,
Ведь очков и брюк и шляпы,
Даже галстука в нём нет.*

*Но частей в нём не двенадцать,
Можешь сам ты перечесть.
Но учти, что у барана
Есть ещё рога и шерсть.*

Да, Маляренко не устоять против Муллина, который, не знаю, входит ли *«в десятку самых продаваемых детских писателей в нашей стране»*, потому что не ведаю, где и кем эта сомнительная десятка определялась.

Узнав о существовании саратовского филиала СРП, решил узнать и о его верховном Центре.

Российский союз писателей возглавляет Кравчук Дмитрий Владимирович (Алекс Герд), о котором я по отсталости не слышал, а оказалось, что он личность известная, учредитель и гендиректор 7 всяческих ООО. Про литературное его творчество неизвестно, а вот репутация его сайтов *«ПРОЗА. RU»* и *СТИХИ. RU»* не лучшая. Конечно, среди помешенных там текстов десятков тысяч авторов наверняка бывают сносные и даже талантливые, но как их разглядеть в чудовищном потоке безостановочной графомании? О сайтах судить можно и по множеству негативных отзывов, где нередко их называют просто мошенническими. А я наткнулся на прелестный пример их профессионального уровня: *эксперт редакционной комиссии премии «Поэт года» Дарья Стрельцова обратилась в 2015 году к скончавшемуся в 2003 году поэту Юрию Кузнецову за разрешением номинировать его на премию: «Здравствуйте, Юрий Поликарпович! Сообщаем Вам...»*

Чем занимается СРП, узнать из его сайта невозможно, там нет ни одной фамилии членов нового писательского содру-

жества. Оно и правильно: ведь как заметил Пушкин, «самую полную сатирую на некоторые общества был бы список его членов». Видимо те, кто туда вступает, принадлежат к неисчисляемой категории пишущих граждан, которые убеждены, что писатель и член – это синонимы.

Филиал СРП в Саратове кроме общений с посетителями библиотек, каких фото много на сайте, выпустил альманах, в который и заглянем.

«Дорогие читатели! Представляем вашему вниманию альманах с произведениями членов Саратовского регионального отделения Российского союза писателей. Авторские работы, представленные в данном сборнике... Среди представленных авторов... этих людей объединяет то, что они представляют... Феликс Маляренко, Председатель Саратовского регионального отделения Российского союза писателей. Уважаемые читатели! С особой радостью представляем Вашему вниманию работы наших писателей-земляков... работы сразу двадцати авторов. Радостно выпустить этот альманах в свет ещё и потому, что он сразу попадет в руки читающей аудитории, отпуская в жизнь изданные здесь произведения... Редактор Юлия Ключева».

Мало-мальски сведущий в литературе человек, прочитав эти перлы, на них и закончит знакомство с «данным изданием», но я все же старый литератор и не поленился его перелистать.

Конечно, не все тексты равно убоги, многие убоги неравно, иные даже не совсем убоги, просто далеки от литературы

Галина Вольская (Попова) родилась в 1949 году в городе Вольске окончила физический факультет Саратовского университета имени Н.Г.Чернышевского. Сейчас на пенсии. (Биосправки есть не о всех авторах).

Незатейливо грамотное изложение разных фактов долгой трудовой и житейской биографии и пусть бы, но в заключение, увы, и стихотворное: «Я люблю эту землю / И в жару, и в мороз. / Я люблю эту землю / Не на шутку, всерьез. / Пусть хохочут Иуды, / Ищут жирный кусок, / Никогда не забуду Этот скромный лесок».

Вера Ветрова.

«Волк (Баллада)». Не ново, но всегда любопытно, когда высказываются от имени волка, ещё бы с языком автору совладать: «Стал жидкий воздух вокруг него тогда, / Что меня резко дёрнула узда / Невнятных чувств к нему, / и тут же, властно, / Моя природа двинулась обратно...»

Татьяна Дементьева.

«Святая Русь, моя Россия! / Тебя люблю я всей Душой. / Ты Богом выбрана Мессией, / И на планете голубой / Тебе одной дано лишь право, / Творить в созвездии миров». Конечно, рифмовать Россия–Мессия это всё равно, что розы–морозы, зато чувств сколько! И далее, и далее: «Мы народ единый, / цель у нас одна /,

Чтобы Русь Святая / счастье обрела. / Чтобы не делились на рабов,
господ, / И в единстве духа жил святой народ. Против святости
не попрёшь, могут обвинить в русофобии...

Дмитрий Зотов то перелагает в рифму прочитанное о
Максимилиане Волошине: «Макс Где, хороший мой, / любви
колыбель? Где Волошин шел домой, Коктебель. В нем была такая
сила добра, / Что лицо запечатлела гора. / В век, когда и головы не
снести, / Он стремился защитить и спасти», то выражает уве-
ренность, что ему благоволит сама Марина Цветаева: «О, как
я Вашим дорожу Благоволеньем! / За наслажденье понимать Без
перевода. / За наважденье узнавать – Одна порода», то, вдруг
опростившись, торжественно назидает выпускников шко-
лы в стиле советских песен: «И юность с вами под руку идет. /
Запомните своих учителей. / Запомните и поблагодарите. / Теп-
ло своих сердец им подарите / И сохраните в памяти своей», то
опять взмывает выше некуда: «Однажды поселившийся Мессия
/ Оправдывает это бытие. / И по ночам баюкает Россия / Святное
продолжение своё».

Елена Йост-Есюнина. Родилась 27.03.1956 в Баку. После раз-
вала СССР в качестве беженки в 1993 году переехала в Саратов.

«Дождь застыл на ветвях жемчугами, / Звёзды смотрят в
луж зеркал / Отражается в льда амальгаме / Крепдешин, что луна
соткала». Конечно, и дождевые жемчуга, и луж зеркала, и

льда амальгама, всё это было штампом ещё в позапрошлом веке, но всё-таки складно...

Людмила Калинина родилась в 1953 г. в 1969 г. получила первую премию, участвуя в конкурсе молодых поэтов, проводимом журналом «Советский школьник» и т.д. И – случай особый, печаталась в журнале Всероссийского общества слепых «Наша жизнь». Достоинства её рассказчика «Случай с автобусом» не только в трогательности эпизода, но и в простой вере в воздействие слова. И даже несколько комичный её «Ответ Ивану Бунину»: *«Рассеянный солнечный свет / На землю с трудом попадает. / «Для женщины прошлого нет», / Так Бунин Иван утверждает. / Он мудро когда-то писал / На грани любви и науки. / С любимой женой он не знал, / Как женщины тонут в разлуке»*, с сочувствием я прочитал / без всякой натуги и муки.

Юрий Каргин родился в 1963 г., был учителем, сотрудничал с саратовскими СМИ, автор краеведческих телепроектов, председатель балаковской первичной ячейки Союза журналистов РФ. Словом, матерый журналист и краевед: зачем ему РСРП? Читая его очерк «Как погиб Чапаев?», (а про Василия Ивановича, как мы знаем, интересно всё), увидел, что автор явно не советовался с живущим в Саратове виднейшим чапаеведом Виктором Бирюлиным, иначе не ссылался бы на авторитет дочери комдива Клавдии Васильевны.

А сам глава филиала Феликс Маляренко выступает в альманахе с вполне гладкими армейскими рассказами.

Павел Миронец разнообразно восхищается родным городом: «Саратов с врытыми домами / По пояс – вплоть до крестовин / – Встречал гармонью и блинами / – Добрейший русский гражданин. / Дворянской гордою осанкой, / Крестьянским бытом и сохой, / Отбитой колокольной склянкой, / Трамвайной красной полосой. / Горели золотым покровом / Над волжской далью купола, / И отдавалось эхом – «Слово», / И ладан лился, как смола... / С консерваторскими басами / Смешались скорби бурлаков, / А берег выстлан голосами / Влюблённых в Волгу рыбаков».

Даже не знаю, что здесь прелестней: крестовины ли, которые в домах имеются лишь на унитазах, морская ли склянка, которая не звук, а отсчёт времени, загадочное ли «Слово», ладан ли, который сам и есть смола, а в храме литься никак не может по причине своего горения...

У Александра Михина (1929 г.р.), который «родился в постоменной охотничьей семье, его предки были собаководами, и все содержали борзых», представлен крохотный стишок и заметка о пенсионерке, жаль, что не об охоте, не о борзых.

Алёна Молотилина родилась в 1987 г. в Саратове. Юрист, преподаватель, редактор студенческого журнала. Писать сти-

хи начала в возрасте 8 лет, с 2000 г. периодически публикуется в газете Татищевского района «Сельская жизнь».

«Рука на пульсе. Отсчёт ударов. / За шестьдесят. И ракетой в космос. / Здоровье в норме... / Весна на связи... По чашке кофе хандрящим нервам... Да к чёрту лужи и дождь, и ветер! Всего-то нужно опять влюбиться!>>

Энергичная девушка такого же требует и в спутники: *«И Вечным Союзником стану я с тем, / Кто править со мной будет в силе. / Избранник мой будет по духу силён, / А слабым со мною не место... Пусть глупые дуры беспечно сидят, / За вышивкой век коротая, / И прячут стыдливо опущенный взгляд. / Да только вот я не такая!>>. (Думаю, не замужем).*

Юлия Ключева окончила филологический факультет СГУ. В последние годы творческая деятельность связана с работой с православными СМИ Покровской епархии. Финалист литературной премии «Наследие 2016», учреждённой Российским Императорским Домом.

«Ты – любовь моя последняя... Иногда любовь даётся как дар. Она есть, и её не может не быть. Она проходит сквозь годы, только усиливаясь и бесконечно углубляясь. Сердца стоят друг против друга, вначале только касаясь, со временем же срастаясь до полного единения». Это не стихи, проза такая. Но великой княгини Марии Владимировне Романовой, издательнице. виднее: «Подарочное издание премиум-класса. Для внутреннего блока ис-

пользуется матовая мелованная бумага – самая дорогая бумага, применяемая в книгоиздании. Дизайн обложки выполнен с использованием символики Российского Императорского Дома. <...> Вы можете заказать любое количество страниц для публикации своих произведений. Стоимость одной страницы – 2000 рублей (во всём тираже альманаха).

Ещё жалостливый рассказик: «Большое сердце всегда любит до конца. Истерзанное и обессиленное, исплакавшееся от боли, оно находит силы только в своей бесконечной любви. Его молчаливая благодарность вернулась ей неожиданной любовью. Расписались они через пару месяцев после встречи».

Ника Кораблинова: «Поздравляю тебя, город! / Город мой в листве осенней, / Весь туманами рассеян, / Чисто дождиком умытый, / Для друзей всегда открытый. / Есть завод, ДК, бассейн, / Город в зелени поселен. Людьми славен, и делами, / К звёздам рвущийся домами. / Город мой цветами дышит, / Шум трамваев в нём не слышен. / Тихий город сотни лет, / Город славы и побед».

А в саратовской мэрии нет стенгазеты? Туда бы...

Ульяна Опалева: «Публикуюсь на сайте Стихи.ру под псевдонимом Карина Лек с июня 2010 года. С большой любовью и почтением отношусь к живому слову, потому что в нём заложена великая сила».

«Чтоб мы с тобой смогли родиться! / Среди нескошенных полей, / Среди заброшенных погостов. / Как запоздалый соловей, / Пою

невидимо и просто». При этом Ульяну возмущают признанные поэты: *«Не тот поэт, / кто силен рифмовать... Не тот поэт, / кто может украшать... / Не тот поэт, кто молнией разит. / Шокирует налево и направо, / Терзая слух и мудрствуя лукаво. / За славу и пиар готов продать Родную мать!»*

Татьяна Овчинникова преподаватель русского языка и литературы. Стаж преподавательской деятельности 35 лет. Дипломант Российского поэтического конкурса «Дорожные мотивы» (2011 г.) (Не надо удивляться давности диплома, конкурс лишь однажды и проводился среди железнодорожников): *«Есть на белом свете чудеса / Чудеса бывают, точно знаю! / Я вчера увидела рассвет / И была счастливая такая, / Будто мне опять семнадцать лет...»*

А Татьяна Семеновская грустит и надеется: *«Корабелы строят корабли, / Позабыв об алых парусах. / Паруса, как вестники любви, / Не трепещут на шальных ветрах... / Что ж, уходит лето, / Пришла она, осенняя пора. / Раскроет осень все его секреты / – Пусть откровенны будут вечера!»*

Жительница США Ирина Серебрякова ежегодный номинант национальной литературной премии «Поэт года» [2014, 2015, 2016, 2017] и литературной премии «Наследие» [2014, 2015, 2016 гг.]. Сейчас, куда ни плюнь, попадешь в какого-нибудь номинанта, этим званием незаметно подменяют понятие дипломант, слова-то похожие. А вот и стихи: *«Ах, Фран-*

ция... Ах, Франция... / Как ты могла предать себя? / – Ты предала и наше восхищение... / Мы смотрим на тебя, скорбя. / – Ты предала перед тобой благоговение; / Твои изысканные женщины должны надеть чадру? / Твои шансоны смолкнуть на Монмартре? / Твой Лувр поникнуть в мракобесия чаду? / «Paris» и «France» сменить название на карте? / Как ты могла забыть Вольтера и Потье? / Пиаф, Дассена и Мирей Матье...» (Восхитительна рифма «Потье–Матье»).

Любовь Сорокина из упорных женщин: «Качели любви. Я с тобою, как на качелях – / То взлетаю, а то – снижаюсь. / То птицей парю в небесах, // То брошенкою скитаюсь. / Одно лишь слово твоё, / Да что там слово, молчанье / Меняет в душе моей всё, / Зато, когда вверх я лечу, / В душе расцветает сад... / Я любима! Любить хочу! / И совсем не хочу назад...»

Издан же альманах ООО «Задира-плюс», которое «создавалось с целью внедрения на Российский рынок игр и игрушек из картона, как экологически более чистого материала по сравнению с аналогичными изделиями из пластмассы, с более низкой демократической ценой».

2019

ИЗ КНИГИ «ПУСТАЯ ПОЛКА»

Было время, когда члены Союза писателей дарили друг другу книги. Особенно много книг дарили критикам. Еще больше редакторам издательств и журналов. А более всего презентовали своих сочинений главным редакторам, ну, а если главный редактор еще и критик...

Разумеется, я получал книги и до того, как сделался главным редактором журнала, но после на меня обрушился прямо-таки девятый вал продукции советских, особенно волжских, прозаиков, поэтов и критиков. Пока я занимал обширный редакторский кабинет, книги эти заполняли одну за другой полки в шкафах. Но настал момент, когда журнал временно скончался, и помещение пришлось освободить. Места в двухкомнатной квартире маловато и для близкой сердцу и необходимой литературы, а уж держать все подарки коллег по Союзу советских писателей было негде. Пришлось последовать давнему совету историка С., который при получении от меня, молодого и глупого, книги, сказал, что в виде

исключения её сохранит, хотя обычно поступает с подарками так: рукою он показал, как вырывает титульный лист, сохраняя его, саму же книгу отправляет в мусорное ведро.

Выкидывать книги вместе с дарственными надписями я не хотел. Помню неприятное впечатление, когда поднял книгу бывшего главного редактора журнала «Волга» поэта Николая Палькина из кучи мусора на полу редакторского кабинета, когда его покинул следующий глава «Волги» поэт Николай Благов. На титульном листе была надпись: «Тёзке от тёзки до последней берёзки». Так что, выкинув книги, титулы или другие страницы с надписями я оставлял. Итак, у меня есть немало воображаемых полок, которые могли бы занять те подаренные мне книги, от которых сохранились листы с дарственными надписями, которые я здесь цитирую в сокращении. Для этой публикации я выбрал из текста «Пустой полки» то, что работает на союзписательскую тему книги.

Арясов Игорь

*Боровикову Сергею Григорьевичу на добрую
память и дружбу от автора. И. Арясов.*

14 / X-85 г.

г. Тула

На титуле книги «Генеральная репетиция.
Повести». М., Молодая гвардия, 1984.

На обороте титула аннотация, из которой узнает, что автор – молодой литератор, живет и работает в Туле, что данная книга у него вторая. Справился в Сети – писатель, моих лет, много книг. Но я даю честное слово, что никакого Арясова Игоря я в глаза не видел и не слышал о таковом, книга же скорее всего из разряда тех, что рассылались бойкими молодыми, да и не только молодыми, людьми, по редакциям, прежде всего главным редакторам. «На дружбу»! Надо же.

Асанов Леонид

Сергею Григорьевичу – очень дружески.

Л. Асанов. 21.9.89

На обороте цветного форзаца абсолютно забытой мною книги.

Случай, можно сказать, совершенно противоположный Арясову – с Лёней Асановым я был коротко знаком в течение лет пятнадцати.

Леня был сыном успешного писателя Николая Асанова, знакомого моего отца ещё по Казани 20-х годов. В архиве

отца сохранилась открытка 1947 года, где Асанов жалуется, что безродные космополиты тормозят постановку пьесы «Алмазы» к 30-летию Октября. Однако космополитам Николай Александрович оказался явно не по зубам: в том же году вышел не только спектакль, но и кинофильм с Санаевым и Алисовой в главных ролях. Спектакль пресса разгромила, а по поводу участия отца в фильме «Алмазы» Елена Санаева вспоминала: «...не выдержал, когда потом увидел, что за фильм получился. После просмотра с трудом поднялся на наш четвертый этаж, позвонил в дверь и рухнул с сердечным приступом маме на руки».

В 60-е годы благодаря единомыслию с Анатолием Софроновым длинные романы Николая Асанова печатались с продолжением из номера в номер в журнале «Огонёк», а потом издавались вожделенной, но малодоступной мечтой совписцев – «Роман-газетой». В те годы он построил в посёлке «Заветы Ильича» дачу, на которой, вспоминал Лёня, отец любил кутить, приглашая из Москвы цыган.

Батурина Татьяна

*«Сергею, имя которого свято для земли
Русской со времен первоигумена Сергия. Всег-*

*да празднуй свои именины (по святым) Всех
благ, всех сроков, всех надежд! Автор ТБ.*

На форзаце неизвестной книги с изображениями куполов.

С Т. Батуриной я общался, когда она, всегда и везде в первых рядах, училась в Саратовской Высшей партийной школе и приходила в «Волгу». Потом, судя по стихам и дарственным надписям, перестроилась с КПСС на РПЦ.

Бирюлин Виктор

Вот крайне подходящая для этого текста фигура.

Поперёк титула: Дорогому Сереже Боровикову с серьезными чувствами, уважением, восхищением и с благодарностью за доброе ко мне отношение. Автор. 12.02.83

На авантитуле неизвестной книги.

Когда я с ним познакомился, он работал в комсомольской газете «Заря молодёжи». Симпатичный парень, тянется к литературе. В «Заре» я изредка печатался. И я уговорил его перейти служить в «Волгу» в мой отдел, где он скоро ос-

воился, стал пописывать критику, ездил на семинары молодых и т.д. Когда я перешел заведовать отделом прозы, Витя надолго сел на моё место в критике и всё больше тянулся к саратовским совписцам, которые приняли его как родного.

Были годы, когда я нечаянно сблизился с редакцией знаменитой серии книг «Жизнь замечательных людей». Сперва я познакомился с Сергеем Семановым, завредакцией, а когда он стал гл. редактором журнала «Человек и закон», с его преемником Юрием Селезнёвым. К тому же во главе издательства встал мой земляк и приятель Коля Машовец (о нём см. мой очерк «Как я не стал москвичом»¹).

А на смену умершему Селезнёву пришёл Толя Афанасьев.

Был он приятный человек, хоть и стал потом заведомом культуры МГК КПСС. И вот однажды Афанасьев предлагает мне срочно, под договор, написать книгу о Василии Ивановиче Чапаеве. Я конечно отказался, но придумал автора. Жил тогда в Саратове прозаик Виктор Сафронов. Уроженец саратовского Заволжья, старинного уездного Новоузенска, знавший многих земляков-чапаевцев и даже что-то написавший о Чапаеве.

Афанасьев согласился, а Сафронов обрадовался. Но зная о его большой нелюбви к труду, чувствуя долг перед Афана-

1 «Урал», 2019, №1

сьевым, первое время я пытался как-то подгонять земляка, пока тот со слезами не признался, что не в состоянии справиться с работой. Тогда у меня, уж не знаю как, возник перспективный план: соединить ленивого ответсекретаря Союза писателей Сафронова с трудолюбивым и мечтающим стать членом того же Союза Бирюлиным. Оба тёзки обрадовались предложению, но, как и следовало ожидать, за работу принялся один. Он делился огорчениями из-за безделья соавтора, и уж не знаю, как с ЖЗЛ, но Бирюлин с тех пор стал чапаеведом и соответственно писателем.

А всё текло и изменялось, и активный малопьющий Бирюлин сделался уже не только членом СП, но даже и его ответсекретарём, и тогда случился меж нами небольшой конфликт, в котором был прав он.

В 1991 году после известных августовских событий и начавшейся в Правлениях СП СССР и РСФСР гражданской войны мне вдруг позвонил Евгений Евтушенко и предложил написать открытое письмо, суть которого сводилась к нежеланию условно говоря «либералов» состоять с условно говоря «патриотами» в одном общем СП, руководители которого не желают в стране перемен. Письмо было опубликовано в «Известиях».

Сюрприз был в том, что стоявшие в конце списка имён моё и главного редактора журнала «Урал» В.П. Лукьянина,

сопровождались уточнением: «По поручению Саратовской (и соответственно Свердловской) писательской организации. Эта отсебятина организаторов письма в отношении меня, думаю, и Валентина Петровича, была неправдой вдвойне: во-первых, никто меня в Саратове подписывать письмо не уполномочивал, а во-вторых, я давно даже не бывал в СП ни на собраниях, ни просто так, став врагом саратовских совписцев, когда «увёл», по их выражению, журнал. И в Москве, и в Саратове они требовали меня снять с должности. И на телефонный вопрос Бирюлина, кто меня на письмо уполномочил, я прямо сказал, что это приписка организаторов акции.

Последняя информация о Викторе Бирюлине имеет несколько комический характер. Она относится к тому времени, когда я после закрытия «Волги» и двух лет безработицы оказался в редакции газеты «Новые времена в Саратове», учреждённой саратовским, по общему мнению, олигархом Л.Н. Фейтлихером.

Как-то Леонид Натанович спрашивает меня, знаю ли я Виктора Бирюлина, который работает в Областной думе? Про новую работу Вити я не знал, но отозвался о нём, разумеется, положительно. Фейтлихер пояснил свой вопрос: «Алимова просила помочь, книгу его хочет издать». Витя, как оказалось, поступив в службу депутатского корпуса по связям со СМИ, для души стал сочинять заметки. О том, как живёт на

даче, какой там у него сад, какое вино он сам изготавливает из своего винограда, как внуку на даче летом хорошо. И, пожелав издать их книгой, обратился за финансами к депутату от КПРФ, которая в свою очередь обратилась к Фейтликеру, с которым была в дружбе. Знают ли Витины товарищи по патристическому СП, что его книга издана на деньги олигарха-еврея?

Богатырёв Вениамин

Серёже Боровикову, который ныне – Сергей Григорьевич – на добрую память от одного из «стариков».

Подпись, Хвалы́нск, 22-V-78.

На титуле книги. «Прочти мое сердце: стихи, поэмы». Саратов: Приволжское книжное издательство, 1978.

Вениамин Сергеевич был легендой Саратовской писательской организации, правда, легендой специфической.

Кто в Москве, поиздержавшись, узнал в СП адрес Константина Симонова и, не застав его дома, развёл на деньги Валентину Серову?

Кто, выйдя на ж.д. станции из вагона и не обнаружив у пивного лотка продавца, стал доставать из ящика пустые бутылки и не спеша разбивать их о перрон?

Кто, приехав для выступлений в санаторий Пады в компании поэта Тобольского, устроил дебош и в милицейском протоколе подписался секретарем обкома партии по пропаганде Ключниковым?

Про былые подвиги *Богатыря* я ещё в детстве слышал от отца, но в 70-е годы сподобился пить с ним коньяк в кафе «Юность», и Вениамин Сергеевич в дозах ничуть мне не уступал. Сколько бы ни выпил, оставался в обычном состоянии сонной задумчивости, но сгибался еще сильнее.

Борис Дедюхин на мой вопрос, за что он так откровенно не любит Богатырёва, рассказал, как тот заманил его в компанию картёжных шулеров.

А ведь был 1908 г.р., инвалид. Не знаю, как называется это заболевание позвоночника, при котором человека сгибает в три погибели, так что лицо обращено к земле и для общения ему приходится что есть сил заирать голову.

Жил Богатырёв в Хвалынске. Для получения квартиры в Саратове требовалось продать хвалынский дом, чего он не хотел.

Исай Тобольский утверждал, что лучше Богатыря стихов о Сталине никто не написал.

Болкунов Иван

Боровикову С.Г. Серёжа, когда все мои знакомцы резво двинули в писатели, я стал терпеливо ждать конца социалистического реализма. И вот дождался. И книгу состряпал. И, стало быть, дарю её тебе с пожеланием удач и всего доброго.

Только сделай милость – не читай из неё ни строчки. С приветом Иван Болкунов, г. Самара – 20.09.99

На титуле книги «Хождение в “земледелку”». Рассказы. Очерки. Интервью. Из блокнота. Самара, изд-во «Самарский дом печати», 1999.

Сайт самарской газеты «Волжская коммуна»: «В декабре двухтысячного “ВК” с прискорбием сообщила своим читателям, что двенадцатого числа скончался журналист Иван Болкунов. Без всякой натяжки можно сказать, что это был один из самых ярких очеркистов за вековую историю газеты. <...> Ему было только пятьдесят пять».

Разделяю всё сказанное. С Иваном я учился на филфаке СГУ. Он пришел к нам не то на втором, не то на третьем курсе, потому что его с первого забрали в армию, и он

вернулся доучиваться. В армии, поскольку был очень высок, пригож и правильного крестьянского происхождения, определили его в Кремлёвский полк, но ничего о том мы не узнали, Иван рассказал: жили взаперти, весь день был отдан муштре. Потом он работал в газете «Заря молодёжи». Был он мастером деревенского очерка. Его тексты отличали хороший язык и отсутствие беллетризации, присущей провинциальным журналистам, которые, прав Иван, благополучно вливаются в ряды совписцев, подобно его сопернику по сельской теме в «Заре» Ивану Корнилову, оставившему злорадную дарственную надпись на изданной в Москве книге, которую мне показал Болкунов: «Мне снится соперник счастливый...»

Борзунов Семён

Дорогой Сергей Григорьевич! Примите эту маленькую книжицу о большом писателе и человеке – Вашем земляке, с которым автор дружит с Курской Дуги 43 года.

Москва, подпись, б.д.

На титуле книги «Михаил Алексеев. Встречи. Книги. Размышления». Московский рабочий, 1963.

Автора не знал, не переписывался и даже по телефону не разговаривал. Но фамилия его то и дело возникала в сообщениях о всяческих совписовских акциях.

Буханцов Николай

Соратнику по критическому фронту, с пожеланием успехов в творчестве – на добрую память. 17.5.75

На титуле книги «Испытание жизнью». Изд-во «Современник», 1974.

Никогда я в глаза не видел этого «соратника», несмотря на его «дружеские» надписи. Тексты присылаемых им в «Волгу» критических статей оставляли настолько гнетущее впечатление, что когда я дал почитать его статью сидевшему со мной в одной комнате заведомо поэзии Николаю Благову, он возмутился: «Тут уж не сорок шестым годом запахло, а тридцать седьмым!» А вот отзыв Виктора Астафьева: «Буханцов, критик, уже написал о главах в “Литературной России”, но так умно, как будто речь идёт о передовом методе производства больничных костылей, а главное – преподаватель ведь, словесник! Кандидат наук – и читать не умеет...»

Гамазина Фаина

Сергею Григорьевичу Боровикову с уважением автор.

На обороте мягкой мрачно цветной обложки книги «Ломаются льды. Повести и рассказы».

Справился в Сети: ярославская писательница, с которой я не знаком.

Ивлиев Николай

*Дорогому Сергею Григорьевичу Боровикову!
С искренней признательностью и самыми
добрыми пожеланиями.*

Не всё есть свет, где бродит тьма...

Ваш – подпись, 11.05.93 г.

Когда этот гражданин как-то боком пролезал в кабинет и не сводил с меня умиленного взгляда, то вызывал у меня неодолимую неприязнь, и, как оказалось, не зря. Едва начались разборки саратовских совписцев с «Волгой», он тиснул, кажется в «Земском обозрении», свой отклик на мою вредительскую, для таких, как он, деятельность. Были уже

аналогичные публикации Лёни Иванченко и Васьки Кондрашова, но у этого вышло как-то особенно пакостно. И стал естественно активным «союзником».

Казаков Владимир

Интересно, что Казаков, ставший впоследствии вместо Палькина ответсекретарем писательской организации, был неким оппозиционером в глазах партийной власти, не будучи даже в малейшей степени привержен либеральным либо каким-то другим вредным идеям. Он был можно сказать, внутрипартийным инакомыслящим: со свойственной ему упёртостью Владимир Борисович ставил идею подлинной, а не мнимой выборности, напоминая, что она никак не противоречит Уставу КПСС. Настаивал на том, чтобы в списки для тайного голосования включалось не то число кандидатов, сколько членов в комитете, а больше. И когда был партийным секретарём СП, проводил свою идею в жизнь, что приводило в ярость райком и обком. Непосредственно стоявшая над нами зав. отделом культуры обкома Зоя Ларионова Казакова спокойно видеть не могла.

Кизилов Михаил

Сергею Боровикову – соратнику и другу по работе и жизни, прекрасному человеку, с благодарностью за помощь и поддержку и искренним желанием идти по жизни. Подпись (явно нетрезвой рукой) – 29.09.83

А поддержка и помощь и симпатичному парню Мише Кизилову выразилась в том, что когда ему позарез, для вступления в СП, понадобились публикации, я быстро сотворил за его подписью рецензию не помню на какую книгу, и он напечатал её в журнале «Молодая гвардия». Много лет он был, а заглянув сейчас в Сеть, узнал, что и поныне является, главным редактором журнала «Смена». Хотя и служил тогда Миша в ЦК ВЛКСМ, в общении приятный был парень, необременительный. Почему-то запомнилось, как столкнулись в кулуарах какого-то съезда СП, и он предложил мне делегатский кейс, но я уже свой получил и от второго отказался. Как сейчас вижу удаляющегося Мишу с тремя кейсами в руках.

Колумб Валентин

*Дорогому Сергею на память о приземлении на земле Акпарса – братьев-марийцев.
Подпись 3.04.72. Йошкар-Ола.*

На титуле книги «Стихи». Авторизованный перевод с марийского В. Кострова, издательство, время и место издания не указано.

Это была первая моя командировка в «Волге». Моя потому что в Йошкар-Олу старшие товарищи не рвались. В зону «Волги» входили четыре автономные республики – Татария, Мордовия, Мари и Калмыкия. С Мари контактов почти не был. Вот меня и направили в Йошкар-Олу налаживать дружеские связи.

Там я познакомился с некоторыми марийскими писателями, в том числе с народным поэтом Марийской АССР Семёном Вишневским. Когда мы вошли в ресторан гостиницы, Семён остановился у столика, за которым в одиночестве пил пиво угрюмый гражданин, и сказал: «Познакомься, наш главный враг». Это был глава марийской цензуры. В Саратове такая шутка не прокатила бы.

А сблизился я с симпатичнейшим, старше меня, но ещё молодым, поэтом Валентином Христофоровичем Колумбом.

Его фамилия в Википедии объясняется так: «Свою необычную фамилию отец поэта (урождённый Декин) получил от сельского учителя, поклонника истории географических открытий». Но мне Валентин рассказывал, что нарёк отца именем великого мореплавателя при крещении пьяный поп, за что-то сердитый на деда.

Мы с милым Валентином переписывались, а вскоре его не стало. На сайте <http://www.marimedia.ru/> читаем:

«В марте 1974 года в секретариате правления Союза писателей РСФСР состоялось обсуждение творчества Валентина Колумба. Его поэзия последних лет получила высокую оценку, и было принято решение рекомендовать издать сборник его избранных произведений в Москве на русском языке. Это вызвало ревностное неодобрение коллег в Йошкар-Оле.

Была устроена тенденциозная ревизия работы редакции журнала «Ончыко», отчет о работе коммуниста В.Х. Колумба был вынесен на обсуждение партийного собрания. Проявив душевную слабость, Колумб пришел на партийное собрание выпившим, что послужило дополнительным поводом для обвинений. Валентину Христофоровичу объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. После собрания он, вновь выпив, где-то пропал и 8 декабря скончался».

Вот так, что по-русски, что по-марийски, потому что по-союзписательски. Перелистывая печальные страницы со-

ветского прошлого, мы обычно видим палаческую роль двух монстров – КПСС и КГБ. Оно так, и всё же первыми душами талантов были коллеги, когда зависть бездарностей лежала в основе политической травли.

А с переводчиком книги Колумба московским поэтом Владимиром Костровым я общался в Пензе в 1985 году. У меня была фотография на сцене клуба какого-то пензенского института: Н. Шундик, В. Костров и я. Были Дни литературы, поездка в Тарханы, пленум Правления СП РСФСР, встречи, на одной из которых и сделано фото. Кто-то в Пензе сказал тогда про Кострова: «Володя сколько лет как пить бросил, а руки ходуном ходят». И правда, такого тремора я никогда ни до ни после не встречал.

Коротаев Виктор

*Сергею Григорьевичу Боровикову – на доброе чтение и память от автора – сердечно
– подпись 9.IV.87*

г. Вологда

На титуле книги «Вечный костёр. Избранное». Москва, Молодая гвардия, 1984.

В Вологде я не бывал, а с автором общался лишь однажды – зимой не помню какого года в Доме творчества Малеевка. Знакомство было мимолётным. Обычная домтворческая выпивка нескольких литераторов. Обсуждался скорый отъезд Коротаева, который собрался идти пешком до ст. Дорохово на электричку, это километров 15, а за окном настоящая зима с морозом и пургой. Все его отговаривали. И тут по какому-то поводу Коротаев вдруг завёл любимую песню вологодских писателей – о злокозненной роли евреев в русской литературе. Бывший за столом московский поэт, фамилию никак не вспомню, очень приятный еврей, стал урезонивать вологжанина: «Витя, зачем тебе это нужно, брось ты эти глупости». Но Витя только отрицательно мотал черной бородой. Удивительны были и примиряющий тон москвича, и отнюдь не злобный, хоть и пьяный взгляд Коротаева, словно бы собеседник никак не мог принадлежать к тем, кого он только что поносил. Помню ещё, как мы глядели в окна на удаляющегося в снежной замяти вологодского поэта.

Корнилов Владимир

Серёже Боровикову с надеждой на добрые чувства и отношения. Подпись – 18.V.81

На титуле книги «Семигорье. Роман». М.,
Советская Россия, 1980.

О Владимире Григорьевиче Корнилове я знаю лишь общеизвестное: инвалид Великой Отечественной, без обеих ног, много лет руководил провинциальными писательскими организациями в Куйбышеве и Костроме, писал романы. Лично я с ним лишь однажды общался на редколлегии «Волги». Поражала лёгкость, с какой он передвигался на протезах лишь с палочкой. Роман «Семигорье» печатался в «Волге» в начале 70-х.

Кузьмичёв Иван

*Дорогому Сергею Григорьевичу Боровикову
с глубочайшим уважением и любовью. Подпись
- 8-V-90. Н. Новгород*
На авантитуле неизвестной книги.

Иван Кириллович Кузьмичёв – нижегородский литературовед, профессор, с которым я однажды общался в Саратове на редколлегии. Помню, ездили в одной группе в Энгельс на завод «Химволокно». Тогда Палькин завёл в обычай выездные редколлегии как подобие Дней литературы, для чего

назвал их Поволжскими конференциями, когда после заседаний были выезды в районы с долгими обильными застольями и подарками. Сам Палькин всегда возглавлял группу, которая ехала на завод Техстекло, где производился хрусталь, и счастливые члены СП за свои исполненные стишки и побрехушки получали высокие хрустальные вазы.

А тогда, в Энгельсе, Иван Кириллович сумел говорить вовсе не о литературе, а о сидящих в зале усталых рабочих.

Лебедев Павел

С.Г. Боровикову - сердечно.

Подпись - 19-6-85

На авантитуле неизвестной книги.

Член Союза писателей житель Балашова Павел Фёдорович Лебедев был известен как собиратель фронтового фольклора. Дедюхин как-то спросил: «А ты не задумывался, где он берёт тексты своих публикаций? Ладно, пусть на фронте, как рассказывает, таскал в противоголозной сумке тетрадь с записями песен и поговорок. А сейчас? Война сколько лет как закончилась, а он всё новые и новые обнаруживает. Откуда взялись эти гладкие стишки, из окопа? Да оттуда такая поэзия неслась, что не то, что печатать, а в штрафбат угодить.

Наш фольклорист сидит сейчас в библиотеках и архивах, набирает стихи, песни, загадки из армейских и дивизионных многотиражек. То есть весь его якобы солдатский фольклор был создан каким-то журналистом-политруком из “дивизионки”».

Лыкошин Сергей

*Дорогой Серёжа! Прими на добрую память
от всей души! Обнимаю – Твой Сергей Лыко-
шин.*

На титуле книги «Сердце у нас одно. За-
метки читателя». М., Молодая гвардия, 1984.
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ.

Когда мой тёзка стал одним руководителей Союза писателей России и общественной фигурой, я удивился. А сейчас добросовестно перешерстил сайты, на которых что-то есть о Лыкошине.

«Журнал “Молодая гвардия”, издательства “Современник” и “Молодая гвардия” всегда будут помнить его вдохновенные труды.

Столь же вдохновенно и беззаветно трудился Сергей Лыкошин и в Союзе писателей России, Сергей Лыкошин был не просто

патриотом, а одним из благословенных столпов русского патриотизма, мудрым политиком и борцом, человеком великих помыслов и великих свершений. И потому в последние годы жизни Сергей Артамонович Лыкошин взвалил на свои могучие, богатырские плечи тяжелейшую ношу – возглавил вновь созданную Национально-консервативную партию России, партию русских традиционалистов». Я не сомневаюсь в человеческих достоинствах и служебных заслугах Серёжи, но: «Имя Сергея Лыкошина уже вошло в состав столпов русской мысли...»

То есть Чаадаев, Хомяков, Достоевский, Страхов, Соловьёв, Розанов, Булгаков, Бердяев, Флоренский, Ильин, Лосев, и... Лыкошин?

Зарапортовались национал-патриоты...

Ляпин Игорь

Вот еще характерная фигура.

С Ляпиным я встречался, насколько помню, лишь однажды, в мае 1989-го в Куйбышеве на выездном пленуме Правления СП РСФСР. Но откуда этот автограф 86-го, не знаю.

Подобно Куняеву, Лыкошину и др., Ляпин активный функционер руководства СП России.

«Ляпин – прекрасный русский человек. И о нём стоит сказать чуть поподробнее. В 1971-м году он пришёл в издательство

“Современник”. Под крылышком у Прокушева и Сорокина быстро вырос и как крупный поэт-трибун с собственным самобытным лицом и как хваткий организатор. Был выдвинут издательством на учёбу в ВПШ, после которой был распределён по линии партноменклатуры в мощное издательство “Советская Россия” заместителем главного редактора – по всей художественной литературе. Там себя хорошо проявил, и был ЦК партии с подачи “Русской партии” брошен на прорыв – главным редактором на эту самую “Детскую литературу”. Три года (1979-1981) он вёл неравную борьбу. Но провести кадровую чистку и привести за собой своих людей ему не дали – руки у него оказались связанными. Он много успел сделать. Но один в поле не воин. Еврейское лобби его постоянно ело поедом, а поддержки сверху было ноль. Он трезво оценил обстановку, понял, что практически один одинёшенек в стане противника, и подал заявление о переходе на творческую работу. Так мы не сумели “обрусить” еврейскую “Детскую литературу” (А. Байгушев).

Его стихи достойны процитированной аннотации. Когда возникала в каком-то московском разговоре фамилия Ляпина, то обязательно вспоминалось, что он зять секретаря Правления СП СССР Сергея Сартакова.

Издал за 25 лет 22 поэтических сборника.

Маркелов Иван

Была в Иване гордость, отличавшая его от многих коллег по СП. Хочется сказать, рабочая гордость, хотя за плечами у Ивана не было ни завода, ни фабрики, а была только журна- листика. Он был честным журналистом насколько это воз- можно. И хоть у него напрочь отсутствовал дар беллетриста, он брался писать романы и повести. Это было повальное за- болевание провинциальных журналистов – стать писателем. На деле не писателем, а членом Союза писателей, потому что с очерком туда было труднее попасть, чем с повестью или по- эмой. Редко кто сумел, как Иван Васильев и Юрий Черничен- ко, не соблазниться сочинением «художественной прозы».

Марченко Вячеслав

*Сергею Боровикову – с самыми добрыми
дружескими чувствами.
Переделкино. 01-02-83*

Надпись на форзаце книги, которую не помню. У Марчен- ко их было много, и все толстые. Как-то в разговоре с Сема- новым я заметил, что книги у Вавы (прозвище Марченко)

одинаковы по высоте, ширине и толщине. «Как кубики!» – весело уточнил Сергей Николаевич. Прозвище возникло видимо потому, что Марченко мягко, но очень заметно картавил, выговаривая «в» вместо «л», и «рль» вместо «р». Имя своё он произносил так: Свава.

Знал я этого человека не слишком близко, но общался с ним многократно. Репутация у него была, как нынче говорят, неоднозначная. Она соединяла отношение к нему как писателю, как издательскому чиновнику и как человеку.

Похвал его произведениям я не слышал, но не раз читал. Олег Михайлов, устно отзывавшийся о творчестве друга только юмористически, писал о нём похвально и процитировал Виктора Астафьева, сказавшего с трибуны съезда писателей: «Любить человека, пусть передового, советского, – это не значит заискивать, приседать перед ним. Об этом напоминает нам сегодняшний герой – командир боевого советского крейсера – из лучшей, на мой взгляд, вещи, написанной в последние годы о советской армии, – повести “Год без весны” Вячеслава Марченко». Но тот же Астафьев в том же 1978 году писал С. Видулову: «...рукописи которых похоронили в редакции “Нашего современника” или их поуродовал завравшийся, вконец обнаглевший Марченко».

Бывал я у него в кабинете заместителя главного редактора издательства «Современник». Однажды был свидетелем его

разговора с Юрием Нагибиным. Нагибин просил очередной договор, а Марченко упирался: «Дево в том, Юрльий Марлькович, что у тебя один договорль уже есть...» Когда Нагибин ушёл, Марченко сказал: «Думаешь, зачем ему срльочно договорль понадобився? В Парльиже узнав, что эмигрант старльинную мебевь разпрльдааёт, вот и всповошився».

Я знал его жену, имевшую в литературной среде куда лучшее, чем его, реноме. Виктория Сафронова много лет заведовала отделом критики в журнале «Москва». Была в ней женская привлекательность, несмотря на внешнее сходство с известным отцом, Анатолием Софроновым. И, конечно, не могло не вызывать удивления то, что после Василия Шукшина (не сразу, но всё же) мужем Виктории Анатольевны стал Вава.

Мирнев Владимир

Я познакомился с ним в пору моей дружбы с Сашей Кателиным, оба работали в издательстве «Современник», где всегда бурлила междоусобная война сотрудников, самый пик которой это поход Целищева и Панкратова против директора Прокушева и главного редактора Сорокина. Когда я познакомился с Мирневым, он был зав. редакцией русской прозы, секретарём парторганизации и воевал с Владимиром Крупин-

ным, работавшим там же. Мирнев – псевдоним, а фамилию он носил подозрительную для суперрусского издательства – Львовский.

Самое яркое о нём впечатление я, кажется, где-то уже вспоминал. Когда он стал жаловаться, что, дописывая роман, месяца два не выходил из дома, и я сказал: «Вышел бы, прогулялся», он очень серьёзно объяснил: «А если бы под автобус попал... роман бы не закончил».

Овчинников Сергей

*«Волгарям» от автора, с уважением под-
пись 12.05.98*

На второй стороне обложки книги «Разгов-
ры с собой».

За годы редакторской работы я встречал многих и разных графоманов, не стану их классифицировать – здесь нужна отдельная работа. Овчинников был из породы тихих. Он лишь мечтал увидеть своё имя в печати, не помню, чтобы жаловался или требовал. Внешность имел неподходящую для поэта-графомана: немолодой, осанистый мужчина – в пору в главбухи или директора школы. Впрочем, может, он и был бухгалтером – не ведаю.

Но когда стало возможным напечатать стихи за свой счёт, он тут же выпустил сборник, и не знаю, на каких условиях, договорился с центральным книжным магазином и сидел там целый день за маленьким столиком, на котором лежала стопка его книг, и предлагал мимо шедшим книгу в подарок со своим автографом. Ну, и сразу же был принят в Союз писателей России, который неизменно разросся.

Поскрёбышев Олег

Сергею Григорьевичу Боровикову - в память о добром знакомстве, с хорошими пожеланиями. Подпись 9.12.85

На титуле книги «Посох. Стихи». Москва, Советская Россия, 1985.

Знаю, что Поскрёбышев был главным русским поэтом Удмуртии. В литературах национальных АССР кроме классика титульной национальности должен был быть и местный классик русскоязычной прозы или поэзии.

Прокушев Юрий

Сергею Боровикову – как единокуму и нашей доброй смене. Дерзай! Подпись, Малеевка, 1980 г

На титуле книги «Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха». Московский рабочий, 1975.

Юрий Львович был образцом литературного деляги, обладающего всеми чиновничьими способностями, за исключением литературных. А связал свою, изначально комсомольскую, карьеру с литературой, и самое ужасное, что для своего чиновно-литературного продвижения избрал Сергея Есенина. То, что он напечатал, не подлежит даже юмору.

А каково это «Дерзай!»?

Самсонов Юрий

*Дорогому Сергею Григорьевичу Боровикову –
Огни Вашей «Волги» не только осветили
дорогу моей совсем уж было заблудшей творческой судьбы, но и согрели в труднейшую минуту...*

Мы действительно тогда поддержали уже почти затравленного поэта из пензенского села. И годовую премию дали. Мы, т.е. я и Пырков, оценили самобытно-странный, чуть юродивый, скомороший талант Самсонова и после публикации в «Волге» прожали в Приволжском книжном издательстве его сборник. Я рад, что в моей редакторской службе была эта страница.

Сердюк Виталий

Сергею Григорьевичу – с самыми добрыми чувствами и оскоминой от собственного выступления на юбилее «Волги», но, как говорится, кто прошлое вспомянет...

Счастья и творческих успехов на всех фронтах. Подпись – 29.X.86

На титуле книги «Репортаж о чёрном ветре и людском милосердии». Москва, Советская Россия, 1986.

Виталий Сердюк был ответсеком писателей Иваново. Изданный в столице очерк под другим названием, которого не помню, был впервые напечатан в «Волге». Речь там

шла о невиданном смерче, обрушившимся на Ивановскую область летом 1984 года. Ещё царила цензура, а масштабы катастрофы скрывали, и было много придинок к тексту. А вот о каком-то выступлении Сердюка, более того, о самом юбилейном заседании, ничего не помню. В 1986 году нашему журналу исполнилось 20 лет, но отмечать юбилей мне строго-настрого запретили: горбачевские причуды. По старому бы времени и заседание редколлегии, и городской торжественный вечер, и орденки главному редактору и медали старейшим, и банкет во всю ивановскую. Но была лишь редколлегия, о которой как уже сказал, ничего не помню, и много позже самодельный банкет в ресторане «Россия», где из руководящих гостей был только верный друг редакции директор полиграфкомбината. Филяс, остальные не явились, уже запуганные лигачёвскими репрессиями за любые общественные застолья.

Смирнов Виктор

Это по теме, центральный здесь персонаж, и я привожу его дарительные надписи для выразительности портрета этого зловещего совписца во всей его прелести.

*Дорогому Сергею Боровикову
Сергею Боровикову – талантливому. Доб-
рому, отзывчивому.*

*Виктор Смирнов 13 мая 1980 г. Смоленск
Надписано на шмуцтитуле неизвестной
книги.*

*Сергею Боровикову, давнему другу моему,
первому сказавшему доброе слово о моей пер-
вой книжке. Успехов твоему таланту, Серёжа!*

*Виктор Смирнов 3 мая 1983 г. Смоленск.
На титуле книги «Осиновый огонь». Москов-
ский рабочий, 1982.*

*Сергею Боровикову – добра, удач в деле
сплочения русских литературных сил!*

Виктор Смирнов 16 июля 90 г. Смоленск

Правды в этих словах только то, что я написал о сборнике его. Это было в 1973 году. Заголовком рецензии была строка из стихотворения Смирнова «Ближе всех мне, конечно, Есенин...» Саму рецензию не помню, там речь шла не только о нём, но и о других эпигонах Сергея Александровича, которых на Руси было пруд пруди. Никаким другом, тем более дав-

ним, я ему не был. Однажды на каком-то союзписательском сборище нас познакомили, и больше никогда я его в глаза не видел. Мог ли предвидеть, во что превратится автор понавившихся мне непосредственностью строк? Вот отрывки из письма В. Смирнова 86-го года.

«Дорогой Серёжа!

Обидел ты меня, шибко обидел.

Милый мой, мне давно не 17 лет, чтобы радовать меня печатанием “обрывков из отрывков”. Нет, Серёжа, позорить мои седины – тебе не к лицу. Ты ведь первый, помнится, приветствовал моё появление на поэтическом небосклоне!»

Какую же я нанёс обиду смоленскому поэту? Да что там обиду: «наносишь раны русскому поэту», «иметь дело с людьми, держащими кровавые топоры в руках...»

А просто зав. отделом поэзии «Волги» В. Пырков отобрал «лишь три стишка» для публикации.

Я, конечно, ответил обиженному смолянину, и он прислал дополнительные обвинения и даже причину, что мало взяли стихов: «какие дьявольские силы подсказали тебе это – не ведаю...» Здесь ключевое слово «дьявольские» – Витя, подобно другим «патриотам» прозревал происки сатаны в любом критическом о себе отзыве. Сделавшись на 25 лет руководителем смоленского СПР, он учредил премию Твардовского и первым же её получил, затеял войну с крупным филоло-

гом, профессором Смоленского университета Вадимом Баевским и дочерьми Твардовского, которые далеко не всех награждённых премией считали достойными имени великого отца. Да и как их не понять, если хозяева премии докатились до присуждения её в 2002 году роману Леонида Корнюшина «Прозрение и надежды», напечатанному в «Волге» ещё в 70-е годы. Тогда я пытался убедить Н. Палькина отказаться от публикации бездарного сочинения, но ему и зав. отделом прозы В. Васильеву пришёлся по душе агрессивный «патриотический» настрой изделия Корнюшина.

По поводу смоленской премии было бы уместно порассуждать и о саратовской литпремии, учрежденной Д. Аяцковым во славу Михаила Алексева, но о премиях я достаточно высказался в рецензии «Окно».

Шадрин Адихан

Не привожу его дарственных надписей, лишь сообщу, это тот случай, когда верный служитель Союза писателей, ответсек Астраханского отделения, не вызывал у меня отторжения, напротив, мы дружили.

С ним поссорил меня зав. отделом прозы Валера Володин. Адихан прислал новый роман, когда я попал в больницу, и Володин, сидящий на прозе, не дожидаясь моего выхода

на работу, завернул рукопись с не слишком уважительным письмом. Не знаю и сейчас, только ли по небрежности, точнее пренебрежению ко всему, что не его пера, особенно членов СП, произвёл он эту операцию, на которую Шадрин смертельно обиделся. Володин не знал или не хотел знать, что Адихан Измайлович был старейший, с редакторства Шундика, член журнальной редколлегии, каких я почти не оставил, и что мы с ним в приятельских отношениях. Напрасно я писал Адихану извинительные письма с просьбой вновь прислать роман. Ответом мне было молчание.

Ценность сочинений астраханца была в их фактуре. Столько Волги, воды и тростника, рыбы и рыбаков, закатов и костров, цветов и запахов, в то время почитай уже и не бывало в литературе.

Впрочем, Шадрин брал и достаточно для того времени рискованные темы. Повесть «Лизавета» (1976) – о дезертире. На сайте, посвящённом писателю, читаем: «Шадрин послал повесть в журнал “Волга”, редактор которого посоветовал перестроить сюжет таким образом, чтобы дезертир исправился. Разумеется, автор делать этого не стал». Редактором тогда был Палькин.

Несмотря на грубоватую беллетризацию сюжета, ходульность многих героев, слабую интеллектуальную составляющую, тексты, написанные Шадриным, журнал под названием

«Волга» был обязан печатать: это была проза, насыщенная нашей рекой.

Шамшурин Валерий

Славному редактору «Волги» и моему товарищу Сергею Боровикову сердечно – первый ком соли.

3 октября 89, Нижний Новгород.

На авантитуле, судя по надписи, первой книги прозы.

О встречах с поэтом Валерой Шамшуриным я всегда вспоминаю с улыбкой, хотя ничего особенного в них – в Москве, Саратове, Нижнем, и не было. Просто это был, надеюсь и остался таким, на редкость необременительный, м.б. точнее сказать, необременяющий других, человек, что большая редкость в писательской среде.

Шевченко Михаил

*Эта книга – для Вас,
Серёжа.*

*Не Тарас.
Но Шевченко тоже.*

*На добрые воспоминания о славных семинарских днях начала июля 1982 в Астрахани.
Подпись – на авантитуле неизвестной книги.*

Это был секретарь Правления СП РСФСР по работе с молодыми, а в Астрахани собрали молодых писателей Саратова, Волгограда и Астрахани. Михаил Петрович был славным дядькой, но отношение к нему было в лучшем случае снисходительное: слишком мал был его литературный вес в сравнении с другими секретарями, слишком долго он, многолетний консультант Правления, шёл к секретарской должности.

Ширяева Галина

*Гале, Сергею и Денису Боровиковым с
одним-единственным пожеланием – ослепительного неба над головой.*

*Подпись, январь 1982 г.
На авантитуле неизвестной книги.*

Галина Даниловна Ширяева, когда я начал работать в «Волге» корректором, заведовала отделом прозы. Она была довольно успешной писательницей, особенно когда начинала в 50-е годы. Помню, школьником смотрел в ТЮЗе спектакль «Валя и Валька» (пьесы М., Рощина ещё не было!) по её повести. В Саратове тогда одновременно сошлись три писательницы, пишущие для детей: Валентина Мухина-Петринская, Екатерина Рязанова и Галина Ширяева. И время от времени они по две объединялись против третьей. Всё же, кажется, чаще против наиболее успешной Петринской, тематика книг которой – путешествия, приключения, открытия – была далека от пионерско-комсомольско-школьной вотчины Рязановой, на которую временно покусилась начинающая Ширяева.

Ширяеву, женщину по жизни одинокую, разделяло: с Рязановой муж-еврей, с Петринской – лагерное прошлое Валентины Михайловны.

Был юбилей Победы. Какой? 20 лет в 1965 году, меня ещё там не стояло, 40 лет в 1985 году, я уже был главным редактором, стало быть, 30 лет в 1975 году. Накануне 9 мая в писательской организации состоялось торжественное собрание. Были ещё бодры старые фронтовики Бугаенко, Тобольский, Боровиков. Делал доклад ответственный секретарь Юрий Никитин, и доклад прервался скандалом. Когда Никитин, пе-

речтя заслуги фронтовиков, обратился к сидящей в первом ряду Мухиной-Петринской: «И поваленные вами, Валентина Михайловна, таёжные сосны участвовали в великой Победе».

Ширяева, густо залившись краской, вскочила и закричала: «Никитин, вы оскорбили память моего погибшего отца, уравнивая его с лагерниками!»

К скандалам на собраниях все привыкли, но тут возмутились. Помню, Виктор Сафронов заметил ей: «Решения двадцатого съезда, Галина Даниловна, ещё никто не отменял». Бывшая на собрании Зоя Ларионова из обкома даже пересела к Петринской.

А потом было продолжение. Сначала, м.б. уже на следующий день, я стал свидетелем такой сцены. Ширяева бурно вошла в редакцию и распахнув дверь отдела прозы, кинула в сидящего за столом заведомом прозы Сафронова книгу: «Возвращаю ваш подарок!» Это была его книга с дарственной ей надписью.

А на очередном собрании с криком бросилась к Никитину, потрясая перед его лицом какой-то бумагой. Оказалось, что это была похоронная на её отца.

Не скажу, что непременно, но часто вспыхивали такие скандалы у саратовских совписцев, что демонстрирует их, по Уставу СП, идейную общность.

2019

ВЕСЁЛЫЕ ПОМИНКИ

Геннадий Красухин. МРАМОР И ГЛИНА. Из литературного календаря современных писателей. – М.: Зебра Е, Галактика, 2020. – 664 с. Тираж 1000 экз.

Автор так предваряет книгу: «Почти пятьдесят лет я работал в печати. Кроме того, преподавал в Литературном институте и в Московском педагогическом государственном университете. В Союз писателей был принят в начале семидесятых. Многих литераторов знал лично. О них, своих современниках, я и рассказываю в этом своеобразном календаре.

Разумеется, мои персонажи не равноценны – ни художественно, ни нравственно. Одни, возможно, достойны мра-

морных памятников. А на некоторых я и глины бы пожалел».

А в конце книги есть именной указатель. Не знаю, считал ли сам Красухин число своих персонажей, но я не поленился: 278! И это только писатели или авторы публикаций, а не просто упоминаемые в книге, скажем, Хрущёв или Брежнев.

Не всех писателей автор знал лично, есть в книге и Булгаков, и Эренбург, и Симонов, чьи даты пришлось на календарь, но большинство это те, с кем автор, если и не дружил, так общался. Полвека в столичной литературной печати, а стало быть и тусовке, это вам не кот начхал.

Допускаю, что иной читатель, заметив, что известных литераторов Красухин независимо от их возраста часто именует Петями и Стасиками, и даже Леонид Генрихович Зорин для него – Лёня, может заподозрить моего друга в некотором фанфаронстве. Но ведь и сам он на пороге восьмидесятилетия остаётся для многих Геной, с которым я знаком с 1972 года.

Начну с замечания.

Вспоминая литературных долгожителей, Красухин подытоживает: «была огромная жизнь». Не согласен: по моему убеждению, «огромная» приложимо лишь к жизни только яркой, замечательной, а не наполненной интригами, пре-

дательствами и доносами. Считаю, что не огромную, а просто долгую жизнь прожили (иду по Указателю) М. Алексеев, С. Бабаевский, М. Бубеннов, Н. Вирта, А. Иванов, Е. Исаев, Г. Климов, В. Кочетов, Ф. Кузнецов, А. и Г. Марковы, Н. Палькин, П. Проскурин, Р. Самарин, С. Сартаков, В. Смирнов, А. Софронов, А. Суров, В. Федоров, Ф. Чуев.

Начинается книга энергично, с ресторана ЦДЛ, где поэт Анатолий Жигулин, много плохого от советской власти пертерпевший, пытается побить любимца этой власти поэта Василия Фёдорова, за то, что тот «пустил сплетню, что Жигулин сидел не по антисоветской, а по уголовной статье: был якобы заурядным карманником». Не успевает, потому что, «отодвинув Толю со словами: «Это тебе за моего друга, падла!», друг Жигулина и тоже поэт Павлинов «ударил Фёдорова в лицо с такой силой, что тот покатился по залу и недвижно затих у чьих-то ног».

Подобных историй в книге немало, но не стоит думать, что вся она из них и состоит. А вот с юмором у Красухина всегда порядок.

Автор связан жанром календаря, отсюда и вполне нейтрально-справочные тексты к иным датам, что мне понятно, т.к. сам в 2001–2002 году заполнял аналогичную рубрику «Хронос» в журнале «Общественное мнение», которая составляла немало забот. Готовится номер такого-то месяца,

а подходящей круглой даты к нему нет, вот и изворачиваешься.

А часто Красухину удаётся из ничтожнейших фигур извлечь специфический союзписательский смысл. Поэт Игорь Ляпин находится в именном списке между Исидором Маклярским и Алексеем Лосевым, который пояснений не требует, а крупный чин НКВД Маклярский был автором сценариев культовых для своего времени фильмов «Подвиг разведчика» и «Ночной патруль». О заслугах Игоря Ляпина написал его идейный единомышленник старый литературный интриган А.Байгушев: «Ляпин – прекрасный русский человек. Он много успел сделать. Но один в поле не воин. Еврейское лобби его постоянно ело поедом, а поддержки сверху было ноль. Так мы не сумели “обрусить” еврейскую “Детскую литературу”».

Ну, и хрен бы с ним, с этим Ляпиным, которого я тоже знал – антисемит-стихоплёт, каких было много, но у Игоря была в биографии важнейшая отметина – женитьба на дочери столь же бездарного, но секретаря правления СП СССР по издательствам Сергея Сартакова. А что это тогда значило, на живом примере показывает Красухин. Когда в ЛГ автор статьи о «Дне поэзии» с насмешкой отозвался о стишках сартаковского зятя, Чаковскому «тут же позвонил Марков и

устроил скандал». И газета вмиг поместила извиняющуюся реплику.

Вот ещё славный эпизодик.

«Не знаю, забыт или нет сейчас смоленский поэт Николай Иванович Рыленков, скончавшийся 23 июня 1969 года (родился 15 февраля 1909-20). Я не о читателях говорю. Наверняка большинство из них о нём даже не слышало. В апреле 1968 года я поехал в гостиницу «Россия», где остановился Николай Рыленков. Дело шло о какой-то его статье: что-то в ней не удовлетворило начальство «Литгазеты», и я её сильно переписал. Теперь требовалось согласие автора, который выразил желание прочитать гранки, но сказал, что слегка простужен, приехать не может и лучше, если я приеду к нему с лекарством.

– С каким лекарством? – не понял я. Рыленков хмыкнул:

– Плачу я. Просто не хочется переплачивать: в ресторане оно стоит дороже.

Я понял.

Явился к нему с двумя бутылками водки. Но на стол поставил только одну: поэт явно уже был разогрет.

Гранки Рыленков подписал, не читая.

Не успели мы закусить очередную порцию, как в дверь постучали.

– Это Женя, – сказал, поднимаясь со стула Рыленков, входи, дорогой!»

(Женя – это любимый автор журнала «Волга» в пору редакторства Н.Палькина критик Евгений Осетров. – С.Б.).

За выпивкой заходит речь о поэме «Василий Тёркин».

«– Очень сильная, Коля, вещь, – убеждённо ответил Осетров, – выражающая душу русского крестьянина. А что сейчас?

– А сейчас, – сказал я, – «Из лирики этих лет». Великая книга.

– Великая? – вскричал Осетров. – На уровне «Василия Тёркина»?

– По художественной силе – на уровне, – ответил я. – Помните «Памяти матери»? А «Перевозчик-водогребщик»?

– Неплохие стихи, – согласился Осетров. – Но на них лежит отсвет нынешнего окружения Твардовского.

– Сионистского, – уточнил Рыленков.

– Да, – согласился Осетров. – Не поддайся Твардовский этим своим сионистам в «Новом мире», ему бы и сейчас как поэту цены не было.

– Почему именно сионистам? – удивился я. – Кто именно в «Новом мире» сионисты?

– Вот так вопрос! – Осетров изумлённо развёл руками. – Да вы откройте справочник Союза писателей и проверьте имена-отче-

ства авторов, допустим, критического раздела журнала Твардовского. Там давно уже сформировалось сионистское лобби.

– Крепкое, – подтвердил Рыленков, – сплочённое, продвигающее друг дружку! Кстати, вы недавно в «Литгазете». Заметили, наверно, сколько там сионистов? Неудивительно, если во главе стоит Александр Борисович Чаковский. А он...

– Он не сионист, – сказала я, – он еврей».

Еврейская тема, естественно, постоянна в книге. И как правило даже в заигранных сюжетах вроде дискуссии о литературных псевдонимах, Красухин оригинален: «Меня всегда смешило, что Иосиф Яковлевич Сиркес взял себе псевдонимом знатную боярскую фамилию Понятно из чего исходят люди, когда берут себе псевдонимы: Горький, Голодный, Бедный, Приблудный. Даже Светлов и Жаров. Но Колычев – это чуть ли не объявить себя претендентом на русский трон».

Есть и о саратовских писателях.

«Густой едкий дым вранья поднимался от рассказов о себе хорошо прикормленных советской властью писателей» – так начинается рассказ о проделках Михаила Алексева. Вспоминает Красухин, с небольшими неточностями, и историю со снятием с «Волги» Николая Палькина.

Что до Григория Коновалова, то не стоило бы столь категорически утверждать, что тот был не писателем а только

членом Союза писателей. Нет, недаром некогда сам Бабель оценил талантливость молодого Коновалова. И ещё не стоило всерьёз относиться к воспоминаниям поэта Валентина Сорокина о рассказах Коновалова про его якобы встречи со Сталиным. «Это очень любопытно, потому что нигде в Интернете я не нашёл упоминания о том, что Коновалов работал в ЦК партии. Стесняются что ли указать работу Коновалова в ЦК его биографы?» Но саратовцы и не такое от выпившего Григория Ивановича слыхивали, например, как отбил невесту у Михаила Андреевича Суслова...

Литературный ландшафт тех лет мне конечно хорошо знаком, хотя и в несравнимо меньшем объёме, чем Красухину. Не буду более останавливаться на конкретных фигурах, замечу лишь, что с некоторыми оценками автора «Мрамора и глины» скажем, поздней прозы Валентина Катаева, я не согласен. В целом же Гена так же благожелателен в своём календаре, как и в общении. Иногда чересчур. Мне не по душе его доброе мнение о малоуважаемом мной критике Валентине Оскоцком, заметку о котором сам же Красухин начинает с убийственного примера. Оскоцкий напечатал в ЛГ рецензию, где было и такое: «– Ну как можно – спрашивал Оскоцкий, было приписать Лермонтову такие графоманские строчки:

*Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало говорят
Мне остаётся жить!»*

Никакой перестроечный прогрессизм этого критика не может искупить его абсолютной литературной глухоты.

Ещё позволю себе задержаться на литературном сюжете, который меня, как и Красухина, давно занимает. Он относится к великой поэме Сергея Есенина «Чёрный человек». Много лет ведётся спор вокруг утвердившегося ошибочного напечатания строки «Ей на шее но́чи маячить больше невмо́чь...», когда правильным утверждается не «но́чи, а но́ги»: «на шее но́ги!», как было в первой но-вомирской публикации 1926 года. Красухин рассказывает о своей борьбе за публикации на эту тему В. Вдовина, негодует на тупое упорство комментаторов академического собрания поэта.

2020

О К Н О

Сергей Чупринин. Русская литература сегодня. Малая литературная энциклопедия. М., «Время», 2012

После выхода этой Малой литературной энциклопедии, которую позволю себе далее именовать МЛЭ, можно проводить литературные викторины со многими каверзными вопросами.

Например:

– Какой литератор состоит членом семи редколлегий сразу?

Ответ: не какой, а какие – таковых не один.

– Какие литераторы были лишены премии имени Михаила Шолохова?

Ответ: Тимур Пулатов, Николай Федь, Анатолий Жуков, Валентин Сорокин, Владимир Бушин, Сергей Михалков.

– За что?

Ответ: не энциклопедическое это дело.

– Сколько всего в стране литературных премий?

Ответ: 579.

Нет, лучше не так: ПЯТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ!!!!!!!!!!

Неудивительно, что во многих справках-персоналиях значительную часть текста книги занимает перечень полученных имяреком премий. Это захватывающее чтение – так и слышишь звон злата (я не о материальном содержании). Выше моих сил удержаться от перечня всего литроссийского золота, о котором сообщает МЛЭ: «Золотая нива Алтая», «Золотая Ока», «Золотая пчела», «Золотая строфа», «Золотая тыква», «Золотая цепь», «Золотое перо», «Золотое перо границы», «Золотое перо Московии», «Золотое перо России», «Золотое перо Руси», «Золотое перышко», «Золотое сердце России», «Золотой венец Победы», «Золотой витязь», «Золотой крокодил», «Золотой листопад» и, наконец, «Золотой теленок», который из всех, кажется, единственный адресуется не к золоту, а к названию классического текста. Это тем удивительнее, что в традициях русской литературы, которым на словах то и дело присягают большинство строителей и лауреатов перечисленных премий, золото было презренным металлом.

Вот, пожалуйста, лишь один персонаж. Все его награды перечислить объема моей рецензии не хватит, но вот самые ослепительные: «Золотое перо Руси», «Золотое перо Московии», «Золотое перо границы», «Золотое перо России»,

«Золотая звезда Всемирной академии наук комплексной безопасности». Этот же златоносец из тех, которые уже не раздваиваются по редколлегиям, с чем еще при старом режиме боролись, а рассемеряются, может быть и раздесятятся. Членство в редколлегии, впрочем, дело вполне бескорыстное и неприбыльное, но поневоле позавидуешь такой богатырской работоспособности!

И таких богатырей, из 2431 пишущих граждан, о которых в МЛЭ имеются справки, немало.

А то потешались над бедным Леонидом Ильичом, который на всю страну был один. Здесь же шеренгами шагают к славе, и места на пиджаках для медалек и значков не хватает. Хоть бы родных и близких пожалели – где тем столько алых подушек набрать?

Еще в МЛЭ читатель найдет более или менее подробные сведения о 538 литературных газетах, журналах, альманахах, 99 издательствах, 177 фестивалях, праздниках, конкурсах, ярмарках.

По поводу этого богатства в кавычках и без кавычек говорить много не приходится. Сам же Чупринин и подметил: писать, издавать, премировать стали много больше, а читать много меньше, чем раньше.

По моим наблюдениям, кроме главной, благородной и, увы, немногочисленной категории настоящих читателей

есть две основные. Одна – это читатель по интересам (особенно почему-то много тех, кто повернут на эзотерике). Другая – потребитель не просто коммерческой, но, скажем так, одноразовой продукции (в МЛЭ меня поразило число изданий и тиражи Юлии Шиловой: в 2010 году – 93 названия общим тиражом 3, 995 млн экз., в первом полугодии 2011 года – 51 издание общим тиражом 2, 24 млн экз.).

И все же, читая, перелистывая, изучая этот том, нельзя не подивиться, как много у нас подлинных талантов. И в своей работе я буду обращаться к МЛЭ не только за справкой, но и с целью (цитирую авторское предисловие) «увидеть наш мир – мир русской литературы XXI века».

Вероятно, внимательный читатель заметит на тысяче страниц какие-то опечатки. Мне попалась лишь одна, привожу ее в силу того, что улыбнулся ее курьезности и почти 99-процентной неизбежности в любом издательстве страны за исключением астраханских. Район тамошний – не ИСКРЯНИНСКИЙ, а ИКРЯНИНСКИЙ. Да, со времен ленинской «Искры» икры, в отличие от разнообразных искр, у нас стало все меньше...

Удивительно не то, что, как правило, к справкам о писателях нет критической библиографии – иначе МЛЭ состояла бы не из тысячи, а многих тысяч страниц, а то, что у немногих она все-таки имеется. И поэтому выглядит чужеродно.

Есть неожиданные сведения о профессиональном литературном браке. Нет, не профбраке в литработе, что было бы крайне неуместно после золотых литприисков, а браке как супружестве, когда один профлитератор связан узами Гименя с другим(ой). Очень-очень любопытно. И поучительно.

Не может не вызвать почтительного удивления то, что с таким колоссальным объемом работы справился один человек. Да, в предисловии Сергей Иванович Чупринин благодарит 49 «соавторов» – тех, кто словом и делом помог в работе, и все же МЛЭ – это авторская работа, подобная вышедшим ранее изданиям: «Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник» в 2-х томах, «Русская литература сегодня. Путеводитель», «Русская литература сегодня. Большой путеводитель», «Русская литература сегодня. Зарубежье» и «Русская литература сегодня. Новый путеводитель» (2003–2009).

Они, по словам автора, и легли в основу МЛЭ.

Некоторые отзывы на прежние издания содержали не только критику конкретных недочетов, описок и ошибок, практически неизбежных в столь объемной работе, но и обвинения составителя в предвзятости, ангажированности и прочая.

На самом деле какая уж тут предвзятость! Всяк из нас, и писателей, и серьезных читателей, безо всяких словарей от-

лично знает ху из кто на литературных просторах родины чудесной в смысле «идеологии».

Утопло судно «Союз писателей СССР», от которого в разные стороны ринулись спасательные плоты и шлюпки, числом, как сообщает МЛЭ, 131. На том огромном лайнере можно было перебегать с палубы на палубу, шептаться по разным каютам, давать врагу подножку на трапах, а по мере возможности и скидывать его за борт, мечтая подняться на капитанский мостик, но в рассуждении, дабы не попасть в мрачные трюмы, строиться по сигналу «на флаг и гюйс смирно».

Теперь нормальному – подчеркиваю, просто нормальному – литератору, в том числе и критику, нет нужды маскироваться и гримироваться, манифестируя единство – в чем за десятилетия так преуспели совписцы. И все, что от настоящего профессионала требуется, – это не использовать для полемики энциклопедическую площадку: в МЛЭ соблюдена бесстрастность, приличествующая этому жанру.

Естественен вопрос, зачем известному критику, главному редактору журнала, браться за столь трудоемкую и, казалось бы, неблагодарную работу.

Сам С.И. в недавнем интервью portalу «Культура» (6 июня с. г.) ответил на этот вопрос следующим образом:

«Мои словарные интересы возникли в начале 1990-х годов с совершенно простой вещи. Тогда все разрушилось, каналов

связи практически не существовало. Помню, часто в компаниях кого-нибудь вспоминали, и тут же возникали вопросы: а он жив? Может, куда-нибудь уехал? Или занялся бизнесом? Никто не знает. Я стал собирать первичную информацию, сначала использовал каталожные карточки, потом обзавелся компьютером. Мои интересы расширились, мне показалось важным заняться топографией современного литературного пространства. Раз этого не делают академические институты, пришлось брать на себя эту обязанность и выполнить ее так, как я могу. Я пришел к убеждению, что надо делиться не своими мнениями, а своими знаниями. Мы, эксперты, полагаем не только мнениями, но и знаниями, которых нет у людей, занятых в других сферах, но читающих книги. Вот причина, по которой я взялся за этот двухтомный проект»¹.

Добавлю, что работа эта благодарная, ее ждет читатель – слишком мало источников у тех, кто, скажем так, хочет по-больше узнать о современном состоянии литпроцесса и его разнородных представителях, редакциях, издательствах, союзах ит. д., – доступных источников, собранных под одной обложкой. Это очень важно.

Я вспомнил, что во времена моих с Сергеем Ивановичем молодых лет было две литературные энциклопедии: одна 1929–1939 годов (тт. 1–9, 11) и Краткая (КЛЭ) 1962–1978 годов (тт. 1–9). Первая, особенно в провинции, была малодоступна

по причине изъятия в библиотеках страниц и целых томов, которые пестрили именами врагов народа. КЛЭ. А вторая – довольно скромный, но по сути единственный источник сведений о мировой, русской и советской литературе вплоть до здравствующих, в том числе и провинциальных, писателей, уже по выходе первых томов была в штыки встречена теми, чьими наследниками стали нынешние литературные коммуно-патриоты. У меня где-то хранится вырезка из журнала «Октябрь» со статьей, кажется, Петра Строкова (или Александра Дымшица?) под характерным заголовком «Кривое зеркало «Краткой литературной энциклопедии»». Так что готовься, Сергей Иванович!

2012

Р.С. Прошло восемь лет, и Сергей Чупринин издал фундаментальный труд «Оттепель: события. Март 1953 – август 1968. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 1192 с. И вот сбылось мое предсказание: с длиннющим идейно-политическим протестом в журнале «Урал» (2021, №2) выступил его бывший главный редактор В.П. Лукьянин, о чем я пишу в заключительной статье этой книги «За тех, кто нас вёл».

2021

ЗА ТЕХ, КТО НАС ВЁЛ

Валентин Лукьянин. «А время? Время движется рывками...». Полумемуарные заметки на полях книги Сергея Чуприна «Оттепель: события». «Урал», 2021, №2

Когда я прочитал эту статью размером с добрую повесть, вопросы возникли не к тому, что и кем сказано, а к тому, как и где сказано. То есть конечно я не удивлен явлением еще одного разочарованного бывшего подданного СССР, потому что кто из переживших большие надежды конца 80-х – начала 90-х, не разочарован? Я тоже полагаю, что вторая оттепель явно не оправдала ожиданий, но зато оставила надежду на грядущее обновление, которое может принести новое поколение людей, не отравленных ядом советской лжи. Такого же мнения придерживается и Чуприн, как чувствует и несогласный с ним рецензент: «Сергей Иванович прав, чувствуя назревшие перемены. Но не хотелось бы, чтоб это

была новая «движуха». <...> Да она и не нужна, и не будет ее. Будет, по-моему, прозрение – да оно уже и началось. Уже приходит понимание, что не был советский период провалом, черной дырой в истории великой страны».

По Лукьянину лишь из «морально-политических» закров советского опыта можно почерпнуть уроки для будущего. «И где-то в начале 1936 года по радио запели, а народ подхватил: «Живем мы весело сегодня, а завтра будет веселей». <...> по всем признакам это была «оттепель»! Правда, еще не та, которую теперь вот С.И. Чупринин именует с большой буквы <...> Сталинская, заметьте, «оттепель». Она оставила след в памяти тех, кому довелось чуть-чуть погреться в ее робких лучах, но продержалась совсем недолго: сначала начали азартную охоту на ведьм (1937 год), поскольку социалистическое строительство шло с большими издержками и причину этого надо было народу объяснить. Потом стали «закручивать гайки» в преддверии неизбежной большой войны...»

Я не встречал еще определения 1937 года как начала азартной охоты. Круто.

Что ж, любить великого Сталина никому не заказано: «Конечно, роль вождя при принятии главных решений была определяющей – на то он и вождь; но никогда не существовало указов Генерального секретаря, никогда он не изображал «хорошего царя при плохих боярах». Он эффективно ис-

пользовал другие возможности подстегнуть не расторопных исполнителей: звонил по прямому проводу, посылал телеграммы, вызывал к себе «на ковер», мог и НКВД натравить. Но принципиальные решения всегда при Сталине оформлялись как коллегиальные: ЦК и Совнаркома (позднее – Совета Министров), ГКО (Государственного комитета обороны) во время войны. Сталин не топил личную ответственность в круговой поруке, а строго следовал легенде о «коллективном руководстве», которая лежала в основе созданного им и его сподвижниками общественно-политического строя. Сталинизм не был «сталинщиной», как любят выражаться непримиримые критики советского опыта тех десятилетий. Не было самоуправства диктатора, упивающегося своей безграничной властью, а была жесткая система управления, контролировавшая не только поведение, но и мысли, даже и настроения каждого индивида и подчиняющая их общей задаче, стоящей в конкретный момент перед страной».

В. Лукьянин потратил немало слов для похвал «титаническому труду» Чуприна, хотя и без слов ясно, что кое-как том в 1200 страниц с обширнейшим справочным аппаратом не сотворишь. Честнее было бы сразу обозначить противостояние: «Ведь главные сюжеты повествовательно-образной конструкции его книги посвящены противостоянию вольнолюбивой творческой интеллигенции государству, пося-

гающему на свободу ее «самовыражения». Нужно лишь не поддаваться магии стереотипов, складывавшихся (особенно в последние тридцать лет) под влиянием капитулировавших под напором «демократии» толкователей. Но катастрофа 1990-х – хороший ориентир, чтобы не запутаться в дебрях литературных и околотруратурных междоусобиц».

Подобные рассуждения не редки, что закономерно в стране, где миллионы граждан воспитаны советскими учебниками истории и подвержены льющейся сейчас с телеэкрана пропаганде. Удивителен не политический плюрализм, а редакторская щедрость журнала, выделившего не меньше 1/10 объема номера статье своего бывшего руководителя, что видимо, и сыграло главную роль. Вот и меня журнал «Волга», который я возглавлял много лет, печатал в прошлом году почти в каждом номере. Но не могу согласиться с тем, что «статья изобилует интереснейшим и малознакомым для современного читателя материалом» – изобилует-то изобилует, но метод и уровень изложения таковы, что читателя от текста можно только предостеречь.

Отметив, что панорама жизни в книге «Оттепель» «литературоцентрична», то есть не всеобъемлюща, Лукьянин принимает эти параметры, начиная со стихотворного эпиграфа.

*И все же ты лишь капля в океане
Истории народа.
Но она –
В тебе. Ты – в ней. Ты за нее в ответе,
За все в ответе – за победы, славу,
За муки и ошибки.
И за тех,
Кто вел тебя.*

Публицист полагает, что это «очень нетривиальная мысль, будто в бронзе отлитая». А я хорошо помню, как лозунг «За все в ответе» много лет на все лады повторяла советская пропаганда, он глядел на нас с плакатов, звучал по радио. Не берусь судить обо всей книге Владимира Луговского «Середина века» (1957), но в цитате поэтического мастерства явно не избыток, Зато сказано главное, и, к сожалению, не только для Лукьянина: «За тех, кто вел тебя». Кто вел – понятно, про вождя Лукьянин высказывается охотно, но вряд ли он такой уж упёртый сталинист, просто ему страшно даже вообразить, что его не ВЕДУТ. С эпитафия начинается спор с Сергеем Чуприниным, как человеком либеральных взглядов.

Постоянное обращение по ходу полемики к литературным источникам вызывало у меня не возражение, а чисто профессиональные уточнения.

Естественно значительное место, которое и в книге Чуприна и в заметках Лукьянина заняла повесть Ильи Эренбурга «Оттепель» (1954).

Верный своей полумемуарности публицист сообщает: «Я не доверился давнему впечатлению и перечитал «Оттепель» Эренбурга сейчас. Согласен: не шедевр, но сказать «плохая» я бы не решился».

Я тоже не назвал бы «Оттепель» плохой. Вообще, ни один текст Ильи Григорьевича, даже роман «Девятый вал» или статьи, восхваляющие Сталина, я бы не назвал литературно плохими: он был мастер и этим все сказано. Но Лукьянин задерживается на полемике с Дм. Быковым, для убедительности сообщая читателю о содержании повести, Быкова ему мало, и он цитирует из книги «Оттепель» высказывание Давида Самойлова: «Эренбург несколько просчитался. Несколько забежал вперед. Он пытался подтолкнуть на новые реформы, определить время как переходное. Власти же считали, что по линии общественных свобод сделано достаточно. <...> Старый слуга Эренбург просчитался. Он был переведен в состав официальной оппозиции и не раз подвергался критике. Будучи человеком казенным, он болезненно переживал свою отставку с места директора конторы либеральных идей».

Я неплохо знаю творчество Эренбурга, хотя бы потому, что люблю этого писателя, но не вижу ничего неверного в этой *политической* характеристике. Но Лукьянина вполне по-советски оскорбила прямота поэта, ведь настоящий писатель всегда по определению и правильный гражданин.

«Полумемуарность» заметок Лукьянина бывает очень забавна.

«Для меня как читателя жизнь, реконструированная Чу-прининым, тем более интересна, что она – моя! Подчеркну: моя в большей степени, нежели самого автора, ибо, хоть Сергей Иванович и называет себя... «младшим в том поколении», хоть и не возражает, когда его труд называют летописью, он не может повторить вслед за пушкинским Пименом: «На старости я сызнава живу». Реконструируя события Оттепели, он «сызнава» не живет, потому что той жизнью он не жил никогда. Когда умер Сталин (а с этого события начинается сюжет «Оттепели»), будущему литератору шел всего-то пятый год; он даже «был еще совсем молодым человеком, когда кончалась Оттепель. <...> Но сам же Сергей Иванович говорит: «Личные свидетельства никакими документами не заменишь». Так что Чупринин – не «Пимен» Оттепели, а ее увлеченный и добросовестный исследователь. А я ту жизнь прожил сам в возрасте вполне сознательном».

Как же трогательно, когда восьмидесятитрехлетний ука-
зывает семидесятитрехлетнему на недостаточную зрелость,
а при нынешнем долгожительстве вполне представимо, как
девяностотрехлетний по праву старшего журит Лукьянина.

Что ж, гордиться возрастом присуще детям и старикам,
которые к тому же любят поучать. Вот и наш публицист тя-
готеет к назидательности.

«Изменение ракурса не меняет наблюдаемого явления,
но меняет его восприятие», «Если бы С.И. Чупринин пока-
зал истинное положение дел с романом...» или вот: «С моей
стороны было бы некорректно рассуждать о том, как следо-
вало бы поступить Б.Л. Пастернаку... <...> Сжечь, как Гоголь
сжег второй том «Мертвых душ»? Тоже не выход».

Ну, конечно же не выход, верно подмечено!

Обращение автора заметок к тем или иным произведениям
нередко удручает: «В поддержку той волны тепла появилась со-
ответствующая той «оттепели» литература: романы П.А. Пав-
ленко «Счастье», С.П. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды»,
Г.Е. Николаевой «Жатва». Вы скажете: агитки? Не спорю, но их
читали так же увлеченно и радостно, как полутора десятилетия-
ми раньше пели песни на стихи В.И. Лебедева-Кумача».

Я верю в искреннюю веру Валентина Петровича в сталин-
ские методы, но не верю, что он встречал людей «увлеченно
и радостно» читавшего эти книги.

Читателей публицист скорее воображает, чем знает. «Но читатели наши воспитывались тогда не на диванно-трамвайном чтиве: унаследовав традиции Добролюбова и Чернышевского, они умели вычитывать в тексте даже больше того, что автор хотел сказать». Жаль конечно, но не были «наши читатели» наследниками великих критиков ни в сталинском, ни даже в 19 веке.

Вот он вспоминает дни хрущевской оттепели: «Весенний дух обновления пропитывал тогдашнюю повседневность, и поверьте: нам даже в голову не приходило, что как-то это связано со смертью Сталина. Совершались долгожданные, необходимые и понятные шаги по выходу – нет, не из «сталинщины», а из мобилизационного режима, благодаря которому победили в войне...»

Среди примет обновления он называет издаваемые книги, и первой из них в 1956 году «Сагу о Форсайтах» Голсуорси, и она тут же стала бестселлером». Современный читатель, о котором говорится в редакционном послесловии, может подумать, что Голсуорси до этого был в СССР запрещен, но здесь, конечно, опять полумемуарность: просто «Сага», изданная в 1956 году в очередной раз, впервые попала в руки юному Лукьянину, тогда как издания 1946 и 1951 гг. в руки ему неизвестны.

А вот он восхищается стихотворцем и одним из руководителей Союза писателей Николаем Грибачевым, который «так «громыхал» с трибуны...» Лукьянин грозно спрашивает читателя: «А вы бы предпочли, чтоб он сдавал свои позиции без боя?» Нет, я бы предпочел вовсе не знать об этой фигуре. Но публицисту все мало, он вспоминает давным-давно забытый спор Грибачева с Евтушенко, вновь задорно предлагая читателю выбор: «если бы вы перечитали эти стихотворения сегодня, – я не уверен, что однозначно приняли бы сторону Евтушенко».

И мемуарная составляющая не забыта. «Помню с юности книгу «Десна-красавица», написанную Н.М. Грибачевым в соавторстве с поэтом С.В. Смирновым и журналистом А.Ю. Кривицким. <...> При этом самые теплые и трогательные страницы книги <...> написаны Грибачевым». Детство В. Лукьянина прошло там же, где и действие книги, на Брянщине. Но эта книга попала в историю советской литературы лишь благодаря блистательному фельетону о ней Натальи Ильиной в «Новом мире». Кстати, обращаю внимание современного читателя, что при ссылках в Сети на эту книгу помещена фотография автора «Брестской крепости» прозаика С.С. Смирнова, тогда как соавтором Грибачева был известный своим пещерным антисемитизмом поэт С.В. Смирнов.

Говоря о Втором съезде писателей, Лукьянин особо отмечает фразу Шолохова, «вставшую рядом с ленинским определением партийности литературы: дескать, «каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии» (почему-то С.И. Чупринин ее не процитировал, между тем она вошла во все советские учебники и хрестоматии)».

А почему Чупринин был обязан её процитировать? Вообще, вежливо прикрываемая как бы нейтральностью, авторская позиция то и дело вылезает наружу. «Исключительный эффект хрущевского оклада был следствием ловкой историко-политической манипуляции. <...> Оттепель не упрочила, как того требовала напряженная обстановка в стране и в мире, но заметно ослабила цельность того социального образования, которое благодаря неординарным организационно-пропагандистским усилиям партийных организаций, особенно в годы войны, уже осознавало себя «советским народом».

Я останавливаю себя из опасения, что мой отзыв может приблизиться объемом к статье Валентина Лукьянина.

Хорошо, что В. Лукьянин высказался, жаль, что не столь прямо, как это делал его любимый Николай Грибачев, а с привитыми ему в «перестройку» демооговорками для придания статье объективности, которой и близко нет.

2021

С О Д Е Р Ж А Н И Е

От автора	3
Съезд победителей себя.....	5
Единомышленники	11
Советский поэт	60
Заметки про СП.....	108
Союзники	122
Из книги «Пустая полка»	136
Весёлые поминки	177
Окно	186
За тех, кто нас вёл.....	194

Сегодня и вчера
[1975]

Перекресток
традиций
[1979]

Отзывчивость
[1981]

Алексей Толстой.
Очерки [1982]

Алексей Толстой.
Страницы жизни
и творчества [1984]

Ясный талант
[1986]

Разумная душа
[1988]

Замерзшие слова
[1991]

Сказка про тучаток
[1992]

В русском жанре
[2003]

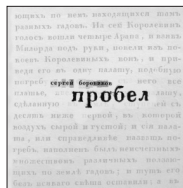
Двадцать два
[2011]

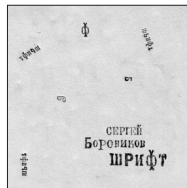
В русском жанре.
Из жизни
читателя [2015]

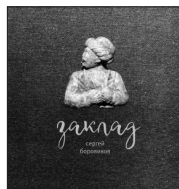
Серапионы и тараканы
[2017]

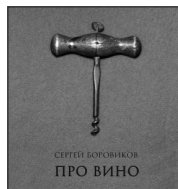
Пробел
[2018]

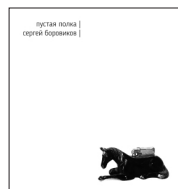
Шрифт
[2018]

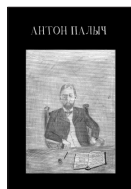
Заклад
[2019]

Про вино
[2019]

Пустая полка
[2019]

Антон Палыч
[2019]

Крюк
[2020]

Запятая
[2020]

Боровиков Сергей Григорьевич

ВЕСЕЛЫЕ ПОМИНКИ

Редактура *Дениса Боровикова*
Вёрстка *Алексея Голицына*

Подписано в печать 20.05.2021.
Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Гарнитура Merriweather.
Бумага офсетная.

Сергей Григорьевич

Боровиков родился в Саратове в 1947 году. Закончил филфак университета. С 1971 по 2000 год работал в редакции журнала «Волга». В последующие годы – в газетах «Новые времена в Саратове» и «Наша версия». Пенсионер. Член Союза писателей Москвы. Автор более 600 публикаций в журналах и газетах. «Веселые поминки» – двадцать вторая книга Боровикова.

Живет в селе Багаевка Саратовской области.